

СБОРНИК НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ВЫПУСК 15

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1974

8PC
C23

C23 **Сборник научной фантастики. Выпуск 15. М., «Знание»,
1974.**

В сборнике представлены новые произведения советских писателей-фантастов, посвященные различным проблемам физики, химии, биологии, психологии. Здесь же читатель найдет рассказ двух польских авторов, а также обстоятельную статью доктора филологических наук Ю. Кагаряцкого, рассматривающего некоторые аспекты научно-фантастической литературы.

С $\frac{70300-043}{073(02)-74}$

8PC

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	3
ВОКРУГ ХИМИИ	
Ив. Валентинов. МЕРТВАЯ ВОДА	7
М. Кривич, О. Ольгин. НАЧИНАЮТ И ВЫИГРЫВАЮТ... ..	57
Марк Азов. ГАЛАКТИКА В БРИКЕТАХ	64
ГРАНИ ФИЗИКИ	
В. Михановский ЦЕЛЬ И СРЕДСТВА	68
В. Диктер, Я. Кунцкий. УБИЙСТВО КРИСТАЛЛОМ	168
ПСИХОЛОГИЯ+БИОЛОГИЯ=!	
В. Рыбин. ЗЕМЛЯ ЗОВЕТ	175
И. Росохватский. УРАГАН	185
А. Горбовский МЕТАМОРФОЗЫ	201
РАЗМЫШЛЯЯ О ФАНТАСТИКЕ...	
Ю. Кагарлицкий. УЭЛЛС, ДАРВИН, ХАКСЛИ	209

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Значение научной фантастики, кроме всего, еще и в том, что, взрывая косность привычных представлений, она готовит почву для принятия принципиально новых идей.

Нас уже сейчас захлестывает невообразимо огромное количество информации. Каждые несколько лет это количество удваивается. Налицо, таким образом, информационный взрыв. Ясно, что на нынешнем своем уровне ум человеческий скоро будет просто не в состоянии поглотить, усвоить все эти знания.

Есть ли возможность защититься от информационного взрыва? Есть. Эту возможность и предоставляет, в частности, научная фантастика. Потому что, ломая наши устоявшиеся представления, варьируя различные социальные модели, она дает возможность взглянуть даже на привычные вещи под новым углом зрения, а это, в свою очередь, приводит к сжатыванию информации. А уж в таком-то сжатом, преобразованном виде можно усвоить и вдвое, и втрое больше новых идей.

Хочу быть правильно понятым. Речь идет здесь не о популяризации знаний, ибо отнюдь не в этом, как уже говорилось, предназначение фантастики.

Настоящий сборник НФ достаточно широк — как по кругу авторов, так и по проблемам, которые их занимают.

В советской научной фантастике замечен постоянный приток свежих сил. Эта тенденция не могла не найти свое отражение и в настоящем сборнике.

Иван Валентинов не новичок в литературе. Он окончил Литературный институт им. А. М. Горького, участвовал в Великой Отечественной войне в качестве парашютиста-десантника и разведчика, имеет шесть наград и семь ранений. Как видим, ему есть что рассказать читателю, и Валентиновым создано немало художественно-документальных произведений. А вот поди ж ты... Пути литератур-

ные неисповедимы, и — перед читателем пересая научно-фантастическая повесть И. Валентинова «Мертвая вода».

Впервые выступает в фантастике и Мартий Азов, опытный драматург, а также автор многих юмористических рассказов, каждый из которых «корооче воробьиного носа». Влияние Азова-юмориста читатель почувствует и в его рассказе «Галактика в брикетах», который публикуется в настоящем сборнике.

Гостем страны Фантазии является и опытный журналист Владимир Рыбин, известный читателям по оперативным репортажам с переднего края науки, а также по научно-художественным произведениям.

М. Кривич и Л. Ольгин — не только соавторы. Они вместе работают в научно-популярном журнале АН СССР «Химия и жизнь». Более того, они даже родиться умудрились в одном году. Как говорится, их пример — другим соавторам наука. Тем более что альянс Кривич — Ольгин достаточно прочен, они выступают в фантастике с 1969 г.

Владимир Михановский по специальности физик-теоретик. Первая его книга — монография по теоретической физике. Выяснилось, однако, что интеграл и ямба вовсе не так далеки друг от друга, как это могло бы показаться с первого взгляда. Михановскому принадлежат книги стихов «Люблю», «Прими нас, даль широкая», «Шаги». Ну, а физика плюс поэзия неизбежно переросли в фантастику. Основные книги прозы: «Тайна одной лаборатории», «Оранжевое сердце», «Двойники», «На траверсе Бета — Лир», повести «Когда параллели встречаются», «Стена», «Финалка». В 1973 г. в издательстве «Мысль» вышел научно-фантастический роман В. Михановского «Шаги в бесконечности».

Игорь Росохватский по образованию педагог. Работает корреспондентом киевской газеты «Юный ленинец». Первый свой научно-фантастический рассказ опубликовал в 1959 г., первую книгу — «Загадка «Акулы» — в 1962 г. Автор нескольких сборников научно-фантастических и приключенческих произведений («Виток истории», «Встреча во времени», «Каким ты вернешься?» и др.), вышедших в свет на русском и украинском языках.

Александр Горбовский по профессии социолог, он изучает социальные последствия научно-технической революции, а также проблемы интеллектуализации общества. А. Горбовский написал и опубликовал несколько научно-фантастических рассказов. Не ограничившись этим, он перевел с бенгали (причем с подлинника) сборник стихов Рабиндраната Тагора.

Юрий Кагарлицкий, доктор филологических наук, занимается, в частности, теорией и историей фантастики. В 1963 г. его моногра-

фия «Герберт Уэллс» вышла в Москве, в 1966 г. она была переиздана в Лондоне и совсем недавно, в 1974 г. — в Милане. В настоящее время выходит его книга «Что такое фантастика», Ю. Кагарлицкий — автор множества статей, посвященных научной фантастике. За перечисленные работы получил в 1973 г. Международную премию «Пилигрим», и в том же году в Польше — еще одну международную премию.

В нашем сборнике впервые участвуют Вильгельм Дихтер и Яцек Куницкий, их рассказ перевел с польского Владимир Головчанский, который активно трудится, знакомя советского читателя с новинками польской литературы.

В. Дихтер и Я. Куницкий в своем творчестве пользуются необычными формами пропаганды научно-технических достижений. Их рассказы «Госпожа Крюгер из Гамбурга», «Убийство Кристаллом» удостоены премий польского радио и жюри конкурса им. Бруно Винавера.

Оба они также являются лауреатами премий Союза польских журналистов.

Остается добавить, что В. Дихтер — научный работник Варшавского Политехнического института, занимается проблемами ракетной техники, а также общей кибернетики. Его соавтор Я. Куницкий — по образованию филолог, сотрудник польского радио, активно занимается популяризацией научно-технических знаний.

Ив. ВАЛЕНТИНОВ
МЕРТВАЯ ВОДА

Сначала неизбежно идут: мысль, фантазия, сказка. За ними шествует научный расчет, и уже в конце концов исполнение венчает мысль.

К. Циолковский

I

...В просторной горнице махорочный дым лежал плотными слоями — один над другим. Окна и печная труба были закрыты — гроза бушевала третий час. Казалось, во всем мире ничего уже не осталось, кроме яростных фиолетовых всполохов и пенных поговов воды. При каждом ударе грома лесник крестился и что-то бубнил, задрав сивую и даже на взгляд жесткую, как конский хвост, бороду. Невольные его постояльцы посмеивались, но и им было чуточку жутко — в России могучие грозы редки. Их же ненастье едва не прихватило в лесу, где в этакый ливень и под шатровой елкой вымокнешь до последней нитки. К дому лесника они подбежали одновременно с разных сторон, когда первые полновесные капли уже стукали в тесовый навес над крыльцом. Столкнулись в дверях, рассмеялись. А сейчас слюнявят самокрутки у непокрытого стола, сколоченного из полуторавершковых липовых досок, стряхивают пепел в щербатый, отслуживший свой век, чугунок. Непо-

года и вынужденное безделье сближают незнакомых людей, и под мерный шум дождя завязывается беседа.

— Ну, вот, секретарь наш и говорит: «Ты, Алексей, желтый и морщенный стал, как гриб-сморчок. Давай-ка к докторам, пускай разберутся по науке, а то зачахнешь...».

Я сначала уперся, а потом — сам чую, дело дрянь. И пошел. Лекари меня, как барышники коня на ярмарке, обсмотрели, обслушали, обстукали. Ну и приговорили к высылке, потому как в городе да на заводе я бы быстренько в ящик сыграл. Сообщили куда надо и мне тоже объяснили. А тут как раз в этих вот палестинах потребовались люди твердые, с партийной закалкой, чтоб помочь местным жителям разобраться в обстановке, добить классового врага и выйти на светлую дорогу жизни. Пока доктора меня лечили, товарищи уже все обмозговали. Как тут поперек пойдешь, когда есть решение, есть партийная дисциплина? Да по чести говоря, уж если кого посылать, так таких, как я, ежели здоровье в расчет не брать: бобыль бобылем — родителей нет давно, жену да детишек за делами и хлопотами не успел завести, значит, на подъем легок. Семейному-то труднее...

— Ну, не вовсе же бобыль! Братья-сестры ведь есть?

— Никого. Был брат, да срубил его еще в девятнадцатом не то деникинец, не то казак из беляков... Слушай, а может, мы с тобой родичи? Я вот гляжу на тебя, ну вроде как в зеркало... Ты родом-то откуда?

— Местный... Из Прохоровки.

— Соседи — из окна в окно верст шестьсот. Далековато...

— А что похожи — верно. Чудно даже...

Они и в самом деле были похожи немного. Только тот, что назвался местным, был покрепче, посвежее и имел на левом виске ометину — свежий рубец, круто изогнутый, как серп.

— Где это тебя?

— Мельника тут одного, мироеда, тряхнули... Ну, а он все патроны расстрелял, обрез бросил и стал с топором за притолоку. Если бы я не поберегся — конец. И так еле очухался, да и поныне иной раз голова болит невыносимо...

— Вот оно что... Мы, значит, с тобой теперь вроде как однополчане. Только ты старослужащий, а я — новобранец. И, видать, не зря мне наган всучили, думал не нужен, а тут, глядишь, и очень даже потребуется. Волки водятся или того хуже...

— Не трусь. За наган попусту хвататься — людей смешить и себя ронять. Это на самый что ни на есть крайний случай.

— Понятно. Ну, а теперь ты куда?

— В район, а оттуда домой, в Прохоровку. Я же со станции, в городе в больнице лежал.

— Как со станции? Ведь и я оттуда, и тоже в район... А выскочил-то ты здесь мне навстречу. И у поезда тебя не видал...

— Чудо-человек, ты же приезжий — пока на станции дорогу спросил, пока огляделся, я уж был далеко. Вот и обогнал. А грозу приметил — назад. Лесника-то этого, Федора Ермолаича, давно знаю и дом его тоже... Понял?

— Теперь понял. А то, знаешь, сомнение взяло...

— Ну и правильно! Лучше засомневаться, чем рот разинуть. Осторожность не вредит, а вовсе даже наоборот.

Гроза кончилась. С крыши падали редкие звонкие капли. Солнце светило всюду, горлачили петухи, на опушке трещали сороки, трясли хвостиками. Над огородом от черной земли поднимался прозрачный пар. Все было чисто вымытое, сверкающее, веселое — мелкий лист на березах, цветистое разнотравье лесной полянки и даже ошетиженный колючками чертополох у плетня.

— Ну что же, однополчанин-новобранец, ты еще отдыхай, а я пойду.

— Отдохнул уже. Вместе пойдем, веселее. Засветло в район доберемся?

— Да тут ходу часа полтора, не более. Пусть два — ходок ты, видеть, не больно прыткий. К обеду будем.

— Тогда пошли...

Они простились с хозяином и взяли свой небогатый багаж. Записал лаем выскочивший из будки пес, взвизгнули ржавые петли старой калитки. И вот уже надвинулась стена леса, дорога нырнула под зеленый свод.

„Глубок и темен овраг. Волчий угол. В непролазную и непроглядную гущу переплелись крушина и бузина, орешник и ольховник. Папоротник — сплошным ковром, до пояса. А под ним — кучи гнилого валежника и трухлявые пни. В крутые откосы вцепились могучими корнями темные ели. По дну невидимый бежит ручей, разливается мелкой лужицей по твердой красной глине, пробивается через навал упавших стволов.

Поверху проложена дорога. Справа овраг, слева — поле: вико с овсом. Редко ходят по дороге, еще реже ездят. Колес почти не видны в густой траве, под веселым покровом бело-желтой ромашки, малинового кипрея, синих колокольчиков.

Шли по дороге двое. Один отстал на шаг, оглянулся, сунул руку за пазуху, блеснула сталь... Короткий стон, сдавленный хрип. Вниз, вниз — тяжелое тело волоклось по склону, приминало траву, ломало папоротник. На дне, у самого ручья, быстро выросла горка

сухих сучьев. Сверху навалено полуистлевшее осиновое бревно. Сыро здесь, сумеречно даже в летний полдень. Люди не придут — нечего им делать в овраге, ни ягод, ни грибов. Звери могут учуять — лисы, волки. Заберутся, порвут, обглодают. Докочат дело мелкие ползучие твари. И останутся вскоре только желтые кости...

Шли по дороге над оврагом двое. Теперь шагал один — быстро, почти бегом. Кончилось поле, забелели вокруг молодые березы, зашелестели широкие, серебристо-матовые с внутренней стороны листья лещины. На опушке человек остановился, присел на пенек, свернул козью ножку. Закурив, достал пачку бумаг и — отдельно — маленькую красную книжечку. Читал внимательно и прятал документы один за другим во внутренний карман пиджака. Потом встал, огляделся и, не спеша, направился к белевшим вдали окраинным домам городка. В кармане у него лежал партийный билет на имя Егорова Алексея Ивановича, а также разные справки и характеристики, подтверждавшие, что он — слесарь вагоноремонтных мастерских, участник гражданской войны — направляется на работу в деревню. Но Егоров лежал в овраге, под кучей хвороста, убитый ударом ножа в спину. А в районный центр шел сын раскулаченного мироеда-мельника Григорий Зыбин, совершивший неделю назад побег из следственной тюрьмы...

II

Боль была нестерпимой. Словно тупой гвоздь ворочался в спине, тянулся к сердцу: вот-вот ткнет — и все... Егоров чувствовал, что умирает. Он лежал на спине и все под ним было мокрым. «Это кровь, — подумал Алексей. — Я лежу в луже собственной крови, и сознание вернулось перед смертью. Я слышал — так бывает» Боль как будто притуплялась, медленно отступала. И свет померк. «Вот и все. А умирать, оказывается, совсем не страшно...» Это было последней мыслью Егорова. Потом — темнота, тишина...

Ему лишь показалось, что он умер. Ему лишь показалось, что он лежал в крови. Все было иначе. Он уснул. Крепко, без сновидений. Под ним была не кровь, а вода. Теплая, как живое тело. Крови Егоров потерял немало, когда убийца волок его в овраг и приваливал сучьями. И рана была глубокой, почти смертельной, хотя лезвие ножа и не задело сердце. Алексей неминуемо погиб бы, не брось его Зыбин на этом пологом глиняном склоне, по которому медленно стекала влага, заживляющая раны. Егоров пролежал здесь без сознания несколько часов. Кровь уже давно перестала течь и рана затягивалась. Нужен был покой, нужен был глубокий сон, чтобы целебная влага довершила начатое дело. Егоров спал...

Он спал очень долго. Солнечный луч пробился сквозь листья деревьев, сквозь сучья, которыми был завален Егоров, и осветил небритую щеку. Алексей открыл глаза. Он увидел у самого своего лица сухие ветки, с которых клочьями свисала кора, а выше чуть трепетали листья, и в просветах между ними голубело небо. Все было настоящим, такое не привидится ни во сне, ни в бреду. «Значит, я не умер,— подумал Егоров,— так что же со мной? Где я?» Он попробовал шевельнуться: тело слушалось, в груди болело, но не сильно, вполне терпимо. Алексей осторожно раздвинул сучья и огляделся — никого... Он выбрался из-под груды хвороста. «Овраг... Самое дно. Мы шли вдоль оврага. Он был рядом, потом отстал. А потом был удар в спину, боль, перехватившая дыхание, лишившая сознания. Значит, он меня ножом в спину... За что? Свой же парень, коммунист... А откуда я знаю, что действительно свой и коммунист? Документы мы друг другу не показывали. Документы!». Егоров обшарил карманы — пусто. Ни документов, ни нагана, ни денег. Самое страшное — не было и партийного билета. «Т-а-а-к... Напоролся я, значит, на вражину. Надо скорей в тепле, в райком. Ох, и взгреют меня, недотепу...». Егоров шагнул было вверх по крутому откосу, но слабость охватила тело, голова закружилась. Он ощутил невыносимую жажду. Огляделся, ища воду. Перед ним в ярко-красной глине было небольшое углубление, наполненное влагой. Он зачерпнул горстью. Вода оказалась почти горячая. Егоров выплеснул ее с отвращением — ему бы сейчас ключевой или колодезной, чтоб от холода заломило зубы... Хотел уйти, но что-то удержало его. Алексей наклонился, наполнил теплой водой пригоршню, отхлебнул глоток. Вкус был неожиданно приятным, с чуть заметной кислинкой. Еще глотнул, еще... Потом стал на колени и начал тянуть губами воду из углубления, как из миски. Отрывался, чтобы перевести дух и снова пил. С каждым глотком — он отчетливо это чувствовал — в него вливались силы, дыхание становилось ровнее и глубже, зрение острее, слух тоньше. И даже сознание яснело, мысли приобретали большую четкость и стройность. Наконец, Егоров решил: хватит. Выпрямился. Движения его были легки и уверенны. Он чувствовал себя совершенно здоровым, сильным и бодрым. «Ну и водичка,— подумал Алексей,— прямо-таки влага жизни. И вот ведь чудо: сколько пил, а в животе никакой тяжести. Простая вода бултыхалась бы, как в кувшине, а тут хоть снова глотай. Куда же она подевалась? Нет, это дело непростое...».

Он внимательно приглядывался к созданной природой чаше, из которой только что пил, и ко всему вокруг. Его поразил цвет глины, по которой стекала «влага жизни». Глина была не красновато-коричневой, а почти алой. Такой Егорову видеть не приходилось.

На самой глине ничего не росло. Узкий треугольник поднимался, как язык пламени, вверх по склону метра на три. А вокруг стояли растения невиданных размеров. Папоротник вытянулся в высоту метра на полтора, а стебли были в два пальца толщиной. Алексей едва узнал кислицу: ее листья не уместились бы и на тарелке, а обычно они едва могли прикрыть спичечный коробок. «Он потому меня и заволок сюда, что здесь такая гущина... на мое счастье заволок...» Егоров снял пиджак и увидел, что вся спина залита кровью, а с левой стороны материя прорезана. Рубашка выглядела еще более устрашающе. Алексей заложил руку за спину и стал осторожно нащупывать рану. Но раны не было, пальцы скользнули по гладкому рубцу ниже лопатки. Он шагнул к ручейку, умылся. Потом возвратился к алой глине, зачерпнул «влаги жизни», взгляделся. Она сначала показалась синеватой, потом бледно-бирюзовой, и в ней то появлялись, то исчезали узкие золотистые ленты — прозрачные, как сама вода. «Наверное, в темноте все светится... И краски ярче», — подумал Алексей. Он взглядом искал какие-нибудь приметы, чтобы потом безошибочно найти это место. Но овраг был как овраг — кусты, деревья, трава. Все же Егоров увидел выше, на самом краю три березы, росшие из одного корня. «Вот от них — прямо вниз. Ладно, вылезу — найду что-нибудь у дороги, камень положу или хоть палку воткну. Я вернусь сюда, обязательно вернусь». Откуда было знать Алексею, что вернуться он сможет лишь спустя годы.

..Наступил вечер, когда Егоров выбрался из оврага. Алексей поискал и вскоре нашел камень — здоровенный, пуда на два с лишним. «Не подниму, пожалуй. Катить придется. Ничего, десяток шагов». Но попробовал и поднял без труда, даже на плечо взвалил. «Ого, силенки такой у меня никогда не было...» Камень ухнул на землю, примял высокую траву. Что-то блеснуло. Егоров вытащил из путаницы стеблей большой тяжелый нож. Ребристая рукоятка была выточена из твердого, как кость, березового наплыва*. Лезвие искусной ручнойковки хитро изгибалось. Нож был остер, как бритва, и совсем не тронут ржавчиной. Но на лезвии явственно виднелись следы крови. «Вот этим он меня, — подумал Егоров, — а потом обронил второпях...» У дороги рос лопух. Алексей сорвал два больших листа, обернул находку и положил в карман.

..Если бы Егоров вошел в городок тремя часами раньше, то он наверняка встретил бы Зыбина и был убит второй раз — наган действовал исправно. Но Алексею повезло. Зыбин уже уехал.

* На деревьях — березе чаще других — иногда образуются наросты, как бы опухоли размером с шапку и больше.

Райком партии по позднему времени был закрыт. Егоров отправился в райотдел ОГПУ. Дежурный — молодой парень неприметной наружности с воспаленными от бессонницы глазами — выслушал его рассказ очень внимательно, кое-что записал, мельком глянул на нож и положил оружие в ящик стола.

— Да... Тут мне многое непонятно... Ну, не в том дело. Ты что, Егоров, шагай сейчас, отдохни, поспи...

— Куда шагать-то?

— А, ты же приезжий... Вот задача... Ага, вспомнил: тут неподалеку живет тетка одна. Вдова, с дочкой. Так она пускает постояльцев. Ты скажи, что я просил. Коноплев. Она меня знает. Да, у тебя ж и денег нету...

Дежурный полез в карман и вытащил мятую трешницу.

— Держи. Да бери, вернешь по прошествии времени... А завтра с утра — сюда. Тут народ подойдет наш, займутся с тобой и разберутся, как положено. Понял?

— Понял. Скажи, Коноплев, быстро найдут его?

— У нас работа такая. Искать и находить. Чем быстрее — тем лучше. Ладно, иди...

Егоров поднялся, шагнул к двери.

— Постой-ка! Тебе, может, в больницу надо?

— Нет... Все в порядке.

— Ну, гляди... Вон, кровящи-то у тебя на пиджак натекло. Дойдешь? А то бойца пошлю, проводит.

— Да нет, спасибо. Говорю же — все в порядке. Будь здоров!

Дом, где принимали постояльцев, был большой — рубленый пятистенник с четырьмя окнами по фасаду. Но строение ветшало. Это Егоров заметил, едва ступив на крыльцо. «Безмужняя хозяйка-то. Вот и некому починить», — подумал Алексей, поднимаясь по шаткой подгнившей лесенке. Хозяйка — ее звали Анна — встретила Егорова в просторных сенях, сказала неприветливо: «Ночуй, раз пришел. Голодный, небось? Разносолов не жди, а щей в чугушке немного осталось. Заходи, чего стоишь...» В комнате горела семилинейная керосиновая лампа. Анна вошла первой, повернувшись, и у Егорова непроизвольно приоткрылся рот: вдова была необыкновенно красива. Смугловатое, тонко очерченное лицо. Яркие губы. Темные брови ровными дугами. Густые стрелчатые ресницы. Чем-то это лицо напоминало изображения пресвятой девы на старинных иконах. Но не было в нем ничего мученического, ничего величественного. Выразительное было лицо. И Егоров увидел, что Анна смотрит на него с презрливым сожалением.

— Ох, и нескладный же вы народ, мужики... Где это ты так вывозился? И дождей вроде не было, а ты весь в грязище.

Только сейчас, в этой чистой и светлой комнате Алексей заметил, что и в самом деле был непристойно грязен. Он попытался объяснить, как все произошло, но вдова решительно прервала его.

— Ладно, потом расскажешь, коли захочешь. А сейчас снимай все, постираю. Печка горячая, к утру высохнет. Да не бойся, голым не оставлю, найдутся штаны и рубаха — латанные, да чистые. Давай, давай, без разговоров...

Переодевшись и вернувшись в комнату, Егоров увидел на столе большую глиняную миску, полную горячих щей, краюшку хлеба, солонку и почувствовал лютый голод. Алексей набросился на еду, ничего не слыша и не замечая. Он вытер остатком хлеба миску, оближал ложку. Хозяйки не было, она громыхала корытом и ведрами в глубине дома. А у притолоки стояла девочка лет двенадцати. В одной руке она держала книжку, а другой перебирала кончик толстой каштановой косы, перевязанной голубой лентой. Девочка смотрела на Егорова без всякого смущения, с любопытством и одобрением: ей, видимо, нравилось, как он управляет с едой. «Очень похожа на мать», — решил Алексей, — только носишко в веснушках и глаза синие, как васильки. А у Анны — серо-зеленые...».

— Как тебя зовут?

— Сеня... — тихо ответила девочка.

— Как?..

— Ксенией ее зовут. А ей не нравится, вот и называет себя мальчишеским именем, — сказала вошедшая в комнату Анна. — Ну, приезжий, ты, видать заговоренный — крови с рубахи да пиджака полное корыто, а ты вот на своих ногах. Где это тебя пырнули? Может, перевязать надо? Я умею, и бинт найдется...

— Да нет, зажило уже...

— Как зажило? Кровь свежая. Быть того не может...

«Надо как-то объяснить», — думал Егоров, — а что скажешь? И можно ли посвящать женщину в такие дела?» Анна строго глядела на него, и глаза ее были такие чистые и честные, что Алексей решил: «Расскажу все как есть. Недаром же тот чекист сюда направил. И девочка какая милая и смышленная, видать, «Сеня». Вот смешная...»

Егоров говорил долго. Вдова сидела напротив, подперев щеку ладонью. Ксения притулилась рядом с матерью. Обе слушали очень внимательно.

— ...а из райотдела — к вам. Вот и все...

Молчание затянулось. Потом Анна, не говоря ни слова, поднялась и вышла в соседнюю комнату. Слышно было, как она взбила подушку — готовила Егорову постель. Ксения тихонько сидела у стола, зачарованно глядя на гостя, словно находился перед ней не

худощавый тяжелорукий рабочий человек в латаной-перелатаной сатиновой косоворотке с чужого плеча, а легендарный герой или сказочный принц.

— Спать пора, дочка! — Анна сказала это без строгости.

— Еще почитаю немножко...

— Иди, иди... Двенадцатый час. И в кого ты такая уродилась, читательница. От книжки не оторвешь...

Девочка нехотя слезла с лавки, ушла.

— А ты, Алеша... Тебя ведь Алексеем зовут? Да... Верю — правду ты рассказал. По глазам видела и бабьим чутьем чую. Верю. А люди не поверят. Ты сам посуди: виданное ли дело, чтоб человека едва не насквозь ножом проткнули, а он через день здоров. И чем лечился? Водичкой ключевой! Такое, Алеша, только в сказках бывает. Вот что тебе люди скажут...

— Скажут?.. А вот это — не доказательство!

Егоров повернулся к Анне спиной, поднял рубашу.

— Попусту заголяешься, шрам кажешь. Я сказала — верю. Так кто я? Баба вдовая, не шибко грамотная, ни за что не отвечаю, кроме малого своего дела — санитарка я в лазарете. Однако же ни от врачей, ни от иных людей не слыхала о лекарстве, которое чуть ли не покойника в одночасье на ноги ставит. Сам же ты тоже, вижу, больше руками приучен работать, чем головой. Какая тебе вера? Тут надо людей ученых призвать, чтоб разобрались. А тебя разве ученые послушают?

— Послушают... Я докажу! Ведь это какое для людей больных или раненых лекарство! Это же спасение, может, для многих тысяч. Как же не послушают?

— Нет, Алеша. Ты сейчас за это не берись. Ты ведь сейчас кто? Ты для властей подозрительный. Документов никаких. Партийный билет предъявить не можешь. Об этом заботься, чтоб бумаги свои вернуть, врага изловить. А как станешь полноправным, да еще коммунистом — тогда иди к властям, иди к ученым, требуй — дело святое. А еще лучше: сходи в тот овраг, набери в бутылку своей «капли жизни» и представь кому следует — вот она, испытывайте! Тогда, наверное, поверят. А сейчас — промолчи...

— Как же промолчать? Ведь и о гаде том ползучем придется сказать, и о ранении?

— Это надо. И скажи, что нож, наверное, вскользь пошел. Не слишком, дескать, тяжелая рана была. Может, так и было? Откуда тебе знать...

— Так ведь зажило совсем. За такой срок и легкие раны не затягиваются.

— Ну, не знаю... Придумай что-нибудь. Утро вечера мудренее...

Утром Егоров получил свою одежду — чистую, заштопанную и выглаженную. Он понял, что Анна поднялась на зорьке, чтобы все успеть. И щетка сапожная нашлась, и сильно сточенная бритва.

— Иванушки моего... царство ему небесное...

— В гражданскую?

— На Перекопе...

Егоров хотел было спросить: чего же она столько лет одна? Но глянул и решил, что такая женщина с первым встречным об этих делах говорить не станет. Завтракали они молча. При дневном свете Анна показалась старше. На лице видны были тонкие морщинки — от крыльев носа к углам рта, Алексей опять подивился ее красоте. Черные косы, свернутые тугим узлом на затылке, были, видимо, тяжелы, и посадка головы от этого казалась горделивой. Егоров поднялся, поблагодарил.

— И тебе спасибо, Алеша...

— Мне-то за что?

— А за то, что не охальничал, не приставал...

Егоров подумал, что Анне и впрямь нередко приходится отваживать непрошенных ухажеров.

— ...и еще за то, что прямой ты человек и чистую душу имеешь. Таким жить труднее, зато людям с ними хорошо. Желаю тебе, Алексей, чтобы все наладилось, обошлось благополучно. Отпустит начальство — приходи.

Егоров поклонился, пробормотал слова прощания. У калитки оглянулся — Анна стояла на крыльце. Высокая, статная. Такой и запомнил ее Алексей.

Начальник райотдела ОГПУ принял Егорова почти сразу. Но за короткое время ожидания Алексей уловил немало мельком брошенных на него взглядов, в которых угадывалось любопытство, смешанное с сожалением. Он подумал, что так смотрят то ли на тяжело больных, то ли на людей, которым предстоит разнос у начальства. «Ну и правильно, — решил Егоров, — за утерю оружия по головке не погладят, а за утерю партийного билета, — тем более...» Но он понятия не имел, что человек, присвоивший его документы, явился именно в этот город, побывал и в райкоме партии, и в райотделе ОГПУ. Алексей считал, что враг должен скрыться, уйти как можно дальше. И уж никак не мог предположить, что лже-Егоров лишь вчера был в этом самом здании и теперь работает в составе особой группы, в которую входили партийные активисты, военные, сотрудники милиции и чекисты. Вчера начальник райотдела ОГПУ беседовал с этим самым лже-Егоровым, и ни беседа, ни документы москвича не вызвали никаких подозрений. Выслушав утром доклад дежурного о странном посетителе, начальник

наложил на Коноплева взыскание, потому что этого посетителя надо было, конечно, задержать. Затем связался с райкомом партии и попросил прислать документ, извещавший о предстоящем приезде Егорова, и тут же послал в Москву запрос о Егорове, его работе, связях, родственниках. Сотрудник райотдела был направлен к дому Анны Коробовой, чтобы выяснить, приходил ли к ней человек, называющий себя Алексеем Егоровым, если ушел, то куда. Сотрудник этот увидел Егорова, когда тот закрывал за собой калитку, и сопровождал до райотдела.

Могли возникнуть — так полагал начальник райотдела ОГПУ — три версии: либо странный посетитель провокатор, либо душевнобольной, либо то, что он рассказал, правда. Первую версию пришлось сразу же исключить. Слишком все было наивно. Провокаторы работают тоньше. Да и цель представлялась слишком мелкой: Егоров новый человек, никаких дел еще не вел, а значит, и опасности ни для кого не представляет. Вторая версия выглядела реальной, если дежурный не слишком напутал в своем докладе. Можно ли ее принять или следовало так же отбросить, как и первую? Это зависело от показаний человека, называвшего себя Егоровым и, конечно, от медицинской экспертизы. Без нее так или иначе не обойтись. И, наконец, третья версия. Она приобретала четкие очертания, если отпадала вторая, и ее разработка могла идти по двум путям: немедленный арест или наблюдение с целью выявления связей. При всех условиях следовало изолировать Егорова — второго, установить наблюдение за Егоровым — первым (так их условно назвал начальник райотдела). То и другое — немедленно.

Продумывая все эти версии, начальник райотдела ОГПУ никак не связывал их с недавним побегом бандитов из тюрьмы в областном центре. Даже у него — человека опытного — не возникало подозрения, что кто-либо из преступников может, не таясь, среди бела дня явиться сюда, в город, пусть с самыми надежными документами. Преступники знали, что их разыскивают, что всюду разосланы их фотографии. К тому же бандиты были местными жителями, и их мог опознать любой прохожий. Начальник райотдела не сомневался, что беглецы скрываются в лесах и при первой возможности постараются уйти подальше. И он ждал сообщений от тех, кто перекрывал железную дорогу, и от рейдовых оперативных групп.

Егорову понравился кабинет — небольшой, скудно обставленный. За простым письменным столом сидел немолодой длинноволосый чекист. Алексей взял предложенную папиросу. Начальник отдела не торопил Егорова, не задавал никаких вопросов. Чекисту сразу же бросилось в глаза внешнее сходство между «первым» и «вторым». «Может, — подумал он, — они братья? Тогда все осно-

пательно запутывается и все мои версии отпадают...» Егоров начал свой рассказ. Все было достоверно: время отъезда из Москвы, время прибытия поезда, путь до жилища лесника со всеми приметами — канавами, высохшими деревьями, кучами камней. Это начальник отдела выяснил, задав как бы вскользь и без особого интереса три-четыре вопроса. И тут же был получен ответ и на незаданный вопрос — встретились отнюдь не родственники, просто очень похожие друг на друга люди. Егоров говорил, а начальник отдела думал, глядя на него, что по документам — если допустить, что они принадлежат вот этому, «второму» — ему вскоре исполнится двадцать восемь, а на вид — не более двадцати двух. Более того, детство и юность у него были нелегкими, да и причина приезда в эти края — тяжелая болезнь. Значит выглядеть человек должен старше своих лет. Так, как выглядел «первый». А этот — почти мальчишка. Неувязочка... Рассказ подходил к концу. Егоров, не решаясь говорить о своем чудесном исцелении, путался и мямлил. Врать он не умел.

— Вы были ранены этим ножом?

— Да... Я так думаю...

— И произошло это позавчера чуть позже полудня, так? А вчера около девяти вечера вы пришли в город... И никто вам не оказал помощь, не перевязал? Но это же невероятно. Судя по вашему рассказу, ранение было тяжелым, иначе вы бы не потеряли сознания на несколько часов. Верно? Значит, что-то вы путаете... или недоговариваете. И ставите меня — а прежде всего себя — в очень трудное положение...

Егоров не забыл предупреждения Анны. Нет... Но последние слова чекиста были так искренни, и произнес он их с такой подкупающе-доверительной интонацией, что Алексей заколебался и стал думать: «А в самом деле — как все это понять? Никак невозможно... Если не скажу правду, то дело застопорится, и тот гад станет гулять на свободе. Значит, может такого натворить... Здесь все должны выяснить досконально, работа у них такая. Нет, надо всю правду... Ведь не у врага на допросе, со своим беседую, с коммунистом. Должен понять».

И Егоров рассказал все. Об алой глине, о синей с золотыми прожилками-змейками воде и о своем воскрешении из мертвых. Он увлекся, говорил горячо, складно.

Начальник уже не слушал Алексея, думал о своем. Ему было ясно, что перед ним душевнобольной. И все, что так убедительно рассказывает этот человек — бред, порождение расстроенного воображения. Чекист очень хорошо знал, что чудес не бывает и быть не может. Но если бы он, решив быть до конца добросовестным,

обратился к ученым с вопросом о целительной сине-золотой воде, то и в этом случае ответы поступили бы категорические: нет, это чистейшая фантазия. Самый осторожный, возможно, ответил бы: современной науке такие факты неизвестны...

Начальник райотдела решил: этого парня надо отправить в больницу. И как можно скорее. Дальнейшее — уже дело врачей.

Егорова увезли в областной город. Когда он понял, что очутился в психиатрической клинике и что его считают невменяемым, с ним случился припадок буйства, сменявшийся приступом глубокого отчаяния. Потом Алексей попытался растолковать врачам, что он совершенно здоров, что произошла роковая ошибка. Но результат был, разумеется, плачевный. И тогда припадки буйства и тоски повторились в той же последовательности. Врачи решили, что болезнь прогрессирует, и Егорова отправили в Москву, в одну из известнейших клиник.

III

Зыбин стал Егоровым, и случайное сходство помогло ему выжить. Однако над ним висела постоянная опасность разоблачения. Он знал прошлое Егорова только в самых общих чертах — по короткому разговору и документам. Зыбину были неизвестны люди, вместе с которыми загубленный им коммунист жил, работал, воевал. Не было родственников, но были друзья. К тому же район был расположен недалеко от тех мест, где Зыбина арестовали и где его знали сотни людей. Встреча с земляками сулила беду. Значит, задерживаться здесь нельзя. Но как выбраться, сохранив легальное положение? И куда ехать? На эти вопросы ответа пока не было.

В районном центре на все формальности потребовалось полчаса. О приезде Егорова знали. Зыбину сразу же предложили в райкоме самое важное по тем временам дело: создать колхоз и стать председателем. Но он заупрямился и, сославшись на боевой опыт, попросился в особую группу по борьбе с бандитизмом. Секретарь райкома был в нерешительности. Плохо, если будет сорван план коллективизации. Плохо, если в кратчайший срок не удастся ликвидировать мелкие, но опасные банды, расплодившиеся за последний год в этом лесном краю. Они зверски замучили уже восемь активистов, повесили учительницу, сожгли конюшню в только что созданном колхозе. Секретарь понимал: бандиты сейчас едва ли не главная помеха коллективизации. А людей всюду не хватает. И, колебавшись, согласился с Зыбиным, взяв с него обещание — сразу же после роспуска особой группы возглавить колхоз...

...Погони, перестрелки, утомительные рейды, напряжение бессонных ночей в засадах. Зыбин-Егоров сражался против своих. Он

сам мог стать таким вот, заросшим грязью, со свалывшейся в войлок, опаленной у костров бородой, с волчьим прищуром, как уцелевший в схватке бандит, доставленный им в районный центр. Зыбин был храбр и находчив. К тому же ему везло. Лишь однажды была близка опасность разоблачения: один из окруженных на дальнем хуторе бандитов выскочил из-за сарая и лицом к лицу столкнулся с Зыбиным. «Гришка!..» — опустив в безмерном изумлении обрез, крикнул он, и Зыбин хладнокровно всадил в него три пули из егоровского нагана.

— Зря ты его так... — недовольно сказал, подходя, командир, — можно было взять живым. Чего он кричал-то?

— Не знаю... Гришку какого-то звал, что ли...

Так и кончилось. Но теперь Зыбин-Егоров подумывал о бегстве. Однако ему снова повезло. Две пули клонули — одна в плечо, другая между ребер. Ранения были легкими, но он попал в областную больницу, а когда стал выходить на прогулки, познакомился с сотрудниками обкома партии. И как-то в задумчивом разговоре посетовал, что не больно грамотен, а очень бы хотел поучиться. Сделано это было вовремя: шел набор в совпартшколу. И, выйдя из больницы, Егоров-Зыбин получил путевку. К документам его прибавилась и почетная грамота за героизм, проявленное в борьбе с бандитизмом.

Годы учебы в Москве пролетели быстро. Сначала слушатель Егоров дичился, был замкнут и необщителен. Но потом осмелел. Помогли, как ни удивительно, врачи. Однажды на осмотре старичок-невропатолог обратил внимание на шрам, пересекавший висок, и спросил, не жалуется ли Егоров на память, не досаждают ли ему головные боли. Получив отрицательный ответ, нахмурился, с сомнением пожал плечами и что-то записал в карточке. Зыбин вышел из кабинета и тут его осенило: ведь это же спасение! Спасение раз и навсегда! Что взять с человека больного, раненого в голову? Позабыл, как зовут друга? Ну, что же, бывает... И при следующем медосмотре Зыбин повел себя по разработанному заранее плану: бывают, знаете ли, прямо-таки провалы в памяти. И в то же время на способности не жалуется — пожалуйста, готов решить трудную задачу или по истории партии ответить...

В карточке появилась запись: «Явления частичной амнезии. Последствия черепного ранения и контузии». Теперь Егоров-Зыбин был застрахован. Да он к тому времени почти полностью перевоплотился. Не мешало чужое имя. Привык. Отбросил прошлое. Отбросил ли? От Зыбина не осталось ничего, кроме тайной ненависти ко всему, что окружало его теперь. Зыбин видел и понимал, как наливалось зрелой силой Советское государство, видел и чув-

ставал, что чужие и враждебные ему идеи, мысли, дела стали кровным делом миллионов людей. Он был как будто таким же, как они, и в то же время, отщепенцем, врагом. Со временем он даже привык к тому двойному существованию: на людях — один, наедине с собой — другой. Но где-то, в тайниках души, теплилась надежда — вдруг настанут перемены, вдруг то, что кажется сегодня монолитно-прочным, завтра пошатнется, даст трещину...

Близилось завершение учебы. Надо было думать, куда попросить назначение. В родные края возвращаться не следовало. Ему предложили остаться в Москве, давали отличную работу. Он отказался. «Поеду в глубинку, там люди нужнее... Оценили: «Правильно решает Егоров, по-партийному!»

На новом месте, под Орлом, Зыбин быстро стал человеком уважаемым и известным. И не только по должности. Был он скромным, семьи не имел, жил в маленькой, скупо обставленной квартирке. Для товарищей находилось, когда требовалось, теплое и верное слово. Многих охотно ссужал деньгами. Смущало людей только одно: никто и никогда не видел Зыбина смеющимся. Он и улыбался редко, скупое. Казалось, что точит его тайное горе или болезнь.

Ему хотелось жечь и уничтожать колхозы, взрывать и ломать машины, мучить и убивать людей. А он толково руководил строительством, добивался новых, лучших машин и получал их, заботился, чтобы и горожане, и колхозники жили привольнее, зажиточнее, веселее. И скрыто живший в Егорове человек ничего не мог поделать, потому что постоянно пребывал в страхе — стоит ему только показаться хоть на миг, как все увидят и закричат: «Вот он, хватайте его!»

Страх этот приобрел вполне реальные очертания в начале 1940 года. Выступая однажды на собрании, он увидел невдалеке знакомое лицо. Знакомое не по нынешним, а по прошлым временам. Лицо это мелькнуло в толпе и скрылось. Потом снова появилось. Зыбин кое-как закончил доклад и в изнеможении опустился на стул в президиуме. Он сидел на виду у всех, а ему хотелось забиться в темный угол, уйти от людей. Наконец попытка кончилась. Дома он тщательно запер дверь, нашел початую бутылку водки, налил полный стакан... Кто же был тот, знакомый? Где встречались? И вспомнил: следственная тюрьма, сосед по нарам, ожидавший суда за поджог. Как его звали? Рыбья какая-то фамилия... Окунев, Уклейкин, Осетров?... Да, Снетков!.. Что же теперь делать? Бежать? Куда? Да и не успеет... Этот, наверное, уже сидит в райотделе НКВД... Выслуживается, замаливает старые грехи...

Выдвинул ящик стола. Положил на зеленое сукно старый наган,

тот самый, егоровский. Воронение местами стерлось, тускло мерцала сталь. В барабане едва виднелись кончики пуль, утопленных в гильзы.

— Шесть им, седьмую — себе... А может, обойдется? Может, я ошибся — у страха глаза велики — бывает же такое. Нет, надо подождать и посмотреть, что будет. Это,— он погладил прохладный металл ствола, — всегда успеется. Раньше, позже — туда дорога есть, а обратно нету...

Он взял нетронутый стакан, вылил водку в ведро под рукомойником, сунул наган под подушку и лег. Страхи отступали, постепенно подобрался и сморил сон.

Старого знакомого он встретил нескоро, почти через год, на улице. Тот стоял у забегаловки-чайной, имевшей в народе насмешливое прозвище «Голубой Дунай». У Зыбина что-то напряглось и похолодело внутри, но он продолжал идти ровным упругим шагом и глядел прямо в глаза Снеткову. Нехороши были эти глаза. Зыбин прошел мимо и не выдержал, оглянулся. Снетковская улыбка была еще хуже глаз — наглая, жалкая и трусливо-жестокая. Зыбин сжал в кармане рукоять нагана — теперь он не расставался с оружием. «Вот сейчас всадит пулю в кривой, желтозубый рот — все...» Но не выстрелил — шагнул к Снеткову. Тот попятился, забормотал невнятно: «Вот и свиделись, Гришенька... а я все сомневался — ты ли это... в начальство вышел, поможешь старому другу, помнишь ведь, как бедовали вместе, баланду тюремную из одной миски...»

— Ошибся, приятель. Я никакой не Гришенька, а Егоров Алексей Иванович, запомни!

Зыбин говорил тихо, ровным, лишенным оттенков голосом. Но страшен был этот голос, и Снетков сразу сник, улыбка сползла с его лица, он растерянно заморгал и отступил еще на шаг.

— Я ни с кем еще тюремную баланду не хлебал — тоже запомни. И для тебя же лучше будет, если ты никогда больше не обозначаешься, понял? А чтобы соблазна не было — катись отсюда подальше! Чем дальше, тем лучше...

— Так не на что... Я бы и рад, да обнищал до последнего края...

— На, и чтоб я тебя больше не видел!..

Зыбин выхватил из бокового кармана пачку денег. Снетков боязливо протянул руку, и деньги мгновенно исчезли.

— Я письмишко, если позволите, пришлю... Адресок свой...

— Не надейся! Пошел, ну?..

Снетков, оглядываясь, сутулясь, заковылял к вокзалу.

В начале июня 1941 года пришло письмо. От Снеткова. Он был издалека, в соседнем районе. Писал вежливо, без упоминаний о прошлом. Сообщал, что нездоров и нуждается в помощи. Что бы-

ло делать? Послать деньги — значило окончательно попасть в лапы Снеткова. Не ответить — придет другое, третье письмо, и рано или поздно тайное станет явным. Зыбин начал готовиться к отъезду. Следовало добыть надежные документы на другое имя. Егоров должен был исчезнуть, как десять лет назад исчез Зыбин.

Но он медлил. Медлил, хотя и понимал, что опасность растет с каждым днем. А после 22 июня, когда с фронтов стали поступать грозные сообщения, когда фашисты заняли Минск и двинулись к Смоленску, отпала (так считал Зыбин) необходимость бегства. Он стал вынашивать иные планы...

IV.

...Красное кирпичное двухэтажное здание в переулке близ Большой Пироговской улицы. Местонахождение клиники Егоров определил без труда по дороге — он был коренным москвичом, да и жил недалеко, в Денежном переулке*.

...Длинный коридор. Слева — двери в палаты, ванную, туалет. Справа окна, выходившие в сад. Окна без решеток, но стекла в них очень толстые, слегка выпуклые. Из окон видны оголенные кусты и деревья, жухлая, порывевшая трава, посыпанные песком дорожки. Песок впитывает воду, а во впадинах между дорожками лужи, и из них торчат где коричневые, где еще зеленые стебли травы. Вдалеке видна кирпичная стена — высокая, метра в три или больше. Все это Егоров увидел, когда шел в сопровождении двух здоровенных санитаров в «наблюдаловку» — палату для наблюдения, куда его поместили. Ему было неловко идти в одном белье. Ни пижамы, ни халата не дали.

В наблюдаловку — предпоследнюю по коридору палату — Алексея ввели через большую двустворчатую дверь. Дверь (он узнал это позже) была распахнута всегда. Напротив нее в стене светилось широкое — в размах рук — но невысокое застекленное окно. Оно было здесь специально прорезано, чтобы дежурный врач или медицинская сестра могли видеть, что происходит в «наблюдаловке», находясь в своем кабинете. А у дверей постоянно сидели два санитаря. Таким образом, за больными неотступно — днем и ночью — следили три или четыре пары глаз.

Шли дни. Егоров освоился и многое узнал, потому что санитары охотно вступали в беседы, не прекращая, однако, наблюдения за больными. Егоров узнал, что в «наблюдаловке» были обитатели постоянные и временные. Постоянные — безнадежно больные.

* Ныне — улица Веснина, позади высотного здания МИД СССР.

Временными были люди, подававшие надежду либо на полное излечение, либо на значительное улучшение состояния. Их спустя некоторое время переводили в другие палаты, а затем выписывали. Егоров был «временным». Ему сказал это огромный, могучий и каменно спокойный санитар Слава. Слава учился в медицинском институте, а в клинике служил ради практики и заработка. Он, видимо, сказал врачу что-то хорошее о Егорове, потому что Алексею выдали халат и разрешили выходить без сопровождения на прогулку в сад.

Сад окружала высокая кирпичная стена, преодолеть которую было, конечно, невозможно. Это Егоров понимал. Но все же решил использовать прогулки для своего освобождения. Егоров написал письмо в партком железнодорожных мастерских и, прикрепив ниткой камушек, перебросил его через стену. Он знал, что отправляемые обычным путем письма просматриваются врачами, и его послание наверняка не дойдет по адресу. Алексей ждал ответа, считая, что кто-нибудь поднимет брошенное письмо и пошлет в мастерские. Но ответа не было. Он тем же способом переправил второе письмо, потом третье. Никто не явился в клинику. Егоров не знал, что санитары, внимательно наблюдавшие за больными и в саду, видели его проделки, и письма были подшиты в историю болезни. Они служили для врачей подтверждением устойчивости недуга Егорова. И все могло кончиться плохо, если бы не произошли два события. Первым была вечерняя беседа с санитаром Славой, а вторым — приход нового заведующего отделением психиатрической клиники...

— Мне здесь очень плохо, Слава. Все эти психи заняты только собой и даже не замечают, что сидят в сумасшедшем доме. А я здоров. И все отлично-хорошо вижу и понимаю. Но врачи не верят, что я здоров. И ты не веришь..

— Я верю... Скажу больше: верю, что с тобой приключилось все, о чем ты рассказываешь.

— Но почему...

— погоди, не перебивай. Никакой «влаги жизни», конечно, не было. Это тебе показалось. Просто произошло случайное совпадение — необыкновенно быстрое исцеление связалось в твоём сознании с какой-то необычной по цвету водой. Исцеления, похожие на чудеса, мне приходилось видеть самому. Дело в том, что медицина пока еще не знает, какие скрытые силы, способные победить болезнь, есть в человеческом организме. И не знает условий, при которых эти силы начинают действовать. Точнее — мало знает. Вот и у тебя, видимо, произошло такое высвобождение этих тайных сил. А ты придумал сказку о чудесной воде и стал с этого момента

душевнобольным для всех окружающих тебя людей. Ведь один из важнейших признаков психического заболевания — если не самый важный — это неправильное поведение. В этом все дело.

— Разве я себя неправильно веду?

— Сейчас лучше. А прежде — совсем неправильно. Пытался убедить врачей в существовании волшебной воды, а когда тебе не верили — буйствовал. Так был поставлен диагноз: навязчивая идея. Мой тебе совет — постарайся забыть об этой «влаге жизни». Убеди себя в том, что ее не было. И тогда все станет на свои места. Ведь ты — я это точно знаю — во всех отношениях здоровый человек, рассуждаешь логично. За исключением сказки, в которую ты свято поверил. Сделай над собой усилие, вычеркни эту сказку из памяти, и тогда тебя выпишут из клиники. Ты вернешься в свои мастерские, вернешься в большой мир...

Слава убедил Егорова в том, что необходимо «правильное поведение», и Егоров решил больше никому ни слова не говорить о «влаге жизни» и после выхода из клиники. Но — искать. Найти и доставить в лабораторию, к ученым. И только после проверки и установления необычайных свойств воды сообщить, где находится источник.

Стояли сильные морозы, и прогулки прекратились. Егоров из-за вынужденного безделья пристрастился к чтению. Прежде для книг почти не находилось времени. Теперь Алексей читал все подряд, находя в этом неизведанное прежде наслаждение. Многие из прочитанного было непонятно, и тогда Егоров обращался к Славе за разъяснениями.

— Выпишешься — иди учиться. У тебя появилась большая потребность узнавать непознанное, и ее надо удовлетворить, — сказал однажды Егорову студент-санитар.

— Куда мне! Четыре класса церковно-приходского — весь мой университет. Да потом и жить как-то надо, на хлеб зарабатывать.

— Ничего, пойдешь на рабфак. Подтянешь пояс — подумаешь, дело большое! Или в вечернюю школу, без отрыва от станка. Тоже неплохо. Я вот учусь и сестренке помогаю, а ты чем хуже? Да и помогать тебе, по твоим же словам, некому...

Алексей и этот разговор крепко запомнил. Он и необходимость учебы примеривал к своей основной цели: конечно, чтобы найти голубую воду, а тем более понять причину ее чудесных свойств, следовало многое знать. Может быть, удастся разобраться самому, если окончить рабфак и какие-нибудь курсы.

Егоров продолжал читать с нарастающей жадностью.

Новый заведующий отделением Евгений Алексеевич Дьяконов, несмотря на молодость, пользовался глубоким уважением коллег.

Внешность заведующего могла и неробкого привести в трепет: огромный рост, могучие волосатые ручки (рукава халата были всегда засучены), коротко стриженная черноволосая голова на толстой, как у борца, шее, необъятные плечи. Но маленькие глубоко посаженные медвежьи глазки светились умом и добротой. Дьяконов был не только врачом, но и ученым, и педагогом — доцентом кафедры психиатрии в Первом медицинском институте.

Первая беседа с Дьяконовым и первый осмотр проходили, как обычно. Те же вопросы, те же распоряжения: высунь язык, закрой глаза, руки — вперед. Но дней через десять, в кабинете заведующего отделением состоялся такой разговор:

— Вы, дорогой мой, находитесь здесь по ошибке. Вы же совершенно здоровы, да?

— Здоров...

— Так идите и работайте... или, еще лучше, учитесь. Тут мой коллега утверждает, что у вас отличные способности и редкое трудолюбие...

(«Это, конечно, Слава», — подумал Егоров).

...а я успел заметить, что вы обладаете превосходной памятью. Так что данные у вас есть для того, чтобы стать если не светилом науки, то образованным и полезным — очень полезным — государству человеком. Верно? Стране нужны хорошие специалисты.

(«Ну и дела,» — усмехнулся про себя Алексей, — из психиатрии прямым ходом в профессора...»).

— Как вы считаете, к кому можно и нужно обратиться в ваших мастерских, чтобы вам помогли устроиться на первых порах?

Егоров назвал несколько фамилий. Дьяконов записал их в блокнот.

— Если у вас нет вопросов и пожеланий, то на этом закончим. Думаю, что на следующей неделе вы покинете клинику и уверен — навсегда...

Выписавшись из клиники, Егоров вновь занял свою комнату в Денежном переулке и свое место в железнодорожных мастерских. Но с восстановлением в партии вышла осечка. На собрании постановили: объявить Егорову выговор за утерю партбилета и ослабление бдительности, ходатайствовать о выдаче нового партийного билета. Но в райкоме это постановление не утвердили, напрямик заявив Алексею, что документы его пропали при весьма странных и сомнительных обстоятельствах.

Алексей решил: с партийным билетом или без него он все равно останется коммунистом. А пройдет время, поймут бандита, живущего по чужим документам (в этом Егоров не сомневался), и тогда все разъяснится. Следовательно, и вопрос о восста-

новлении решится сам собой — надо лишь набраться терпения и выждать...

А как быть с голубой водой? Надо поехать туда, в Прикамье, побывать в памятном овраге, набрать «влаги жизни» и передать ее ученым. Сейчас для такой поездки было лишь одно препятствие: Алексей не мог получить на работе отпуска.

Почти все свободное время Егорова уходило теперь на чтение. Поначалу он читал так же бессистемно, как и в больнице. Но потом, поднакопив некоторые знания, стал требовать в библиотеке книги, которые, по его мнению, могли содержать сведения о главном. Главным же для Алексея оставалась тайна голубой воды. Но ни в одной из книг он не нашел даже намека на существование «влаги жизни». Зато в этих поисках определился дальнейший жизненный путь Егорова. Это сделала «Занимательная геология» Ферсмана. Алексей не прочитал, а проглотил книгу. Потом перечитал уже внимательно, делая заметки в толстой тетради (такую привычку он приобрел недавно) и решил: стану геологом. Ведь именно в различных свойствах бесчисленного множества минералов и кроется разгадка голубой воды. Там, в недрах земли, вода получает свои волшебные качества. Значит, если знать минералы, то можно постигнуть и природу «влаги жизни». А если эта тайна будет открыта раньше, чем он, Егоров, станет геологом, то на его долю хватит и других загадок, может быть, не менее увлекательных и столь же важных для людей. Разгадку голубой воды Алексей отдавал другим потому, что решил через три-четыре месяца привезти в Москву эту воду и послать ее в лабораторию. И вовсе не думал о славе первооткрывателя...

...Сердце его сильно билось, когда он сошел с поезда на памятной станции. Здесь ничего не изменилось. И дорога к дому лесника была прежней, только еще меньше хоженной — заросла травой, а у обочин поспевала земляника. Егоров шел, прислушиваясь к каждому шороху: ему было боязно отчего-то... Окна в избе лесника оказались заколоченными, на двери висел ржавый замок. Здесь никто не жил и, видимо, уже давно. Алексей, не останавливаясь, продолжал идти, выбрался на поле, оглянулся — никого. А ему все казалось, что из-за деревьев за ним кто-то следит — внимательный и враждебный взгляд Алексей чувствовал всю дорогу. «Чепуха, наваждение, никому я не нужен... Да и уезжал из Москвы тайком»... Так думал Егоров, а в памяти всплывало лицо двойника со шрамом на виске. Алексей на всякий случай шагнул в кусты, росшие по краю оврага, присел, затаился. Все было спокойно: ни движения, ни звука. Из оврага тянуло сыростью, а с поля легкий ветерок доносил сильный пряный запах подсыхающей

травы. Егоров выпрямился, усмехнулся: «Так, чего доброго трусом станешь, от собственной тени шарахнешься... Издали он приметил три березки, «Стоят еще сестренки, — подумал Алексей, — а камень мой уцелел ли?» И камень оказался на месте, и папоротник-великан так же закрывал от солнца узкий алый язык на пологом склоне, и в двух шагах догнали сучья — большая охапка. У Егорова захватило дыхание от волнения. Он осторожно раздвинул шершавые листья: вот она, созданная природой чаша, наполненная голубой водой! Алексей опустился на колени, взгляделся. Здесь, в зарослях, было сумрачно и он уловил слабое мерцание в глубине чаши. Словно золотой дымок клубился в прозрачной синеве, сплетался струйками. Эти струйки-ленты таяли, исчезали, а на их месте появлялись новые. Причудливый узор менял очертания, и вода казалась странно живой, и впечатление это усиливалось теплом, поднимавшимся от чаши. Егоров долго любовался игрой золотых струй, потом склонился еще ниже и напился вдоволь, снова удивившись тому, что волшебная вода словно бы сразу растворилась в теле, наполнив его силой и бодростью. Алексей развязал выдавший виды солдатский вещевой мешок и достал оттуда четыре пивные бутылки из темно-зеленого стекла. Он выбрал именно такие бутылки, потому что волшебная вода находилась в сумрачном овраге и солнечные лучи могли ей повредить. Каждая посуда была заключена в футляр из тонких дощечек. Егоров осторожно — почти благоговейно — наполнил бутылки голубой водой, заткнул просмоленными пробками, обернул мягкими тряпками и вложил в футляры. Каждый из четырех футляров также обвязал материей и лишь после этого сосуды опустил в вещевой мешок. А из мешка извлек деревянную шкатулочку и кусочек сосновой смолы. Алексей коснулся алой глины, ласково провел по ней ладонью. Нет, это не обычная глина... Она не скользкая, хотя и смочена водой. Загрубелая ладонь Егорова касалась теплой, бархатистой поверхности. Она была нежна и упруга. Алексей осторожно отщипнул с самого края небольшой комоч алой глины, уложил его в шкатулку, а зазор крышки наглухо замазал смолой. Перевязанная крепкой бечевкой шкатулка легла в вещевой мешок рядом с бутылками. «Ну, теперь все... Теперь дело сделано... — думал Егоров. — Теперь я ее доставлю... привезу подарок трудовому народу. Теперь всем трудящимся ни хворь, ни рана не страшны...» И тут Алексей услышал, как вдалеке хрустнула ветка. Он сразу словно бы отрезвел, асторга как не бывало. В овраге кто-то находился. У Егорова не было никакого оружия. Но не забылась крагноармейская сноровка. Он должен стать невидимым и неслышимым. Как разведчик во вражеском тылу. И Алексей, пригнувшись, скользнул в ближние кусты.

Мешок он закинул за спину, чтоб не мешал при движении. Егоров понимал, что выбираться на поле нельзя. Не следовало и подниматься вверх по склону: человек там заметен, потому что внизу темнее. Ветка хрустнула в той стороне, где дорога сворачивала к городу, отклоняясь от оврага. Значит, в город идти нельзя. «Эх, не повидая Анну, — подумал Алексей, — значит, не судьба... Ну, ничего, я еще вернусь сюда. Ученые, небось, целую бригаду пришлют, и без меня, конечно, не обойдется...» Он чутко прислушивался, осторожно продвигаясь в том направлении, где был дом лесника. Снова хруст ветки. На противоположном склоне. Алексей увидел впереди молодой ельник. Частый, непролазный он стоял темной стеной. Ползком туда... А вот теперь можно встать и вперед, короткими перебежками. Егоров скользил беззвучно и быстро. Пролез сквозь орешник, выбрался на дорогу и припустился бегом. Он бежал почти до самой станции. И только завидев водокачку и крышу вокзала, перешел на шаг...

...Алексей не знал, не мог знать, что смерть была рядом, всего в двух сотнях шагов. По оврагу шел Зыбин. Он приехал сюда, хотя это и было опасно. Он хотел поглядеть на останки загубленного им человека и это стремление оказалось непреодолимым, смяло осторожность. Но желтый пустоглазый череп не выкатился из-под кучи хвороста. Там ничего не было, хотя Зыбин мог поклясться, что это та самая куча хвороста. И гнилое бревно лежало рядом. Зыбин уехал в тот же день. Он сел во второй вагон, а в седьмом был Егоров. В Москве, на Ярославском вокзале Алексею почудилось что-то знакомое в облике идущего впереди человека — широкие угловатые плечи, скользящая упругая походка. Но человек этот сразу исчез в толпе, и Егоров не стал вспоминать, где его видел...

Войдя в свою комнату и, бережно расставив на столе бутылки и шкатулку (подальше от края, чтобы — боже упаси! — не задеть, не разбить), Алексей стал размышлять, в какую лабораторию отдать свое сокровище. Ничего путного не придумав, он решил отправиться к Славе, но не в клинику, а в институт, забыв про каникулы. В институте шел ремонт, и Алексей понял, что студента-санитара он не найдет, а перешагнуть порог кирпичного здания в переулке было совершенно невозможно. И тут он увидел Славу, который в дальнем конце коридора заделывал трещину в штукатурке, сноровисто орудуя мастерком. Слава внимательно выслушал Егорова.

— Значит, съездил и привез... Ну, упрям же ты, Алексей. Не боисься, что тебя опять... Ладно, шучу, не сердись.

Он попросил работавшую поодаль высокую белокурую девуш-

ку («Тоже студентка, — подумал Егоров, — сами ремонтируют, не белоручки...») закончить заделку трещины, сбросил халат, вымыл руки.

— Ну, показывай свое чудо... — Слава долго рассматривал воду, налил несколько капель на ладонь, понюхал.

— Здорово похожа на обыкновенную. Из речки.

Слава принес тонкую стеклянную колбу, плеснул в нее из бутылки, посмотрел на свет. Вода в колбе была не голубой, а почти бесцветной, чуть зеленоватой. И никаких золотых струек в ней не виделось. «Может, в темноте...» — прошептал Егоров. Слава молча пошел по коридору, открыл дверь чуланчика, в котором хранились ведра, тряпки, швабры. Очутившись в темноте, Алексей жадно смотрел туда, где в руках Славы была колба с водой. И ничего не видел, никакого, даже самого слабого свечения.

— Ладно, Егоров, не хочу тебя разочаровывать, да и нельзя решать без настоящих анализов. Садись на трамвай и поезжай на Никитский бульвар* в Фармацевтический институт. Найдешь там одного моего дружка, передашь от меня привет и попросишь разобраться с этим волшебным зельем. Он все сделает по науке. А глину отнеси или лучше пошли по почте в геологоразведочный институт. И записку приложи: что, дескать, за минерал? Может ценный? Попроси ответить. Так и решишь, имеет ли в действительности необычные свойства твоя находка. Будь здоров, заходи!..

В Фармацевтический институт Алексей привез — на всякий случай — запечатанную бутылку. Тощий, черный, носатый очкарик — приятель Славы — повертел дощатый футляр, буркнул: «Ничего себе упаковочка...» и сказал, что ответ будет через неделю. Семь дней Егоров не находил себе места, томился, плохо спал. При следующей встрече носатый фармаколог вручил Алексею листок бумаги. Егоров вышел на бульвар, сел на скамейку, развернул листок. Читал медленно и не верил глазам. На листке был приговор: «Вода с незначительным содержанием солей магния, натрия, кальция, иода, бария. Реакция — слабощелочная. В осадке имеются следы ниобия, кадмия и некоторых редкоземельных элементов. Существенными лечебными свойствами вода не обладает». Егоров тупо уставился в пространство, ничего не видя вокруг. Удар был жесток. Приговор не подлежал обжалованию, потому что анализ выполняли специалисты, заведомо неспособные ошибиться. Алексей почувствовал сильнейшую усталость. Поднялся, добрал до Арбатской площади, влез в трамвай. Дома вновь развернул бумажку, перечитал, и его охватила злость: «Ах, так... Лечебными не об-

* Ныне Суворовский бульвар. Трамвайная линия снята.

ладает... Существенными... Я вам покажу «существенные...» Егоров достал последнюю бутылку, распечатал, вынул перочинный нож, полоснул по левой ладони у мизинца, сморщился — больно. Смочил порез водой из бутылки. Кровь не останавливалась. На столе стояла глубокая тарелка. Алексей вылил туда всю оставшуюся воду и погрузил в нее пораненную ладонь. В тарелке словно бы закрутился красный дым, потом вся вода окрасилась кровью. Ранка не затягивалась. Кровь все текла...

В аптеке на углу порез залили йодом. Егоров взвыл. Кисть перевязали.

Успокоившись, Егоров стал думать о случившемся.

«Голубая вода спасла меня. Это факт. Рубец под лопаткой — вот он. В Москве вода не остановила кровь, не затянула рану. Это тоже факт. К тому же здесь вода потеряла и цвет, и золотые струйки. И не светилась в темноте. Значит, она исцеляет только на месте. А стоит ее увезти, как она теряет свойства. Как цветок, вырванный из земли. Выходит, что очкастый фармацевт там, в овраге, получил бы от своих анализов иные результаты? Точно! Там бы он обнаружил лечебные свойства и очень даже существенные. Только как затянуть такого очкарика с его мудреной аппаратурой в овраг? Не поедет ведь... Нет, тут нужен иной путь, тут торопиться не следует. Вот теперь уже совершенно необходимо стать геологом. Буду ездить в экспедиции и рано или поздно найду волшебную воду. А рядом — знающие люди. Покажу, как действует «влага жизни», еще раз полосну ножом по руке, подумаешь, дело большое. И анализы можно провести на месте — оборудование в экспедиции наверняка найдется...».

Следующей весной Егоров уехал на Северный Урал. Он стал коллектором — копал ямы, перетаскивал оборудование, приборы, провизию, откалывал и паковал по указаниям геологов образцы пород. Алексей многому научился в первой же экспедиции — теперь он умел выбрать место для временного жилья, натянуть палатку, развести негаснувший всю ночь костер. Он мог теперь отличить коренные породы от осадочных и понемногу начал разбираться в минералах. Егоров чуть было не сбежал, когда гнус и мошки набросились на людей, забираясь сквозь каждую щелку под одежду. Руки, шея, лицо, даже веки у Алексея распухли и горели от укусов. Но он выдержал и эту пытку. Экспедиция завершилась успешно. Егоров получил немалые деньги, и заработка могло хватить до следующей весны. Это было очень кстати, потому что Алексей (он уже учился на рабфаке) хотел зимой сделать «рывок» — сдать экзамены за четыре семестра. Тогда еще год — и институт. Учеба давалась Егорову легко. Преподаватели удивлялись: четыре класса

церковно-приходского — и такие успехи... А Алексей догадывался: «Это голубая вода. Она не только рану заживила, не только здоровья прибавила, но — похоже — и мозги поставила на место». Теперь Егоров готов был любой свой успех объяснить действием «влаги жизни»...

На следующий год Алексей попал на разведку золота. Экспедиция кочевала в верховьях Вилюя. Егоров изо дня в день долбил в каменистом грунте «копуши» — полуметровые ямы. Между ними было определенное расстояние, и шли они как по нитке вдоль речной долины. Работа была тяжелая, нудная и пока что не принесла никаких результатов. Коллекторы ворчали: «Нет тут ни пса, ни одной порошинки золота не попалось, понапрасну хребет ломаем...» Но начальник экспедиции был настойчив, работы продолжались.

Однажды ранним утром — до начала работы — Егоров пошел вверх по течению ручья. Он часто совершал такие прогулки, называя их про себя «персональной разведкой». Он искал алую глину, по которой струится голубая вода. Искал упорно — и на Урале, и здесь. Но не находил. Ручей круто сворачивал на юг, долина расширялась. В пределах видимости не было никаких следов алой глины, и Алексей уже хотел было повернуть обратно. Впереди, в нескольких шагах что-то блеснуло. Там виднелась свежая галечная осыпь. Егоров приблизился, вгляделся и ахнул: над осыпью, в глубокой лунке лежали самородки. Одни были чистые, другие спаянные с кристаллами кварца. Это на языке золотоискателей называлось «карманом» редкостной величины. Егоров скинул с плеча карабин, стянул рубаху, расстелил... На пропотевшей ткани разместилось тридцать девять самородков. Самый крупный был с гусиное яйцо, самый маленький — с лесной орех. Алексей собрал золото, сложил в брезентовую сумку и поспешил к лагерю. Руки у него слегка дрожали. Сумка имела вес немалый — из прикидки около полупуда. Там уже готовили завтрак. Егорова спрашивали, не подстрелил ли он какой-нибудь дичины — всем хотелось свежего мяса. Он отмахивался, шагая к палатке начальника партии изыскателей. Тот сидел на бревне, положив на колени планшет, и что-то писал. Егоров достал из палатки кусок брезента и высыпал на него содержимое своей сумки. У начальника изо рта вывалилась трубка. Через минуту к палатке сбегался весь лагерь.

Начальник уже обрел прежнюю невозмутимость, взвесил самородки, сложил в специальную сумку, опечатал. Потом сказал Алексею: «Где? Показывай!»

Жилу нашли. Она оказалась громадной.

...Геологоразведочный институт. Алексей думал, что окажется на первом курсе самым старшим. Но ошибся. Взрослых было не-

мало. Егоров выглядел значительно моложе своих тридцати четырех, а в аудитории сидели и люди под сорок.

Алексей учился прилежно. Но его больше всего интересовали те предметы, которые хоть в какой-то мере могли помочь раскрытию тайны голубой воды. Особенно увлекся он горными породами, обладающими слабой радиоактивностью — сердоликом и другими, а также минеральными водами. Он с удовлетворением узнал, что нарзан, боржоми и прочие целебные воды теряют многие полезные свойства при перевозке и длительном хранении. Это уже было похоже на голубую воду. Егоров провел самостоятельное исследование ионов и точно определил продолжительность их существования в разных условиях. Потом он проделал несколько экспериментов с серебром и убедился, как церковники получали «святую воду»: даже ничтожное содержание серебра в самой обычной воде предохраняло ее от порчи в течение многих недель. И всё же до разгадки тайн «голубой воды» было далеко. К тому же произошло событие, которое на время отодвинуло все эти проблемы.

Однажды Алексей — дело было на каком-то скучном общешкольном собрании — почувствовал чей-то взгляд. Взгляд был ошутим, как прикосновение. Егоров поерзал на скамейке, не выдержал и обернулся. Он увидел тоненькую темноволосую девушку. Глаза ее были такие синие, такие большие и чуть оттянутые к вискам, что Алексей сразу узнал Сеню — Ксению, дочку Анны, потому что только у нее и никого другого могли быть такие глаза. Рот у Егорова открылся и принял форму ижицы. Алексей мгновенно так поглупел, что Сеня прыснула, а председательствующий на собрании строго постучал карандашом по столу. Перебраться к Сене Егоров не мог, а поэтому стал размышлять, искоса поглядывая на нее. «Как она попала сюда? Видимо, учится, гостей на такое собрание не заманишь... Почему же я прежде ее не видел? А она стала совсем взрослой... и очень красивой. Просто удивительно красивой... Сколько же ей лет? Тогда было, кажется, двенадцать. Значит, сейчас около двадцати. Может, и замуж вышла... Такие в девках не засиживаются». Алексей теперь поглядывал на Сеню почти сердито. Сердце его ужалила ревность — совершенно беспричинная, потому что, во-первых, он ничего не знал о Сене, а во-вторых, ревновать не имел никакого права. Он и сам это понимал, но продолжал злиться. Таким нахмуренным он и подошел к девушке после собрания. А она глянула светло, лукаво и сразу все поняла. Егорова в несколько минут узнал, что Анна вышла замуж «за Коноплева из ОГПУ, да ты его должен помнить...» и уехала с ним в Среднюю Азию, «а там ужасная жара и скорпионы, б-р-р», что в городке многое изменилось, не узнать — по соседству строят огромный завод, что

Ксения учится на первом курсе, а живет в общежитии на Стромынке, что ей очень нравится в институте и вообще в Москве. Девушка вдруг прервала свое щебетание, серьезно глянула на Алексея и сказала:

— А я ведь в этот институт пошла из-за тебя. Верно, верно...— Она даже башмачком приотпнула для убедительности.— Помнишь, ты рассказывал о «волшебной воде»? Я тогда была просто потрясена тем, как ты говорил о великой пользе для людей, которую дает твоя находка. Ты был таким яростно-воодушевленным, что совершил переворот в моих намерениях. Я собиралась стать художницей, неплохо рисовала, а тут передо мной словно приоткрылась завеса над замечательным миром поисков и находок. Ведь это прекрасно — искать и находить, правда? Ну, вот... Так мы и встретились... А ты... ой, что это я так... Наверное надо говорить «вы» — старшекурсник и вообще... Только я так много о вас думала все эти годы, что встретила — и как со старым другом...

Егоров возликовал, услышав эти замечательные слова «так много думала» и постыжился закрепить сердечное и непринужденное обращение на «ты».

— Мы же студенты, Сеня... Или ты уже так себя не зовешь? Ну, не в том дело... Все студенты — на «ты»... А мы к тому же и в самом деле не первый год знакомы.

— Ну, и хорошо... А «Сеня» я только для мамы. Она привыкла. И для тебя тоже, если хочешь... Только чтобы никто больше не знал, ладно? Так я хотела спросить: ты открыл тайну «голубой воды»? Ездил? Отдавал на анализ? Я ничего не слышала об этом и не читала... Или это секрет?

Егоров рассказал все. Выслушав и глянув на свежий шрам у мизинца, Сеня тихонько спросила:

— И что же теперь? Ты решил отказаться?..

— Что ты! Никогда! Но надо провести эксперимент на месте. Только так! А уж потом — самое тщательное исследование и голубой воды, и алой глины.

— Да, ты же не сказал, что дал анализ этой глины? Тебе сообщили?

— Сообщили месяца через три, что это минерал из группы каолиновых глин и промышленного значения не имеет. Вот и все...

Егоров проводил Сеню до общежития. Потом они побывали в кино — вдвоем. Встречались все чаще, и уже подруги махнули из Ксении рукой. А у Алексея и Ксении после двух-трех встреч возникло странное чувство: словно они и не расставались на несколько лет. У них и мысли как будто сделались общими, как бывает у очень близких людей — один начинал фразу, а другая тут

же завершала ее, и обоим было необычайно легко друг с другом. Егорову — а Ксении тем более — все было ясно. Но он медлил, не делал решительного шага. Его пугала разница в возрасте: четырнадцать лет, не шутка... Правда, ему на вид было не более двадцати пяти, но то на вид...

В конце апреля они шли по узкому, шумному Арбату. У Театра имени Вахтангова женщины продавали маленькие букетики подснежников. Егоров не заметил цветов: он их никогда и никому не дарил, такое ему просто не могло прийти в голову. И был несказанно удивлен, когда Ксения купила букетик и сказала, лукаво поглядывая на Алексея: «Почти никакого запаха, а все-таки аромат весны... Или только кажется?» Через несколько дней Егоров шел на обычное место встреч — у памятника Гоголю, — с букетом нарциссов. Он держал их головками вниз, как веник. И протянул букет Ксении так, словно с великим облегчением освободился от тяжелой ноши. Девушка тихонько засмеялась. Они прошли молча до середины бульвара. Ксения остановилась, оглянулась и быстро поцеловала Алексея...

...Они прожили в преобразившейся до неузнаваемости комнатенке Егорова (теперь это была КОМНАТА, потому что в ней хозяйничала Сеня) всего месяц, а потом разъехались на практику: он в Липецкую область, а она в Казахстан. Он возвратился первым, убрал их жилище, вылизал до блеска. А Сеня сказала, оценив его старания: «Спасибо, Алеша... Вот не думала, что ты такой заботливый...» И добавила со вздохом: «Даже самые лучшие мужчины могут превратить любую комнату в казарму... И ведь ничего с места не тронул, а вот поди ж ты...»

Первого июня 1941 года они вместе выехали в Белоруссию. Егоров уже год назад получил диплом, Ксения должна была получить его будущей весной. И она — в шутку — называла Алексея «мой господин, повелитель и начальник экспедиции». Им предстояло установить, каковы перспективы только что обнаруженных залежей горючих сланцев, целесообразно ли начинать промышленную разработку. Экспедиция состояла из них двоих. Рабочих, если понадобится, они должны были найти на месте...

У

...Танки Гудермана прошли через районный центр к Орлу на рассвете. Фронт гремел где-то на востоке.

Зыбин решил выждать и обдумать план своих действий. Ведь в районе его знали как порядочного человека. То, чего он с таким трудом в течение многих лет добивался, теперь должно было обернуться против него.

Положение его в самом деле было сложным. Он наконец-то дождался того часа, когда мог стать самим собой, получить с помощью немцев власть, а потом, возможно, и богатство. И — главное — мстить! Мстить за все: за отобранную мельницу, за скитанья по лесам с обрезом в руках и ножом у пояса, за тюрьму, за годы страха и притворства. Но как доказать немцам свою ненависть к коммунистам, свою готовность служить им? Помог случай. Зыбин узнал, что исчезнувший было надолго Снетков уже успел войти в доверие к гестаповцам. Подкараулив его как-то на окраине города, Зыбин попросил помочь ему. И Снетков не отказал.

Зыбин стал начальником полиции, а Снетков его помощником. Немцы сразу поняли, что Зыбин, отлично знающий район, все лесные дороги, все укромные места, а главное — людей, будет для эсэсовских карателей сущим кладом...

Теперь Зыбин имел настоящую власть. Он был волен над жизнью и смертью любого человека в районе, потому что даже пустякового подозрения в «нелояльности» или тем более в связях с «бандитами», как немцы называли партизан, было достаточно, чтобы заподозренный попал в гестапо, а оттуда на виселицу. Зыбин и сам мог убить почти любого. Причина? Да что угодно: попытка сопротивления, попытка к бегству. И он упивался этой властью, он видел, как люди, при встречах с ним, бледнеют и опускают глаза...

Правда, над Зыбиным были немцы. Их, в особенности гестаповцев, предатель сам боялся. Страх стал особенно велик после того, как каратели, посланные на ликвидацию партизанского отряда, окружили пустой лагерь, а на обратном пути сами попали в засаду, потеряли семнадцать человек и пулемет. Зыбин с содроганием вспоминал белые от бешенства глаза начальника гестапо. И висеть бы самому изменнику на столбе в подвале, да на одной из указанных им явок захватили подпольщиков, нашли радиоприемник, оружие, листовки. И Зыбин вернул доверие фашистов.

О положении на фронтах он узнавал от немцев. Сведения были обнадеживающие: вот-вот возьмут Москву, Ленинград в кольце блокады, захвачены Одесса, Севастополь, вся Белоруссия, почти вся Украина. Да и устраивались немцы основательно, по-хозяйски — значит надолго. Но однажды Зыбину принесли листовку, отпечатанную в подпольной типографии. В этой листовке говорилось о разгроме немцев под Москвой. Зыбин сначала не поверил. Потом увидел, что начальство свирепеет день ото дня, и понял: в листовке были точные сведения. Да и партизаны продолжали действовать, несмотря на карательные экспедиции немцев с участием полиции. Это было тоже страшно. Может быть, даже страшнее неудач гит-

леровской армии на фронте. «Куда ни кинься — либо петля, либо пуля», — сказал он однажды Снеткову. «Ничего, Гриша, мы немцам еще вот как пригодимся. Не бойсь, на худой конец и в Европе проживем. А вот ежели энкаведисты нас когда-нибудь настигнут или партизаны изловят, то тогда все... Тогда молись богу, ежели веруешь... Пощады нам ожидать не приходится...»

В начале лета Зыбин узнал, что приговорен партизанским трибуналом к смертной казни. Он было посмеялся: «Заяц осудил, белка приговор в исполнение приведет...» Но через несколько дней в доме взорвалась брошенная в окно граната. Зыбин уцелел чудом: успел выскочить в чулан и распластаться на полу. Двое полицейских, охранявших дом, бесследно исчезли. Позже их нашли в канаве. Оба были заколоты. Зыбин удвоил охрану. Но понял, что обречен. И стал готовиться к бегству.

VI

— Мины вы, конечно, уже знаете разные: противотанковые и противопехотные, фугасные и осколочные, шрапнельные и сигнальные. Знаете, что без взрывателей всякие мины не опасны. Вот эта, например, — сержант Полуянов, единственный в отряде опытный сапер, приподнял носком сапога плоскую противотанковую мину, — лежит себе, и проку от нее, как от коровьей лепешки. А с взрывателем — страшная штука и для танка, и для автомобиля, так? Значит, главное в нашем деле — правильно выбрать и установить взрыватели. И еще, конечно, замаскировать мины. Вот, смотрите...

На широкой ладони сержанта блестели латунные цилиндры взрывателей. Он обстоятельно и неторопливо рассказывал партизанам, в большинстве незнакомым с минно-подрывным делом, о маркировке наших и трофейных запалов, о внешнем различии, о технике установки. Полуянов был мастером разных хитрых минных ловушек и при каждом удобном случае проводил занятия со всеми желающими. Сейчас случай выдался — удобнее некуда. Через небольшое время предстояло провести диверсию на железной дороге.

Егоров сидел поодаль на поваленной ветром березе. Солнце пригревало почти по-летнему, но время от времени налетал холодный ветерок. Острые бледно-зеленые иглы молодой травы повсюду пробивали бурый слой палой листвы. На дальнем краю широкой поляны лес был полосатым: понизу шел кустарник с совсем светлой, как салат, зеленью; выше — белые, атласные стволы берез и едва распустившиеся, еще малюшечные листья, более темные, чем на кустарнике; еще выше — зубчатая полоса вершин

старых елей. Все деревья уже оделись, и только дубы стояли голые, черные. На корявых ветвях кое-где еще держались коричневые прошлогодние листья, жесткие, как жесть.

Слушая вполуха сапера, Егоров думал о своем. Он вспомнил, как в такой же солнечный день они с Ксеньей шли в толпе пассажиров из разбитого бомбами эшелона вдоль железной дороги, как их остановили у моста через какую-то речушку. «Дальше нельзя. Немцы десант сбросили», — сказал командовавший на переправе капитан. Пассажиры стали наставать, кое-кто попытался перейти мост, но красноармейцы не пропустили. «Да поймите вы, что там бой идет, — капитан устало усмехнулся, — куда же вы, безоружные, неумелые полезете? Под огонь? Перестреляют, как цыплят... У вас же здесь женщины, дети... Уничтожат десант, тогда пойдете. А может, и эшелон подойдет...»

За речкой, за лесом слышалась частая стрельба, потом раздались негромкие взрывы, и сразу же из-за деревьев выбежали люди в коротких серых куртках. Красноармейцы попрыгали в окопы на том берегу, оглушительно затарахтел пулемет, стоявший на краю моста. Немцы (Егоров понял, что из леса выбежали именно немцы) заматались по широкой луговине. Они стреляли из куцых черных автоматов. Егоров услышал совсем близко короткий свист, прыгнул вперед и толкнул Ксению, заставил ее лечь за бугор...

Бой вскоре кончился. К мосту подкатила дрезина, и приехавший на ней пожилой майор сообщил, что вскоре подойдет эшелон...

Доехали до Днепра и остановились. А потом началось такое, что события потеряли связь друг с другом. Они возникали в памяти, как кадры разорванной киноленты. Вот немецкие танки бьют из орудий и пулеметов по мечущейся толпе людей, в которой смешались беженцы и красноармейцы... Вот Егоров в упор стреляет из карабина в немца (откуда взялся карабин — непонятно) и, схватив за руку Ксению, бежит к кустарнику зигзагами, как заяц. Вот они с Ксеньей бредут по проселку, а на северо-востоке гремит бой. Слева показываются немцы, стреляют. Беглецы скатываются в овраг, пули щелкают по веткам, листья сыплются дождем. Но немцы не преследуют... Группа красноармейцев. Командует молодой белобрысый лейтенант. Ксения перевязывает тяжело раненого. Он стонет: «Сестрица... испить бы...» Пить ему нельзя — рана в живот. Его несут на носилках, сделанных из двух жердей и плащпалатки. Ксения шагает рядом. На левом боку у нее санитарная сумка, на правом — пистолет. А у Егорова уже не карабин, а трофейный автомат... Сколько они прошли по территории, захваченной врагом? От Смоленщины до Орловщины... Километров

двести... И вот — партизанский отряд. Ксения — медицинская сестра, а он — командир разведки. Десять месяцев идет война. Восемь месяцев они в партизанском отряде «Мститель». Зима была трудной, теперь легче...

— Сюда, сверху, закладываем нажимной взрыватель. Вот он. — Полуянов показал взрыватель и положил его на пенек. — А сюда, сбоку, надо поставить натяжной. Видите — колечко. К нему привязывается тросик, а другим концом закрепляется в земле за якорек — палочку или железку какую-нибудь. Расчет какой? Танк, грузовик или иная машина пройдет, нажимной сработает — взрыв. Человек наступил — молчит мина, потому что взрыватель на большой вес рассчитан. А ежели кто попробует мину вытащить, дернет за тросик — натяжной сработает. Тоже взрыв. В таких минах натяжные и спусковые взрыватели называются страховочной системой неизвлекаемости. А теперь потренируйтесь: вот нажимной, вот натяжной. Да не бойтесь, эти взрыватели разряжены...

...Отряду пришлось менять базы, а подпольщикам — явки. И кое-кому из города и сел уходить в лес. Один из работников райисполкома оказался предателем, пошел на службу к немцам. Кое-что он знал. У подпольщиков были потери именно из-за этого предательства. Фамилия изменника оказалась Егоров. Мало ли Егоровых в стране...

Алексей увидел своего врага в деревне Мякинино. Туда неожиданно нагрянули немцы и полицай — большой отряд. Разведчики укрылись на чердаке. Егоров глянул в окошечко и обомлел: у сарая на противоположной стороне улицы стоял тот, с кем Алексей встретился в доме лесника. На виске белел шрам. Предатель внимательно и подобострастно слушал немецкого офицера. Егоров потянул к себе автомат. Красный туман ненависти застилал глаза. Но сильный толчок в бок вернул Алексея к действительности. «Ты что, рехнулся? — Комиссар отряда забрал автомат, оттер Егорова от окошка. — Забыл нашу задачу? Забыл, что мы должны доставить в отряд? А этим, — комиссар кивнул в сторону улицы, — все равно не уйти. Но всему свое время...» Так и ушел в тот раз враг неваредимым. А комиссар Зимогоров еще не раз снимал с Егорова стружку...

Из ельника вынырнул один из разведчиков, подошел к Егорову.

— Дрезина третий раз прошла, товарищ командир. Интервал — полчаса...

— Ладно, продолжайте наблюдение. Патрули вдоль полотна не проходили? Значит, перед появлением на перегоне ашелона выйдут... Мы сейчас двинемся к насыпи. Подойдем — посигналим.

Разведчик беззвучно исчез за деревьями. А Егоров подошел к партизанам. Они осматривали оружие, укладывали в мешки мины и коробки с толом. Полуянов приготавливал взрыватели, рассовывал их по карманам.

— Думаю, так надо сделать, товарищ командир: две мины поставим с замедлением на 5—6 секунд, две — на мгновенное действие. Расстояние между ними — метров сто пятьдесят. Взрывы будут почти одновременными, если скорость поезда километров шестьдесят. Те, что впереди, подорвут паровоз, а другие сработают как раз под серединой эшелона...

— Ты, как всегда, прав, сержант Полуянов...

Партизаны редкой цепочкой двинулись к железной дороге. В негустом осиннике на краю леса остановились, и Полуянов протрещал по-сорочьи. В стороне зашевелилась забытая кем-то копна сена, блеснул ствол карабина и показался разведчик, обвешанный космами сухой травы. Он показал, где до времени укрыться подрывникам и группе прикрытия. Вскоре с запада послышался шум мотора, застучали на стыках колеса, и мимо притаившихся партизан прошла на малой скорости дрезина. На ней сидели десять автоматчиков. Два пулемета были направлены на лес. Дорога чуть дальше изгибалась крутой дугой. Дрезина скрылась. Бойцы прикрытия быстрым шагом двинулись к повороту, а Полуянов поднялся на насыпь, показал, где выбирать щебень. Через несколько минут были выкопаны неглубокие ямы. Полуянов выровнял дно, положил плоские камни, на них связанные бечевкой бруски тола, а сверху — мину. Закрепил все это колышками, завернул взрыватели. Потом засыпал щебнем и заровнял. Никаких следов установки мин не было видно ни с рельс, ни с кромки насыпи.

Теперь следовало уходить и ждать. Партизаны тщательно уничтожили все следы своего пребывания у железной дороги и двинулись в путь. Метрах в пятистах от полотна остановились. В просвет между деревьями виднелась верхушка высокой насыпи.

— Ежели дрезина снова пойдет — считай, что труд даром пропал. А вот если пеший патруль — значит, жди эшелон...

— Труд у нас, Полуянов, невелик... Вот первомайский подарочек бы немцам преподнести — это дело.

Солнце опустилось к самой насыпи. Все знали, что с наступлением темноты поезд вряд ли пустят на перегон. И тут в просвете между деревьями мелькнули силуэты.

— Ого, сильный патруль... Все в касках, значит, солдаты, лицаев нет...

Полуянов говорил шопотом, словно немцы могли услышать на таком расстоянии. Едва прошел патруль, как показался другой,

шедший в противоположном направлении. Дальний гудок паровоза был слаб, едва слышен, но для партизан прозвучал, как гром. Снова потянулись минуты тишины и, наконец, застучали-запели колеса, все ближе, отчетливее...

— Надо уходить. Да побыстрее... Жуков и Маргасов — в передовое охранение!

Егоров знал, что немцы немедленно организуют облаву. Знали это все партизаны. Но двигались неспешно. Ждали. И дождались. Первый взрыв показался слабым. Но потом будто небо раскололось над железной дорогой — взметнулась стена огня, что-то с воем и свистом проносилось над лесом. И еще долго позади трещало, ухало, ввысь поднимались красно-желтые султаны пламени и снопы искр...

...Подрывников и разведчиков в отряде встретили, как героев. Но, поздравляя их, командир и комиссар казались озабоченными. Отойдя в сторону, Зимогоров тихонько сказал Алексею: «Путь на базу отрезан. По дорогам движутся бронетранспортеры и грузовики с пехотой. Похоже, что нас выследили и намереваются взять в кольцо. Пока свободен только маршрут номер пять...» Маршрутом номер пять в отряде называли дорогу через огромное болото. Почти непроходимое. Но была одна тропка... Сухим, жарким летом она могла стать торным путем. Но весной, когда только что стоял снег и все вокруг напоено влагой, эта тропка скорее всего превращалась в ловушку. Так это или нет — никто в отряде не знал. Перед командованием стояла проблема: принять неравный бой и попытаться прорваться к базе или же уходить по маршруту номер пять. И то, и другое могло привести к гибели. Времени для разведки болотного варианта не было. На кратком совещании решили: идти маршрутом номер пять, заготовить и раздать всем шесты. Всем, кроме пулеметчиков. Их должны страховать идущие впереди и позади.

...Справа и слева в темное небо взмывают ракеты. Мертвенный зеленоватый свет выхватывает на несколько мгновений из мрака жесткую осоку, тусклые зеркальца воды, хилые больные деревца на кочках. Справа и слева немцы. Каратели. Впереди — топь. Под ногами хлюпает, пружинит тонкий покров переплетенных трав над бездной... Островок. Можно передохнуть. Дальше — самое страшное. Окна-чарусы. Днем они выглядят, как ровные зеленые лужайки. Приветливые, милые. Но стоит ступить шаг, другой, как брызгает из-под ног вода, проваливается предательская лужайка, и уходит человек в бездонную глубину. Ухватился за траву, а она рвется. Засасывает безжалостная чаруса. И следа не остается — через несколько часов смыкается зеленый покров...

Медленно, медленно, нащупывая шестами дорогу, идут передовые. Вот сорвался один. Грудью лежит на шесте, но трясина тянет. Не помог бы и шест, но летят связанные пояса, хватается гибнущий. Товарищи, найдя надежные кочки, тянут его, дышат хрипло. Неохотно выпускает жертву чаруса. Трясина булькает, чмокает и, наконец, сдается... А вот тут уже не пройдешь. Вот она, ловушка... Идти назад — как раз к рассвету поспеет отряд. Немцы встретят партизан на краю болота. Это гибель. А впереди — топь. И тут Егоров решился. Он взял шест у Ксении, связал со своим. Связал еще два шеста. Положил рядом, как рельсы. И пополз. Шесты держали. Скомандовал: «Подавай еще!». Так, в темноте шагнула через бездну хлипкая гать. Все шесты пошли в дело. Но отряд перебрался. Никто не утонул. И даже пулеметы перетаскили. А гать разобрали. Чтобы враг не догадался, как перешли партизаны болото без моста.

На рассвете встретили слабенький заслон. Немцы выставили его здесь так, для порядка. Каратели и предположить не могли, что партизаны решатся ночью лезть в болото, считающееся непроходимым. В коротком бою разгромили заслон, уничтожили десяток полицеев. Никто из партизан не погиб, но двое были ранены — Ксения легко, пуля пробила плечо насквозь, не задев кость, а комиссар Зимогоров тяжело. В живот, осколком гранаты...

Впереди было тридцать с лишним километров трудного пути — по лесам и оврагам. Там — главная база. Там радиостанция. Там огромная поляна, на которую садятся самолеты, прилетающие с «Большой земли». Там партизанский госпиталь, где сложную операцию не сделают, но первую помощь окажут. А потом, по воздуху — в полевой госпиталь, а может, и в Москву... Но еще надо дойти, донести комиссара. Ксения держится молодцом, только побледнела от потери крови. Сама сделала Зимогорову перевязку. Шли весь день, а отшагали только половину пути. Трудно пробираться по чащобам, без дорог. Обессилели. Надо было передохнуть, но как поступить с комиссаром? Ему становилось все хуже. Он уже был без сознания. И все-таки приходилось сделать привал до рассвета...

...Зимогоров умирал. Запали виски, кожа на лице, на руках пожелтела. После отдыха шли быстро, часто менялись у носилок. Но до главной базы еще оставалось километров десять — три, а то и четыре часа пути.

Партизаны миновали один овраг, спустились по крутому склону в другой. Солнце поднималось, лучи его проникали сквозь негустую еще листву. Егоров глянул влево, и у него перехватило дыхание: в зелени сверкнула и исчезла алая полоска. Алексей

шагнул в сторону, взгляделся. Да, узкий треугольник, словно язык пламени, поднимался вверх по откосу. В два прыжка Егоров добрался до цели: так и есть, голубая струйка стекает на дно оврага...

— Стой, стой! Остановитесь же...

— Ну, чего там еще? Спешить надо, каждая минута может Зимогорову жизни стоить...

— Никуда не надо идти. Теперь он — спасен...

— Как это «спасен»? Кто его вылечит?

— Я вылечу. Вернее — голубая вода.

— Какая еще вода? Ты что, рехнулся? Пошли, ребята!

— Стойте! Поворачивайте с носилками сюда. Я ручаюсь — Зимогоров будет жить.

В голосе Егорова была такая сила, такая непреклонная воля, что носилки качнулись и повернули к источнику. Партизаны остановились у алого треугольника.

— Вот это, что ли? Вроде попа, выходит, станешь действовать? Побрызгаешь святой водичкой — и все хвори долой? Ты это брось, Егоров. Не до шуток...

— А может, и правда — целебная вода? Он ведь ученый человек, Егоров-то...

И тут Алексея осенило. Он попросил Ксению снять повязку с плеча, показать рану товарищам.

— Видите? А сейчас останутся только рубцы. Тогда поверите? Как думаете, стану рисковать здоровьем и жизнью жены? Ну, тогда отвернитесь, ей же раздеться придется...

Ксения сняла гимнастерку, стянула через голову рубашку — мужскую, солдатскую: Егоров зачерпнул голубой воды, смочил раны. Ксения тихонько ахнула. На краю круглого отверстия на сливочно-нежной коже всплели пузырьки.

— Больно?

— Немного... щиплет, но терпеть можно.

Рана на глазах начала затягиваться. Узкое входное отверстие. А выходное — широкое — осталось почти прежним. Тогда Егоров велел Ксении лечь набок у глубокой выемки, куда сбегала голубая вода, и погрузить в теплую влагу раненую руку. Он видел, как золотые змейки оплетают белое тело. Прошло несколько минут. Алексей напряженно вглядывался и видел, что ран уже нет. Но он продержал жену в целительной ванне еще некоторое время. Потом Ксения поднялась, глянула на свое плечо и васильковые ее глаза стали совершенно круглыми.

— Все... Ты победил, Алеша...

Ксения натянула рубашку, подвернула рукав. Ксению окружили, рассматривали свежие шрамы, кто-то, не поверив глазам, потрогал

осторожно. На него прикрикнули. И сразу же стали раздевать комиссара. Спешили, толкались. В восемь рук подняли Зимогорова, положили в воду. Он дышал трудно, с хрипом. Кто-то сказал: «А осколок-то у него там... в животе... разве можно оставить?» И Егоров подумал, что это в самом деле может помешать действию голубой воды. Прошло полчаса. Желтизна с лица комиссара сошла, синие прежде губы порозовели. Зимогоров застонал. Сознание еще не вернулось к нему, но он что-то произнес в забытие. Артамонов нагнулся, прислушался. «Пить просит...» И тут Егоров понял, что надо делать: он вытащил кружку из вещевого мешка, набрал голубой воды, отпихнул пытавшегося помешать командира, разжал Зимогорову зубы и стал понемногу вливать ему в рот «влагу жизни». Комиссар глотал. Дыхание его было уже ровным, спокойным. Алексей влил в него три кружки и услышал, как Ксения сказала: «Осколок...» Не оборачиваясь, Егоров спросил: «Что? Какой еще осколок?» И услышал в ответ удивительные, необыкновенные слова: «Осколок оказался, выходит из раны...» Алексей отшвырнул кружку, повернулся и увидел, что Ксения, погрузив руку в воду, что-то делает — очень трудное. Спина и даже затылок у нее были напряжены. Вот она выпрямилась, в пальцах у нее корявый плоский кусок металла величиной с пятак...

Зимогоров вскоре пришел в себя. Все видели, да и сам он чувствовал, что опасность миновала. Но рана никак не хотела закрываться, зарастать. Егоров не знал, можно ли так долго держать больного погруженным в голубую воду. Может быть, со временем это начнет приносить не пользу, а вред. Он так и сказал партизанам. Теперь его слушались беспрекословно. Комиссара вынули из целебной ванны, обсушили, Ксения наложила повязку. Рана была в хорошем состоянии, Зимогорова можно без спешки доставить на главную базу.

Егорова окружили партизаны, смотрели на него с почтительным удивлением: вот был человек, как все, а теперь вроде другим стал — на две головы выше, каждому приходится снизу вверх на такого глядеть. Вопросы сыпались со всех сторон: «Давно ли открыли такое чудо?» «Сам нашел или от ученых узнал?» «Почему раньше про это не слыхали?» «Что в этой воде целебное, может, неизвестное доселе вещество содержится?» Алексей на одни вопросы отвечал, другие пропускал мимо ушей, потому что долгий разговор требовался, да и в долгом разговоре не выявилась бы истина. Всю истину, пожалуй, и никто еще не знал...

А командир отряда твердо сказал, словно гвоздь забил: «Это, ребята, та самая живая вода, о которой сказки сложены. Видать в сказках правды поболее, чем люди полагают...» Егоров

усмехнулся: «Верно... только это не живая вода, а мертвая...» Партизаны возмущенно — обиженно зашумели, название показалось негодным. «Верное название, зря шумите. В сказках «мертвой» называется вода, которая излечивает раны, а «живой» — воскрешающая погубленных злодейскими руками. Так что хоть и не очень приятно звучит «мертвая вода», зато правильно... Ну, хватит об этом. Пора в дорогу, а прежде чем мы тронемся, пусть все напьются вдоволь этой воды. Она и усталость снимает, и от болезни лечит, а не только раны заживляет...»

Сапер Полуянов рассудительно сказал: «Давайте с собой захватим этой «мертвой воды», наполним все фляжки. Пригодится ведь она...» Егорову пришлось объяснить, что вне источника голубая вода быстро теряет свои целебные свойства. Партизаны удивились: «Вот она какая... строгая. Нипочем не хочет от родной земли отрываться...»

Через несколько дней Зимогоров и еще трое тяжело раненных партизан улетали на «Большую землю». Прощаясь, комиссар тихонько сказал Егорову: «Я тебе, Алексей, жизнью обязан... Да, да — точно. Подлечусь и расскажу кому следует обо всем: о находке твоей, чтоб ученые, не откладывая, начали разведывать по всей стране источники «мертвой воды»... А еще о том, что с тобой приключилось в тридцатом году, как ты билета партийного лишился, не по своей вине и кто таков на самом деле тот гад, который под твоим именем существовал...»

Лишь через несколько лет Алексей узнал, что самолет не долетел до цели. Его сбил «Мессершмит». Экипаж и раненые партизаны погибли...

Егоров хотел было отпроситься у командования, чтобы отметить место, где находится источник «мертвой воды». Но Ксения остановила его. «Я сделала на деревьях затесы треугольником. По ним найти легко. И вот еще...» Она протянула Алексею копию крупномасштабной карты, на которой был отмечен красным квадратом памятный овраг. Егоров посмотрел на жену с удивлением: он не мог припомнить, когда она снимала копию, вроде бы они и не расставались. Разве что на рассвете... В это время (пока Алексей досматривал сны) Сеня обычно стирала. Значит, выкроила время и на карту...

— Ты одержимый, Алеша. Ты ищешь и находишь. В этом нет случайности. Люди, поставившие перед собой высокую цель, всегда добиваются успеха. Особенно если им верят и помогают. Вот и я — верю тебе безгранично и хочу помочь...

— Зачем так? Будем вместе искать. И помогать друг другу. А пока давай договоримся, что ты не станешь потихоньку вставать

на заре. Надо будет — вместе поднимемся и сделаем работу. Мне сейчас невыносимо стыдно, что я проглядел, допустил...

Ксения быстро огляделась, чмокнула Алексея в худо бритую щеку, обколотась.

— Занимайся мужскими делами, милый. А женские и без тебя делаются.

Накануне годовщины начала войны партизаны вышли в большой поход. Они разгромили немецкие гарнизоны в двух деревнях. А потом завязался бой с сильным карательным отрядом. В этом бою Егоров был тяжело контужен взорвавшейся рядом миной и ранен полтора десятками мелких осколков. Сознание вернулось к нему лишь в Москве, в госпитале. Солнечный зайчик вздрагивал на белой стене. Алексей зажмурился от яркого света. И тут же услышал легкие шаги. Синие глаза Ксении были, как всегда, похожи на васильки во ржи. И была в этих глазах тревога, а потом они вспыхнули радостью...

VII

На востоке грохотал бой. Весь горизонт был затянут темной пеленой. Дым и пыль величайшего танкового сражения на Курской дуге поднимались к небу, и солнце едва просвечивало сквозь плотную завесу.

Тыловые части немцев готовились покинуть эти края. Вот-вот Советская Армия возьмет Орел. К западу от города были оборонительные рубежи, но гитлеровцы не надеялись удержаться на них. Готовились к бегству и Зыбин со Снетковым. У них все было предусмотрено: и фальшивые документы имелись на всякий случай, и красноармейская форма хранилась в вещевых мешках. Но они надеялись, что все это не понадобится, что немцы вывезут своих подручных...

Советские танки ворвались в городок после полудня. Они охватили районный центр широким полукольцом с севера и востока. На броне сидели автоматчики в выгоревших гимнастерках. Немцы почти не оказали сопротивления, удрали. Пристроиться на машины Зыбину и Снеткову не удалось. Снетков получил такой пинок кованым сапогом в живот, что отлетел на противоположную сторону улицы и долго не мог подняться на ноги.

Лес укрыл беглецов. Они шли на северо-запад, держась вдали от дорог. Зыбин и Снетков приободрились. Леса, болота, овраги были преградой для моторизованных частей. Значит, наступление советских войск потеряет стремительность, можно будет со временем догнать немцев, а там — что черт пошлет... Партизаны... Вот

это была самая серьезная опасность для предателей. Обоих лесной трибунал приговорил к смертной казни, обоих партизаны знали в лицо. И Зыбин со Снетковым не шли — крались, прислушиваясь к каждому шороху. Но не убереглись. Переходили дорогу. С перекрестка их заметили. Скомандовали: «Стой!» Беглецы увидели, что к ним направляются пестро одетые люди с автоматами. Сомнения не было: они встретились с партизанами. Зыбин и Снетков кинулись в кусты. Вавизгнули пули над головой, посыпались срезанные ветви. Загородившись ладонями, чтоб острые сучья не выкололи глаза, беглецы ныряли в ельник, продирались сквозь густой кустарник. Наконец, стрельба позади прекратилась. Ушли... Но пули преследователей попали в обоих: Снеткову в ногу выше колена, а Зыбину в бок — разорвало кожу на ребрах. Перевязали друг друга и двинулись дальше. Снетков хромал все сильнее. Наконец, не выдержал, попросил передохнуть. Спустились в овраг. Снетков едва шел, стонал при каждом движении. Под темным пологом ветвей прилегли, закурили.

— Гриша, ты не бросишь меня? Подсобишь выбраться?

Зыбин молчал.

— Ты не молчи... Не должен ты меня оставить на погибель. Мы уж сколько годов с тобой одной веревочкой связаны, а теперь и вовсе... Русской кровушкой замараны... Да не замараны — облиты с ног до головы. Чужие мы на родимой земле, с лютыми врагами заодно. Хуже псов бесприютных: каждый встречный ударит — ровит, да побольнее. А идти надо... Вот я отлежусь маленько — и пойду. Рана у меня не тяжелая, кость — чувю — не тронута. Подживет вскорости, тогда и двинемся, ладно, Гриша? А пока здесь побудем... Продукты имеются у нас, голодать не придется... Печечку из дернин сделаем, оцажок... Чтоб огня и аблизии не видеть. Угреемся, чай в котелке скипятим. Ты только не оставляй меня. А я уж тебе отслужу за все твое доброе...

Снетков все говорил, как в горячечном бреду. Зыбин сидел на бревне, нурил и мрачно смотрел вдаль. Он знал, что Снетков сможет идти нескоро. Может, дней через десять. А их станут искать. И найдут. Даже если он уйдет один, то Снетков наверняка попадется в руки партизанам. Хорошо, если его сразу пристрелят. А если отправят к энкаведистам? Он много знает. И не только о прошлом. Знает, какие документы у него, Зыбина. И о золоте, наверняка, догадывается. Все выложит, спасая свою шкуру...

Зыбина захлестнула волна душного, липкого страха. Он уже ненавидел Снеткова. «Отслужит... Этот отслужит кому хочешь... Надо кончать с ним. А как? Стрелять нельзя, черт знает, кто может сказать о близости. Нет, надо по-тихому... Аккуратненько надо...»

Зыбин нащупал финку на поясе, попробовал, легко ли вынимается из ножен, и сказал Снеткову:

— Кончай болтать! Давай рану твою осматрю, перевяжу как следует.

— Сейчас, сейчас, Гришенька... Прав ты, прав... Так и сделаем...

Он повернулся на правый бок. Зыбин выхватил финку, ударил точно в сердце, а левой ладонью зажал Снеткову рот. Тело выгнулось дугой, дрогнуло и распласталось на траве...

Золота у Снеткова не было. Зыбин взял лишь документы и оружие. Глянул на свои руки — они были в крови. Зыбин нахмурился: «Замарался, когда обшаривал...» Оглянулся, ища воду. В оврагах почти всегда бывали родники. И чуть не вскрикнул: в нескольких шагах на склоне алая поток крови, словно с рук Зыбина плеснуло на землю. «Тьфу, черт, причудится же... Это просто глина... Ага, и вода там есть...» Подошел. Над темноватой водой клубился прозрачный пар. Зыбин обмакнул пальцы. «Горячая... Может вредная какая... Пить не стоит, а руки помыть — в самый раз...» Наклонился и увидел в глубине бледно-желтые струйки. Словно переливалось там расплавленное золото. Зыбин решил, что ему снова чудится. «То кровь, то золото, — с досадой думал он. — Так ненароком свихнешься...» Он вымыл руки, сплюнул в темный бочажок. Снеткова он сволок в оказавшуюся недалеко яму под выворотнем, закидал травой. Документы его сжег, пепел затоптал. Автомат и пистолет решил забросить в кусты где-нибудь подальше. И двинулся быстрым шагом по оврагу, потом выбрался наверх. Но шел не на запад, а на восток. Подобравшись к дороге, оглянулся и кинул в канаву оружие Снеткова. Потом вернулся в лес, переоделся в ношеную гимнастерку с погонами ефрейтора — одной узкой лычкой. К вечеру он подошел к городку, пробрался на кладбище. Здесь у него был тайник. Здесь хранились самые надежные документы: госпитальная справка о ранении в голову, солдатская книжка, несколько писем и две фотографии. Все это было подлинным и принадлежало когда-то ефрейтору Тарасу Николаевичу Костенко 1904 года рождения, уроженцу Черкасс. И автомат ППШ лежал тут же, и кисет, на котором чернильным карандашом была выведена фамилия. Все было таким, как надо. А Костенко на свете не существовало. И родственники его, изображенные на фотографиях, погибли. Это Зыбин знал точно. Поэтому документы имели для него особую ценность. Он рассовал все по карманам, закинул за плечи автомат, а в тайник уложил золото и старый наган, принадлежавший когда-то Егорову. Выбрался с кладбища, обошел полями городок и направился туда, где в небо медленно

взмывали ракеты и слышалась стрельба. Так канули в небытие и Егоров, и Зыбин. По дороге шел раненый советский солдат Тарас Костенко. Шел с документами, с автоматом, наспех перевязанный на поле боя. Так началась четвертая жизнь одного и того же человека, который всех ненавидел, всех боялся. Этот человек всегда был опасен, как бешеный волк. Но теперь он был сломлен, ни на что не надеялся и хотел лишь спрятаться в укромном углу...

VIII

Четверть века... Малый срок — и целая жизнь. Ровно двадцать пять лет прошло с того дня, когда Егоров очнулся в госпитале после долгого забытья и увидел глаза любимой — синие, как васильки во ржи. Егорова теперь редко звали по фамилии, а по имени — только родственники да близкие друзья. Он стал Алексеем Ивановичем, уважаемым профессором, доктором геолого-минералогических наук. Ученую степень эту он получил за капитальный труд о контактных зонах между изверженными и осадочными породами и о методах прогнозирования применительно к этим зонам. А за находки, за открытия новых месторождений очень важного сырья для некоторых отраслей промышленности профессор Егоров был удостоен Государственной премии...

Сеня стала известным геологом. До профессора не дотянула, остановилась на кандидатской степени. А лауреатская медаль у нее на жакете была точно такая же, как у мужа.

Сын Егоровых не пошел по стопам родителей. Он провалился на конкурсных экзаменах в институт. Молчаливого сочувствия не принял. Ушел на военную службу, сдал экзамены в училище. Теперь он далеко — где то на востоке, Старший лейтенант, чем-то там командует. Скорее всего ракетной установкой, потому что погоны у него со знаками различия артиллериста. Вскоре будет сдавать экзамены в военную академию и, по мнению матери, обязательно выдержит их, потому что «упрямством в отца пошел».

Люди, впервые встречающиеся с Егоровыми-старшими, не хотят верить, что у этой элегантной и на вид молодой пары есть совершенно взрослый сын. И уж совсем скептически улыбаются, когда узнают, что седой, румяный и по-юношески подтянутый Алексей Иванович участвовал не только в Великой Отечественной войне, но и в гражданской.

Все эти годы они искали голубую — или «мертвую» — воду, которая заживляет раны и излечивает болезни. Но — неудачно. Близ родного города Ксени и в помине нет оврага. Его сровняли, засыпали. Там проходит железнодорожная ветка к гиганту-заводу.

выросшему еще до войны. А в том краю, где партизанили Егоровы, были жестокие бои с гитлеровцами. Уже после ранения Алексея. Памятный овраг оказался перекопанным, изрытым воронками от бомб и снарядов. И алая глина, и голубая вода пропали. В других же местах обнаружить их не удалось.

Но Егоровы считают, что им известна тайна «мертвой воды». У них сохранилась пожелтевшая от времени бумага, на которой рукой добросовестного фармацевта написаны результаты анализа. Редкоземельные элементы. Многие из этих элементов радиоактивны. Определенная комбинация слаборадиоактивных веществ, очевидно, и дает необыкновенный эффект. Теперь, считают Алексей и Ксения, надо лишь найти «мертвую воду», а уж современные средства и методы исследования подтвердят предположения. Только бы найти...

Они редко говорят о волшебной воде. И только между собой.

Во время одного из таких разговоров Алексей Иванович познакомил жену со своей гипотезой происхождения голубой воды.

— Я думаю, Сеня, дело было так: в одну из отдаленных эпох — скажем, в докембрийский период — на нашей планете уже существовали океаны. Вода в них была, конечно, не совсем такой, как теперь. Примеси иные, солёность, плотность... И в то же время процессы горообразования были бурными. Нынешние — как пламя свечи, а те — как атомный взрыв. Случалось, что земная кора трескалась и разлом достигал многокилометровой глубины. Туда устремлялись воды океана. И в это самое время края трещины сходились. Огромные массы воды оказывались в ловушке. В этой ловушке давление достигало совершенно фантастических размеров. А вместе с ним повышалась соответственно и температура паробразования. Создавались условия для неизвестных нам — пока — химических реакций. Почему неизвестных? Да потому, что мы еще толком не знаем, какие вещества и в каком состоянии находятся в сотне километров под земной поверхностью. Вполне вероятно, что там имеются и элементы, не вошедшие пока в таблицу Менделеева. Места для них есть, а самих элементов мы не открыли. К тому же воспроизвести в лабораториях химические реакции при таких температурах и давлениях, а главное — в таких масштабах, еще никому не удалось...

Что в дальнейшем происходило в глубинах, куда проникла вода? Она, как ей положено от природы, искала выход. И находила. То ли по сети сравнительно мелких каналов, то ли сразу большими массами. Эта вода охлаждалась, пары ее конденсировались. В некоторых случаях она прорывалась на земную поверхность и смешивалась с влагой океанов. А в других — заполняла

малые и крупные пустоты на небольшой сравнительно глубине, образуя озерца, озера и, быть может, даже моря. Вырвавшаяся на поверхность из недр Земли вода очень быстро теряла свои особые свойства, а оставшаяся в глубине земной коры — сохраняла. Сохраняла потому, что не смешивалась с пресной водой рек и озер, с соленой — морей и океанов. В глубинные водоемы не проникала и дождевая влага. Эти водоемы были защищены от солнечного света и от космических лучей. В таком вот «законсервированном виде» вода, побывавшая в глубине Земли, могла сохраняться — и сохранялась! — многие сотни миллионов лет. А иногда, вследствие разных причин — эрозии, трещин в толще коренных пород и других, наделенная особыми свойствами вода просачивалась на поверхность. Это случалось нечасто, а к тому же особые свойства, как мы уже знаем, нестойки — они теряются от воздуха, солнечного света и соприкосновения с почвой. Однако за время существования человечества люди изредка находили «волшебные источники». Объяснить же ничего не могли. Так возникли сказки и легенды о «мертвой и живой воде», «напитке жизни» и всяких других. Интересно, что у разных народов эти легенды имеют общую основу: напиток жизни излечивает болезни, заживляет раны и дает долголетие. Не означает ли это, что в основе всех легенд лежат подлинные события, приукрашенные впоследствии воображением, искаженные суевериями, а в ряде случаев приспособленные для своих целей религиями? «Святая вода», например, «чудесные исцеления» и «воскрешения из мертвых»...

Егоровы давно покинули старый дом на улице Веснина. Они живут в просторной квартире на Фрунзенской набережной. В квартире много книг, на нижних полках стеллажей — коллекции минералов.

Обо всем говорят в доме Егоровых: о стихах и спектаклях, о хоккейных матчах, о двенадцатой симфонии Шостаковича... Но никогда не вспоминают о человеке со шрамом на виске, который был когда-то похож на главу семьи...

Настал день, когда в семью Егоровых пришла беда. Заболела Ксения. Поначалу стала часто забираться на тахту. Сил не хватало. «Старею, наверное, Алеша... Женщины ведь как? Не успела оглянуться — и уже в метро говорят: «Садитесь, бабуся...» Улыбка у Сени была растерянная. Потом начались боли в животе. Тут уж Егоров спохватился: кинулся к врачам, положил жену в клинику. Но самое тщательное обследование не дало никаких результатов. А Ксения слабела... Диагноз был поставлен лишь спустя полгода: абдоминальный туберкулез.

«Что это значит?» — спросил Егоров у врача. «Это значит, что

инфекция проникла в брюшную полость. Поражен кишечник...» — ответил фтизиатр. «А это очень опасно? Я считал, что туберкулеза уже нет... У нас в стране во всяком случае.» «Да, так принято считать. И это, в принципе, верно. Туберкулез искоренен, как социальное зло, понимаете?» Профессор для большей убедительности поднял длинный, как карандаш, палец. «Социальное... Но не биологическое. У нас очень невелик процент заболеваний туберкулезом легких, да и лечить мы эту форму научились неплохо. А ведь именно легочники — главные распространители инфекции. Даже во время войны и в первые послевоенные годы число заболевших почти не увеличилось. Значит, жизненные условия способствуют практически полной ликвидации туберкулеза через какой-то промежуток времени.

А относительно вашей супруги... Будем лечить. Потом она поедет в санаторий, в Горки. Это километров сорок от Москвы. Организм крепкий, будем надеяться на хорошие результаты...

Время шло, множество лекарств было перепробовано в институте и в санатории, а Сеня все не выздоравливала. Ей то становилось лучше, прекращались боли, появлялся аппетит, то снова слабость валяла на койку, и врачи хмурились, отвечая на вопросы Алексея Ивановича. Стали поговаривать об операции, хотя, как Егоров понял, и она не гарантировала выздоровления. И тогда он решился. Мертвая вода могла спасти, излечить Ксению. И не только ее. Егоров нагляделся на страдальцев в досталь. И всем им — поможет «влага жизни».

Егоров с новой силой принялся за поиски. Им давно уж был наметан участок очередной экспедиции — поездка до сих пор откладывалась из-за болезни Ксении. А теперь Егоров решил не терять времени на сборы партии, он спешно вылетел один. И вот он в предгорьях Урала.

Это был не овраг — неширокая долина. По ее дну течет безымянная речушка. Где слой воды так тонок, что едва заметен, где заполняет глубокие ямы-бочаги, где падает с плоского камня крохотным водопадом и неумолчно журчит-звенит. По краям долины — галечные осыпи. Серые, коричневые, грязно-белые. Дальше — невысокие, крутые каменистые откосы. Корни лиственниц, пихт, кедров пробили камень и вцепились в откосы. Деревья поверху стоят стеной. Темные кроны, медные и каменно-серые стволы. Долина некруто изгибалась и сужалась в этом месте. Егоров сделал несколько шагов, скользя по гальке, и замер. За поворотом сверкнула алая полоса. Этот цвет был неповторим — он словно вобрал в себя отблеск тысяч ясных вечерних зорь. Он пламенел, как знамя. Как будто кровь великана застыла на откосе.

У Егорова перехватило дыхание. Он замер, потом сделал шаг, другой... Да, это была она... Егоров подошел ближе и с ужасом увидел, что алая глина сухая. Ни единой капли голубой воды не скатывалось по ней. Алексей Иванович приблизился вплотную, провел ладонью по крутому откосу. Да, бархатиста, как лучшая замша... И даже чуть-чуть теплая... Но воды нет. Нет «влаги жизни». Ушла, исчезла...

Это был конец. Крушение надежд. Егоров опустил голову. Он не сразу понял, что под ногами его — не совсем обычная галька. Здесь — именно здесь — она была немного темнее, чем справа и слева. «Значит... Что это значит?» Мысль Егорова, сокрушенного неудачей, работала туго. «Это значит — галька влажная... А почему она влажная? Речка далеко... По соседству галька сухая. А здесь... Выходит, что вода стекает с откоса. То есть — из-под алой глины... А что, если...»

Егоров геологическим молотком отбил кусок прочного песчаника у самого края алой полосы. Образовалось большое углубление. Егоров вложил туда ладонь. Да, там тепло чувствовалось вполне отчетливо и влага тоже. Он начал разгребать саперной лопаткой гальку в том месте, где внизу обрывался натек алой глины. Егоров вырыл полуметровую яму. Лопатка скользнула по твердому камню и послышался плеск. Алексей быстрыми движениями выбросил из ямы гальку и увидел гладкую, темную поверхность воды. Яма наполнялась. Егоров достал припасенную белую эмалированную кружку, набрал воды. Она была не голубая, а кобальтовая, густо-синяя. И знакомые золотые струйки казались ярче, цвета червонного золота. Егоров благоговейно выпил «влагу жизни». «А теперь — скорее на почту, — думал Алексей Иванович, — вызвать Сеню, а потом — экспедицию. С дозиметрами, спектрографами и полным набором реактивов...» Он быстро шел, почти бежал по долине.

Деревня находилась у озера. День был пасмурный, не рыбацкий, и множество лодок стояло вдоль берега на якорях. Одна из лодок подошла к берегу, и Егоров отметил про себя, что старому рыбаку — а из лодки выбрался сторбленный худой старик — не повезло: на кукане болталось пять-шесть мелких плотиц. Старик, приподняв ноги, шел навстречу, и Егорову вдруг показалось, что в его облике есть что-то знакомое. Да нет, почудилось...

Телеграмма послана. Надо ждать. Егоров договорился с хозяйкой временного своего пристанища о том, что к послезавтрашнему дню она приготовит топленого молока, накопает молодой картошки и испечет шаньги. Утром он поедет на аэродром, а сейчас можно побродить по берегу озера. Послезавтра Сеня получи:

первую порцию «мертвой воды» и вскоре будет здорова. В этом Егоров не сомневался. А потом... потом начнется большая работа.

Предварительные исследования, которые возможно было провести в данных условиях, позволили Егорову утвердиться в мысли, что «голубая вода» содержит неведомый пока химический элемент. Егоров даже название придумал: «Ксенит». Можно было примерно определить и порядковый номер в таблице Менделеева: ксенит явно относился к группе трансурановых, нестойких и недолговечных. Именно этот элемент вызывал особую ионизацию воды и при распаде, выделяя некоторое количество гиперонов, наделял влагу целительными свойствами. Она не только приобретала качества мощного биологического стимулятора, но и действовала на живые клетки таким образом, что они — у людей — восстанавливали утерянные в процессе эволюции способности к почти мгновенной регенерации. Причем все клетки — и мышечные, и нервные, и костные. Конечно, в свойствах «голубой воды» еще предстояло разобраться, но присутствие нового элемента не вызывало у Егорова сомнения. А если станет известен состав «голубой воды» на молекулярном и атомном уровнях, то проще будет установить и ее происхождение, а значит, и поиск. Со временем же — кто знает? — быть может, удастся и синтезировать «влагу жизни»...

Алексей Иванович медленно шел вдоль забора. На скамеечке сидел давешний старик. Он опирался сложенными ладонями на суковатую палку и поднял голову, услышав шаги. По лицу Егорова царапнули горящие ненавистью глаза, но старик вновь сгорбился, уткнулся в землю. Алексей Иванович прошел мимо, испытывая смутную тревогу. «Черт его знает, может, из тех, которые ненавидят и дальних, и близких, выжив из ума на старости лет...» И тут же забыл о злобном старике.

...Ксения совершенно излечилась через десять дней. Она сказала мужу:

— Я уже и забыла про болезнь... И сил — непочатый край.

Егоров залюбовался женой.

— Ты знаешь, Сеня, у тебя глаза стали еще синее.

Было раннее утро.

— Я приготовлю завтрак, а ты погуляй — распорядилась Ксения.

— Да далеко не уходи, а то меня медведь утащит...

Их лагерь был на небольшом расстоянии от источника за поворотом долины. Они избегали чем бы то ни было загрязнить «мертвую воду».

Со склона посыпалась галька. Егоров поднял голову. Вверху, у ствола старой лиственницы стоял старик-ненавистник. Этот человек был кеприятен Егорову. Алексей Иванович шагнул по галечной косе и услышал позади хриплый голос:

— Погоди, не спеши...

Егоров повернулся, глянул. В руке у старика был наган. Он целился в Егорова.

— А ну, подойди поближе... Да не оглядывайся, бежать тебе некуда, пуля все одно догонит... Вот ты каким стал, Алексей Егоров... Важным стал. Удачлив, видно...

Стоило старику назвать его по имени, как Егоров узнал давнего врага. Это был он, убийца, человек со шрамом, фашистский прихвостень. Его было почти невозможно узнать. Он стал дряхл и мерзок. Синегубый, с провалившимся ртом, с грязно-серыми клочьями волос на облезшей наполовину голове. И он хотел убить его, Егорова. Убить второй раз... Несколько секунд назад Егоров, увидев направленный на него наган, испытал — как и всякий в таком положении — чувство страха. Он был безоружен. Карабин, топорик и геологический молоток находились на стоянке, куда ушла Сеня. Но теперь страха не стало. Егорову был отвратителен этот призрак прошлого — и только. Он глядел вверх и даже сделал несколько шагов вперед. Теперь их разделяло не более десяти метров. Егоров видел, что старика бьет дрожь и револьвер пляшет в его руке.

— Ну, что же ты? Стреляй...

— Выстрелю... Я еще погляжу, как ты будешь корчиться, подыхая. Не ждал я такого подарка. Думал — один помру, а не нет... Не добил я тебя тогда, а ударил вроде хорошо, правильно... Не должен был ты жить... А ты вон какой — здоровенький да молоденький... Ну да ладно — лучше поздно, чем никогда... Молись своему поганому большевистскому богу...

Егоров услышал голос Сени. Она звала его. Прикинул крутизну склона и расстояние. Нет, не достать — пока взберешься... Значит, надо камнем... А то этот гад может и в Сению...

Егоров быстро нагнулся, поднял крупную гальку, швырнул... Мимо... Грянул выстрел. Егоров не услышал свиста пули, не ощутил и толчка, как бывает при ранении. А старик нелепо взмахнул руками, выронил наган и рухнул вниз. Он упал в двух шагах от Егорова, рядом с выемкой, полной «мертвой воды». Он лежал вниз лицом, рука захватила горсть гальки и медленно выпустила. На камнях расплывалось красное пятно...

— Ой, кто это? А кто стрелял? Алеша, посмотри, ведь он сильно расшибся, ему надо помочь...

— Вряд ли такому стоит помогать...

— Что с тобой, Алексей? Ты... Он... Значит это — он?..

Старик лежал неподвижно.

— Он умер уже давно, Сеня... Помнишь, мы вскоре после войны были на Березине? Помнишь немецкие танки — десять или две-

надцать? Они стояли в ряд и были совершенно целые. Но только на первый взгляд. Они выгорели изнутри. Подкалиберные снаряды попали... Вот и этот так же... выгорел изнутри. Он от страха выгорел и от злобы. Ну, разве может человек столько лет жить в постоянном страхе?..

Они оттащили того, кто назывался при жизни Григорием Зыбиным, подальше от источника голубой воды. И пошли к своей стоянке, к своему лагерю. Их ждали работа, встречи с неизведанным, поиск истины терпением, памятью, умом и великой любовью к людям.

Долина дышала покоем и прохладой. Редкие тени деревьев лежали на галечных осыпях. В чистом небе медленно таял белый след высоко пролетевшего самолета...

М. КРИВИЧ,
О. ОЛЬГИН

НАЧИНАЮТ И ВЫИГРЫВАЮТ...

Откажись он сразу от этого турнира, сидел бы сейчас на даче в Удельной и писал книжку о каталонском начале, а то просто двигал по доске старенькие фигурки с проплешинами на лаке. Кипел бы чайник на электроплитке, зашел бы сосед в сандалиях на босу ногу за луковницей для шашлыка, и Лев Борисович долго шарил бы в бельевой корзине, алюминиевом бидоне и по обувным коробкам...

Международный гроссмейстер Лев Борисович Левицкий ехал по проспекту в прицепном вагоне ростовской пневматички в Центральный игорный дом.

На углу Газетного вагон слегка тряхнуло, послышалось противное шипение, и поезд приземлился. Мимо окна пробежал водитель с разводным ключом, раздались шаги на крыше, и свет погас. Лев Борисович с тоской подумал о несостоявшемся ужине в уютной гроссмейстерской столовой и попытался разглядеть циферблат часов.

Одно к одному. И полтора очка из четырех, и дождь на дворе, и поужинать теперь не успеешь, и сквозняк в номере. Хватит с него. Больше никаких открытых турниров. Пусть с этими машинами играют коротковолосые вундеркинды из математической школы. Вспыхнул свет, промокший водитель пробежал к головному вагону, и за окном снова замелькали дома. Все равно опоздал. Ничего, она

подождет. А почему она? Эти многомудрые юнцы за глаза называют машины машинками. Ну ладно, она — так она.

После добротной ничьей с пожилым сенегальцем он подарил партию «ей» — серенькой машинке с трудновыговариваемым цейлонским именем. А сейчас в Большом зале игорного дома под тикание пущенных часов, его ждет, елозя от нетерпения, гениальная эмалированная «Березань».

Левицкий торопливо прошел по сцене к единственному свободному месту. Чтобы скоротать время, Березань драила зажатой в манипуляторе фланелькой никелированную отделку. Лев Борисович засунул в рукава непомерно вылезавшие манжеты, бросил завистливый взгляд на безупречную стальную манжету манипулятора, двинул пешку и переключил часы.

1. с4. Kf6.

2. Kf3...

Пошарив по карманам, Лев Борисович вытащил мятую красную пачку «Хороших» и закурил. Вообще-то машинам на дым было наплевать, но гроссмейстер по природной деликатности своей задрал подбородок и пустил дым тонкой струей вверх, к вентиляторам. Железная лапа Березани потянулась к пешке «g», и вдоль лапы по доске поплыл голубой дым. Левицкий еще раз глубоко затянулся и с силой выдохнул вверх. А дым снова свернул к доске, прополз между фигурами и растворился в Березани.

2... g6.

Там, где вчера еще красовалась эмблема Березанского спортклуба — лихая штампованная роспись, торчали вывороченные резиновые губы, прикрытые мягкой сеточкой. Губы слегка шевелились, втягивая табачный дым.

3. g3...

— Курит! — вырвалось у Левицкого.

— Отнюдь, батенька, отнюдь. Принимаемся. Сообразно вашим давешним рекомендациям.

3... Cg7.

4. Cg2.

Это было позавчера. Когда Левицкий подошел к демонстрационной доске, возле которой трое корреспондентов с навивной прозрачностью просматривали варианты ничейной партии из первого тура, кто-то цапнул его за пуговицу пиджака. Пуговицы были слабостью гроссмейстера: Лев Борисович пришивал их без посторонней помощи. Улыбаясь боковой подсветкой, перед ним стояла Березань.

— Рады видеть вас в добром здравии.

— Добрый день э-э-э... коллега.

(Трактор ей коллега! Не говорить же ей «вы» в самом деле... И «ты» не скажешь...)

— Начали вы пристойнее, нежели в Гастингсе,— ласково произнесла Березань. — Играли вы там, милостивый государь, прескверно. Надобно же такое — ладьей да на эф-три пожаловаты! И не впервой с вами такое...

Других подобных случаев в своей практике гроссмейстер не помнил. Но в правоте Березани он не сомневался — эта консерванная банка знала наизусть все его партии.

4. ... 0—0.

5. 0—0 d6.

6. Кс3...

После они еще минут десять поболтали о Гастингсе, и Лев Борисович настолько растаял, что собрался было выложить Березани прелестный английский анекдот о молодой даме на пляже, но вовремя спохватился — она непременно поняла бы все буквально. Он начал прощаться, но Березань не выпускала пуговицу.

— Погодите, сударь мой, имеем сообщить вам... Сделайте одолжение, не уходите. Любим мы древнюю игру нашу и испытываем крайнее к вам расположение, поелику собаку вы в ней скушали. Только одолеем мы вас в пятом туре.

6. ...Кс6.

7. d4.

— Все может быть, все может быть, коллега,— пробормотал Лев Борисович, пытаясь освободить пуговицу.

— Всенепременно...

И уйти бы Левицкому, оставив пуговицу в лапе Березани, и не спорить бы. А он зачем-то стал выкладывать затрепанные сентенции о том, что люди есть люди, а машины — машины, что людям свойственно ошибаться, ходить на свидания, смущаться и краснеть при этом. И еще о том, что все это не машинного ума дело.

Березань выпустила пуговицу и молча покатилась к выходу. Левицкому стало неловко.

— Я никого не хотел обидеть,— крикнул Левицкий вдогонку.

— Не извольте беспокоиться, мы на вас не в обиде,— сказала Березань, стоя в дверях. — А в словах ваших есть зерно истины. Над многим поразмыслить следует. Поехали мы самоорганизовываться, дабы мировосприятия нашего пределы расширить...

Больше вроде бы беседовать им не приходилось...

7. ...Cf5.

8. d5 Ka5.

Кулачок нежно щекотал под мышкой, там где начинался мани-

пулятор. Провода слегка нагрелись, разливая по схеме приятное тепло. Березань думала.

«Это поле биты, это тоже... Посмотрим на ваши уши. Белые. Совершенно белые. Руки не дрожат. Ферзя вывести успею. Левицкий холост. С другой стороны, ему уже под сорок. Не мальчик... Ни в чем таком не замечен. Надо выяснить, возможно ли это в такие годы. В шестой блок памяти — справиться в медицинской энциклопедии. Что-то эти пешки в центре нам не нравятся.

9. Kd2...

«Нудно я играю, — думал Левицкий. — А что поделаешь? Что поделаешь — я ее боюсь. Бог ты мой, а если они и в самом деле додумаются до самоорганизации! Тогда играть против них — все равно, что боксировать с бульдозером».

9. ...c5.

«Заперли мы его. А уши не краснеют. И руки не дрожат».

10. e4...

«Есть хочется... Надо было такси взять. Успел бы хоть в буфет зайти. Если и дальше будем топтаться, предложу ничью. Спущусь вниз, возьму бифштекс, бутылку пива. Разве с ней договоришься! Что ей бифштекс — будет до голых королей играть...»

10. ...Cd7.

«В эндшпиле мы сильнее. Размены что ли? Нет, пождем, пока покраснеет...»

11. Фc2...

«...с тем, чтобы дальше... Что там дальше? Эта электрическая телега не ошибется. Разойтись бы с миром».

— Как насчет ничьей?

11. ...a6.

— А не упреждаете ли вы события, батенька? Ведь такое благолепие на доске.

12. Лb1...

«Какое уж там благолепие! Скорее бы оно кончилось...»

12. ...b5.

«Гроссмейстер, а фигуры ставить не умеет! Нет, чтобы в середину клеточки».

— Мы, с вашего позволения, ладью, неловко вами установленную, поправим. Вот так, вот так. Вот таким образом. Поправляем.

13. b3...

«Все-таки сбегая в буфет». Лев Борисович встал и, прижав руку к ладанку, сказал:

— Прошу прощения. Я в буфет и обратно. Времени у меня достаточно, так что часы можно переключать, не стесняясь.

— Что вы, право, зачем же волнение себе чинить! Эко дело...

Мы по сему случаю позволим себе борзо прикинуть позиции, до того редкостные, что мы их ранее и в расчет не принимали.

Левицкий ринулся в буфет.

Первый бутерброд он проглотил, поднимаясь по лестнице. Второй, в промасленной бумажке, Лев Борисович аккуратно положил на край столика.

Березань сдержала слово и нажала на кнопку часов, как только гроссмейстер уселся.

13. ...Лb8.

— Лоели — попили, батенька?

— Нет, всухомятку.

— И у нас такое иной раз случается. Когда в аккумуляторе какое неблагополучие произойдет.

— Куда как похоже, — буркнул Левицкий.

14. Св2...

Не отрываясь от доски, Лев Борисович взял левой рукой бутерброд, слизнул прилипшую к пальцу икринку и не спеша принялся жевать.

14. ...Фс7.

— Приятного вам аппетита. А что вкушаете, ежели не секрет?

— Бутерброд с икрой.

15. Са1...

Подцепив присоском пешку, Березань вежливо осведомилась:

— Позвольте полюбопытствовать, что есть икра?

15. ...е5.

16. Ке2...

— Икра? Это из рыбы.

— Вы о том явлении, с коим сталкиваются играющие в приятную для заполнения досуга игру домино?

— Какое еще домино? Она в воде плавает.

16. ...Ке8.

Березань замялась: в ее оперативную память были заложены крайне скудные сведения о воде и ее обитателях.

17. {4...

— Простите великодушно, что испытываю ваше терпение. Не приблизите ли вы эту рыбью пищу к нашим устам.

Лев Борисович оторвался от доски и неуверенно протянул остаток бутерброда к резиновым губам. И они зашевелились, тягивая воздух.

— Здесь у нас новые анализаторы для отправления обоняния, учрежденные согласно вашим мудрым наставлениям о несовершенстве нашем. Не сочтите за труд опустить за решеточку малую

толику икры для познания элементарной природы ее на нашем спектрографе. Чувствительно вам обязаны.

«Свихнулась жестянка», — подумал Левицкий, а вслух сказал: — Пожалуйста.

17. ...16.

18. h3.

Дальше они играли молча. И где-то ходов через пять гроссмейстер почувствовал, что на доске творится неладное. Левицкий играл со многими людьми и многими машинами, проигрывал, а чаще выигрывал, ошибался, пользовался чужими ошибками. Но в самых трудных положениях он знал, откуда ждать опасности. Сейчас Лев Борисович не понимал Березани и, не в силах разгадать скрытый смысл ее маневров, тоскливо ждал подвоха.

Березань не играла, она переставляла фигуры. За нетронутым частоколом пешек она жонглировала слонами и конями, будто уверовав, что за этим частоколом их никто не тронет; она деловито упрятала ферзя в такое укромное место, откуда он не угрожал уже ни одной фигуре. Наконец, оставив в покое ферзя, Березань двинула вперед пешку «а».

«Начинается», — подумал Лев Борисович и встал со стула.

Бездомная пешка стояла у обрыва доски, в стороне от скопища черных фигур. Ее можно было взять даром.

Как только он ее возьмет...

Согнувшись от смеха, гроссмейстер сел на стул, вытянул из кармана носовой платок, вытер слезы и снова закатился смехом. Так он и сидел, упираясь локтями в стол, всхлипывая, тряся, подметая галстуком доску.

Эта гора транзисторов, набитая до краев шахматной мудростью, эта самодовольная, непогрешимая, прозорливая жестянка выстроила из фигур рыбку.

Лев Борисович хохотал, позабыв о часах, — над своими страхами, над несообразностью случившегося, над святой наивностью машины. Сколько же ей, бедняге, пришлось попотеть, чтобы за неполный час растащить икринку по кусочкам, извлечь из нее все эти жиры, белки и углеводы, добраться до нуклеиновых, расшифровать их структуру, прочесть генетический код, и потом уже, подобно тому, как она рассчитывает на сто ходов вперед ничейный ладейный эндшпиль, вычертить в своих транзисторных мозгах будущее этой икринки. И ради чего? Чтобы выложить на доске дурацкую рыбку с королем вместо глаза!

— Послушай, тетка! А если бы я купил бутерброд с ветчиной?

— Вотще уязвить нас...

— Любовь моя, где ты таких слов нахваталась?

— Зело любезно мне... — пролепетала Березань. — По велику науку книжную постигая...

Но Лев Борисович уже не слушал. Тихим-тихим зтиудным ходом он начал многоходовую комбинацию с исходом неотвратимым, как солнечное затмение, пересыпанную парадоксальными жертвами и убаюкивающими отступлениями; комбинацию, которой было суждено войти в солидные шахматные монографии, учебники для программистов и настенные календари; ту самую комбинацию, которую по сей день зовут «крючком Левицкого».

39. ♔4!!

МАРК АЗОВ

ГАЛАКТИКА В БРИКЕТАХ

У меня был дядя. В юности он предавался мечтам, но к старости дядя, как теперь говорят, не состоялся... Он призвал меня к своему ложу и прошептал:

— Племянник! Я обязан посвятить тебя в нашу семейную тайну. У меня был дядя. В юности он предавался мечтам, но к старости дядя, как теперь говорят, не состоялся. Он призвал меня к своему ложу и прошептал: «Племянник! Я обязан посвятить тебя в нашу семейную тайну. У меня был дядя...» И тут дядя достал из-под матраца заветную тайну...

Наша семейная тайна с виду ничем не отличалась от бульонного кубика. Но на ее обертке из старинной свинцовой бумаги были вытиснены загадочные письмена:

«Галактика концентрированная.

Один брикет содержит одну средней величины галактику или туманность (см. также звездное скопление) в количестве от... и до... триллионов шт. звезд и планетных систем, подвергнутых специальной обработке под высоким давлением.

Для получения натуральной галактики из брикета необходимо осторожно развернуть обертку, быстро всыпать содержимое брикета в свободное от звезд пространство, равное примерно Млечному пути, и, медленно помешивая ложечкой, распускать галак-

тику по всему пространству, придавая ей спиральную, кольцевую и пр. форму, по вкусу».

Поначалу мне это все показалось несколько, я бы сказал, фантастичным. В наш век науки уже почти всем известно, что звезды находятся в небе, а не в бульонных кубиках. И я стал отдирать обивку дивана, чтобы между пружинами схоронить галактику от насмешек приятелей, как вдруг...

За этим занятием меня застал Костя.

Костя работал киномехаником в кино «Космос», с астрономией был на ты, но смеяться не стал. Напротив, вдохновился, сказал, что галактика — это очень даже современно, и ознакомил меня со свежайшей теорией бесконечно расширяющейся Вселенной.

Оказывается, когда-то наша огромная Вселенная была таким же, как у меня, крохотным брикетиком и висела неподвижно в самом центре безнадежнейшей пустоты. Но потом Вселенная ожила и стала распускаться, как павлиний хвост, да и сейчас еще распускается буквально на наших глазах.

— Ты можешь подарить человечеству целую новую Вселенную, — уговаривал меня Костя, — если не будешь жмотом, как твои дяди, которые прятали галактику за подкладками старомодных сюртуков!..

Мне стало стыдно, и я помчался в соответствующее учреждение.

Начал я с самого верхнего этажа.

— Галактика в брикете? Сомнительно, чтобы у вас была такая галактика... Возьмите простой расчет: сколько могут весить триллионы звезд?.. Да еще в условиях земного притяжения! Вряд ли вы способны таскать все это в кармане...

Но я таскал. С этажа на этаж. Правда, не вверх, а вниз (что делать: триллионы звезд и земное притяжение!)..

Наконец, в полуподвальном этаже человек в высоком белом колпаке заинтересовался моим брикетом.

— Будущее принадлежит концентратам, — сказал он. — Но не надо спешить: сперва мы доверим тебе простейшее первое на земле блюдо — гороховый суп... А там пойдет и пойдет: освоишь вторые блюда, даже, чем черт не шутит, со сложным гарниром.

Я не подвел своего учителя. Через десять лет он благодарно прижал меня к животу, пышному, как взбитые сливки.

А годы шли, и у меня как-то само собой все получалось: первое на земле блюдо превратилось в гороховый концентрат. Потом пошло и пошло: уже не я сам, а возглавляемая мною лаборатория сбрикетировала первый сложный гарнир: синтез картофеля с бобово-соевыми. Со временем магазины ломились от моих кубиков

и кирпичиков в изящной упаковке. Ко мне приклеился неофициальный титул Великого Концентратора, и на всех юбилеях это, само собой, подавалось в виде брикета: «многообещающ... подающ... выдающ...» И все это давалось мне почти без труда, если не считать, что каждый день я тащил в кармане к себе в лабораторию щепотку волшебного неиссякаемого брикета, а каждая крупница брикета равнялась концентрированному быку с горошком и грузинским соусом ткемали.

Но время шло, мне стукнуло сорок, потом пятьдесят, потом... Потом мне стало невыносимо тяжело таскать брикетное сырье в кабинет на самом верхнем этаже возглавляемого мной учреждения. Галактика начинала меня тяготить. Пока она мирно дремала в специальном сейфе с холодильной установкой, я был спокоен: триллионы звезд на месте, я могу по первому требованию развернуть обертку и...

Но стоило взять ее в руки, как я начинал чувствовать себя ничемнейшим существом, которое неспособно приступить, наконец, к тому, ради чего я много лет жил: «высыпать содержимое брикета в свободное от звезд пространство, равное примерно Млечному пути...»

Согласитесь, поднять разом триллионы звезд, когда тебе уж стукнуло... Вдруг галактика в брикете окажется неподъемной? Что скажут мои друзья, выдающиеся ученые, действительные члены и академики, когда вечером, как обычно, соберутся ко мне в гости?

Но, с другой стороны, меня посещают академики, я в апогее, одно мое имя может собрать огромную аудиторию...

И я решился...

Мое имя действительно привлекло множество ученых.

— У меня был дядя, — сообщил я и после этого лаконичного вступления начал считать с галактического ярлычка: «Галактика концентрированная. Один брикет содержит одну галактику в количестве от... и до... триллионов штук звезд...» и т. д., вплоть до призыва помешивать ложечкой.

Зал окунулся в академическую тишину. Аудитория переварила мою галактику. Это было посильнее аплодисментов — полный триумф. Я начал спускаться по ковровой дорожке, но, вспомнив о некоторых формальностях, небрежно бросил:

— Вопросы будут?

Одинокая тонкая ручка взметнулась в задних рядах. Милая девушка, кажется, из моих поклонниц, розовая от обожания, задала робкий вопрос:

— Вот вы, как специалист... Как вы относитесь к щавелевой

проблеме? Говорят, он содержит канцерогенные вещества... Некоторые даже варят весенний борщ из лебеды... Так вот, вы как специалист ответьте, пожалуйста...

Я беззвучно зашевелил губами, заполняя паузу. Аудитория зашумела, все оживленно обсуждали щавелевую проблему...

— Вернемся к брикетам! — вмешался один мой близкий друг, академик, такой авторитетный ученый, что все разом замолчали. — Подумайте, коллега, и о мясных концентратах в таком аспекте: свинины моя жена не признает, а говядина, даже в брикете, должна сохранять...

Я хотел поднять над головой свою галактику в брикете, чтобы эти люди, наконец, поняли, о чем идет речь, но я не смог уже этого сделать. Все-таки возраст!

А ведь я ее таскал... Сперва пока был молод не замечал тяжести, потом по частям, по крохам... Теперь я с трудом передвигал ноги. С помощью такси я доставил свою свинцовую галактику домой и рухнул, одетый, на диван. Галактика навалилась мне на грудь и чуть не вдавила в землю. Так в чем же все-таки дело? Может быть, вместе с брикетом я унаследовал от дяди какой-то талантливый ген: делать из великого малое? Может быть, я концентрирую быка в божью коровку, потому что мой предок — харликовый Ньютон или микроскопический Эйнштейн? Ген! Наследственность...

И тут я вспомнил: у меня тоже есть племянники!

Я призвал его к своему одру и прошептал:

— Племянник! Я обязан посвятить тебя в нашу семейную тайну. У меня был дядя...

ГРАНИ ФИЗИКИ

ВЛАДИМИР МИХАНОВСКИЙ

ЦЕЛЬ И СРЕДСТВА

ПОВЕСТЬ

ПРОЛОГ

ПОХИЩЕНИЕ

Афиши извещали о приезде в город знаменитого акробата Лиго Ставена. Не то чтобы это была такая уж знаменитость. Лиго был еще слишком зелен, и слава его едва ли перешагнула границы штата. Но знатоки предрекали Ставену большую будущность. Правда и то, что заштатный городишко Тристаун не был избалован гастрольями столичных знаменитостей.

Из четырех запланированных выступлений Лиго успел уже дать одно, и некоторые цирковые завсегдатаи узнавали его в лицо. Они раскланивались с ним на улице, церемонно снимая старомодные шляпы.

Лиго вышел из отеля и в раздумье остановился. Ветер гнал вдоль улицы пыль и сухие листья. Малоэтажные дома выглядели уныло. «У нас в городе три достопримечательности, — сказал ему вчера портье, вручая огромный позеленевший ключ. — Банк, ратуша и тюрьма.»

Улица шла под гору, и Лиго догадался, что она спускается к речке. Постояв немного, он медленно побрел вниз, стараясь поплот-

нее запахнуть в плащ. У Лиго успело войти в привычку перед выступлением прогуливаться, и он предпочитал прогуливаться в одиночестве. Он бродил по улицам незнакомого города, с едким наслаждением предвкушая неземные минуты выступления под куполом, когда тело кажется абсолютно невесомым, а сердце переполняет радость, каждый раз по-новому острая.

Он знал, разумеется, что и сегодня будет работать без сетки: тристаунский зритель в этом смысле ничем не отличался от зрителей других городов. Но Лиго и сам не стал бы работать со страховкой — он был уверен в себе.

Трудно сказать, откуда бралась эта уверенность. Тонкости ремесла Лиго постиг самоучкой, причем в такой короткий срок, что поверг в смятение профессиональных циркачей, привыкших ничему не удивляться.

Худощавый юнец сразу понял: акробатика — его призвание. И именно так называемая космическая акробатика — под самым куполом цирка.

Лиго никогда не задумывался, чем он рискует, совершая головокружительные курбеты под куполом. В эти минуты он ощущал власть над каждой клеточкой своего тела, и власть эта казалась безграничной...

Потом, спустившись с небес на землю, он мыслями возвращался туда, к трапециям и кольцам, продолжая испытывать ни с чем не сравнимое ощущение свободного полета.

Лиго чувствовал, что мастерства ему еще не хватает. Он твердо решил после этого турне, которое должно принести немного денег, отложить на время выступления и всерьез заняться тренировками. «Звездный акrobat», как окрестил его какой-то репортер, твердо решил достичь в своей области совершенства. Ну, а упорства Лиго Ставену было не занимать.

Еще три выступления. Три дня — и он покинет этот бесцветный городишко, чтобы вплотную заняться тем, что считал теперь главным в своей жизни.

Если б не гонорар, Лиго ни за что не согласился бы на такое длительное турне. Он понимал, что путь к совершенству, которое настойчиво грезилось ему, труден, и время поэтому нужно беречь.

Но эта поездка имела и положительные стороны. Где бы, например, мог он увидеть такой забавный городок, как Тристаун? До этого он считал, что такие городки сохранились разве что в очень старых фильмах.

Дыхание нового времени не коснулось этих старых стен: будто человечество не вступило несколько лет назад в XXI век.

Лиго Ставен шел наугад, любопытствующим взглядом скользя по вывескам.

Улица сделала неожиданный поворот, и перед Лиго открылся чудесный вид. Дома сгрудились на круче. Толпясь, они боязливо заглядывали вниз, где струилась извилистая, по-осеннему темная река, которая стремилась — он знал это — к океану.

Лиго подошел к каменному парапету, который когда-то был выкрашен в белый цвет. Внизу, вдоль берега, тянулся городской парк, старательно повторяя все изгибы реки.

Почему бы не спуститься?

Фуникулер, видимо, и сам давным-давно позабыл те времена своей юности, когда он трудился, перевозя горожан вверх и вниз. Некогда зеленые вагончики были обшарпаны до невозможности, а между шпал успела вырасти дружная стайка акаций. Из выломанных дверей вагонов доносились крики играющих мальчишек.

Полюбовавшись бледным закатом, Лиго двинулся вниз по лестнице. Он старался не спешить: нужно было экономить силы для вечернего выступления.

В парке людей почти не было — погода не располагала к гулянию. Лиго прошелся вдоль берега. Опавшие листья шуршали под ногами. Дорогу преградила садовая скамейка. Очевидно, скамейку перенесли сюда парочка, коротавшая на ней летние вечера. Местечко и впрямь было, наверно, укромным до того, как осень сдула листья с ветвей.

Лиго смахнул кленовый лист — чистое золото — и сел с краю. Посмотрел на часы: можно не торопиться.

Из-за поворота аллеи показались двое. Они шли не спеша, и оба пристально глядели на него. Лиго охватило тревожное чувство, что он уже видел где-то этих людей.

И его почти не удивило, когда они сошли с аллеи и подошли к скамейке, на которой он сидел.

Один вежливо приподнял шляпу:

— Разрешите?

— Неплохое место для прогулок, не правда ли? — улыбнулся второй, вытягивая из кармана гляцевую пачку с сигаретами.

— Вы ведь Лиго Ставен, акробат? — снова обратился к нему первый.

Дальнейшее молчание становилось неприличным.

Лиго разжал губы:

— Да, я Лиго Ставен.

— Очень приятно, — хором пропели незнакомцы.

— У меня сегодня выступление, — сказал Лиго, — и я хотел бы побыть в одиночестве.

— Мы не задержим вас, — произнес второй, широкоплечий крепыш. — Просто мы с приятелем решили выяснить, как выглядит восходящая звезда на расстоянии, так сказать, вытянутой руки.

Они сели на скамейку, и крепыш закурил. Струйку голубоватого дыма он деликатно разогнал рукой.

Лиго терпеть не мог курильщиков. Он сделал движение, собираясь встать.

— Ну! — грозно сверкнул глазами на своего приятеля первый, который сел рядом с Лиго. — Ради бога, простите его, — сказал он, положив Лиго руку на плечо. — Мы проделали огромный путь, специально для того, чтобы увидеть вас.

— Увидеть меня нетрудно. Сегодня в восемь вечера у меня выступление в цирке, — холодно сказал Лиго, снова делая попытку подняться.

— Погодите, прошу вас, — остановил его незнакомец. — Посмотреть ваше выступление — идея, конечно, заманчивая, но нас интересует другое.

— Другое? — машинально переспросил Лиго.

— Разрешите сразу перейти к делу, чтобы не задерживать вас? — предложил незнакомец и, не дожидаясь ответа, произнес: видите ли, мы хотим побеседовать с вами по очень важному вопросу.

Лиго пожал плечами.

— Что вы думаете о природе гравитонов? — быстро спросил тот, что сел рядом с ним.

— Грави... чего?

Неизвестные переглянулись.

— Простите, — сказал задавший вопрос. — Мы незнакомы, и вы вправе относиться к нам с подозрением. Разрешите представиться. Я — Жильцони, Альвар Жильцони. Слышали, неверно?

Лиго покачал головой и покосился в сторону второго. Тот сидел, откинувшись на спинку скамьи, отбросив далеко в сторону руку с дымящейся сигаретой. На лице его застыло отрешенное выражение. Можно было подумать, что перед глазами крепыша не унылый осенний пейзаж, а райские кущи — столько мечтательности выражали его глаза.

— Очнись! — Альвар Жильцони тряхнул приятеля, затем вырвал у него сигарету и растоптал ее.

— Мм... я готов к действию.

— Опять фильтр сорвал?

Крепыш что-то пробормотал извиняющимся тоном.

— Мой ассистент Абор Исав, — представил его Жильцони. — Физики говорят, что абсолютный нуль недостижим, не так ли?

— Да, я слышал, — согласился Лиго.

— Хм, слышал... Так вот, представьте себе, дорогой Лиго. Это-
му самому силачу с библейским именем удалось опровергнуть эту
догму физики. Что вы на это скажете?

— Невероятно, — вежливо удивился Лиго Ставен.

— Вы спросите, наверно, как он достиг этого?

— Как?

— Абор доказал достижимость абсолютного нуля собственным
существованием, — произнес торжественно Жильцони и, прочтя
недоумение в широко раскрытых глазах собеседника, счел нужным
пояснить: — Абор Исав — в физике абсолютный ноль. Абсолют-
ный! — и захохотал, довольный собственным остроумием.

Абор Исав сидел со скучающим видом, будто речь шла не о
нем.

— Вы спросите, зачем тогда я, физик, держу его? Законный
вопрос. Видите ли, — словоохотливо пояснил Жильцони — Исав, не
разбираясь в физике, обладает рядом других достоинств. Напри-
мер, он слушается меня. Когда надо, нем как могила. Что же ка-
сается физической силы... Ну-ка!

Исав все с тем же скучающим выражением полез в карман,
вытащил монетку и небрежно согнул ее между пальцев. Затем
протянул сложенную вдвое монетку Ставену.

— Здорово, — протянул Ставен, безуспешно пытаясь разогнуть
никелевый пятицентовик. В своей работе акробата он привык стал-
киваться с разными проявлениями силы и ловкости и уважал их,
цена едва ли не выше прочих человеческих достоинств.

— Каково? — спросил Жильцони.

— Неплохой аттракцион, — сказал Ставен. — Кажется, я вас по-
нял, наконец. Работу ищете? Ладно, приходите к началу представле-
ния. Попробую поговорить с директором цирка, хотя я с ним
мало знаком. По-моему, он как раз собирается осчастливить Три-
стаун новым номером.

— Слышишь, Абор? — Жильцони толкнул своего помощника в
бок. — На черный день ты уже обеспечен куском хлеба!

— А вы? — спросил Лиго.

— Что я? — не понял Жильцони.

— Вы что можете показать? Перекладина, пирамида, кольца?
А может быть, космическая акробатика?

Жильцони нахмурился.

— Пошутили — и баста, — мрачно сказал он. — Ты и впрямь,
малыш, не слышал об Альваре Жильцони?

Лиго виновато улыбнулся:

— Откровенно говоря — нет.

— Так, так, — Жильцони побарабанил пальцами по спинке скамьи и с желчной иронией добавил: — Выходит, ты не читал моих статей?..

— Статьи о цирке?

— Четыре статьи, посвященные единой теории поля, — медленно, со значением произнес Жильцони — Ну-ка, вспомни хорошенько, это важно.

Лиго покачал головой:

— Не читал такого.

— Может, ты вообще не читаешь «Физический журнал», а? — Жильцони осклабился, будто сказал нечто ужасно смешное.

— В глаза его не видел... — Лиго залпнул.

— Ладно, — хлопнул его Жильцони по колену. — Не доверяешь — бог с тобой. В конце концов ты прав по-своему. Давай поговорим по-душам...

Лиго решительно привстал:

— Извините, мне пора.

— До выступления еще час, — напомнил Жильцони.

— Надо трапецию проверить...

— Сиди, малыш, — сказал Жильцони и тяжело придавил плечо акробата.

— Что вам нужно?

— Разговор не окончен.

Лиго глянул на жилистые крупные руки Исава, — тот словно нехотя пошевелился, — обвел взглядом пустынную аллею... и остался.

Нет, это не пьяные, хотя Исав и напоминает наркомана.

— Время, действительно, еще есть... Я к вашим услугам, — произнес Лиго.

— Так-то лучше, малыш, — кивнул Жильцони. — Нам ведь известно о тебе все. Даже то, чего ты сам еще не... В общем, не в этом дело.

Лиго посмотрел на часы.

— Начнем с главного, — сказал Жильцони. — Что ты думал о единой теории поля?

— Поля?..

— Да, черт возьми, поля, — подтвердил Жильцони и резким жестом поправил шляпу. — Ты никогда не задумывался о том, что единая теория поля зашла в тупик?

— Не задумывался...

— А что ты скажешь о дискретности электромагнитных полей? — продолжал Жильцони, все больше распаляясь.

Лиго потер лоб:

— Дискретности?... К сожалению, тут я ничем вам помочь не смогу.

— Может, он уже запродавал идею? — подал голос Исав.

— В таком случае он давно бросил бы свою дурацкую акробатику, — сплюнул Жильцони.

Лиго внутренне подобрался, выбирая момент, когда можно будет вскочить и побежать.

— Может, акробатика — это камуфляж? Или, еще проще — хобби? — предположил широкоплечий Исав.

Жильцони испытующе посмотрел на Ставена.

— Я вижу, вы люди порядочные... — начал Лиго.

— Меня с толку не собьешь, — оборвал его Жильцони. — Не хорошо скрывать открытия — это тормозит развитие науки. Мы, физики, — единая семья. Разве не так?

— Но я же не физик, — вырвалось у Лиго.

— Не физик — так не физик, — согласился Жильцони. — Стоит ли волноваться по пустякам? — Он сделал Исаву какой-то жест, тот вытащил из пачки сигарету и протянул ее Лиго:

— Угощайся.

Лиго покачал головой:

— Не курю.

— Ну да, спортсмену вредно, — сказал Жильцони.

Исав закурил сам, глубоко затянувшись. Когда он прятал пачку в карман, Лиго рванулся с места. Но Исав опередил его на какой-то миг. Хищно перегнувшись, он пустил струю дыма прямо в лицо Ставену.

Акробат обмяк и безвольно опустился на скамью. Руки его упали вдоль туловища, голова свесилась набок.

— Дело в шляпе, — сказал Жильцони. Он придал Ставену, который уснул, более естественную позу — на случай, если появится какой-нибудь прохожий — затем снял свою шляпу и водрузил ее на лицо жертвы.

Теперь всех троих можно было принять издали за компанию гуляк, из которых один подвыпил больше остальных и мирно уснул.

Жильцони огляделся. Парк по-прежнему был безлюден.

— Лучшего места для прогулки невозможно выбрать, — заметил он. — Теперь остается главный вопрос: тот ли это человек, который нам необходим?

Исав сделал жест, означающий, что никаких сомнений быть не может. Но это, по-видимому, не вполне убедило Жильцони.

— Ты уверен, что Биг не ошибся?.. — спросил он, глядя на тонкую юношескую фигуру акробата, которая угадывалась под плащом. — Это наш последний шанс.

— Спрашивая Бига, я целиком основывался на твоей инструкции, хозяин, — ответил Исав флегматично.

— Остается надеяться, что это так... Ну, ладно, двинулись!

Исав сильным рывком поднял Лиго Ставена. Сонное лицо акробата казалось совсем детским. Исав похлопал его по щекам, и тот открыл глаза, бессмысленно глядя прямо перед собой.

— Доброе утро, — сказал Исав. — Топай, теленочек!

Жильцони нетерпеливо подтолкнул Ставена. Тот сделал шаг вперед, все с тем же отсутствующим выражением. Сознание его дремало, пораженное сильнодействующим наркотиком.

Исав и Жильцони подхватили Лиго под руки — сам он идти не мог — и медленно двинулись к выходу из парка. Ноги Ставена были как ватные и все время подгибались. Он шел словно автомат, но автомат испорченный: останавливался через каждые два-три шага.

Жильцони озабоченно оглядывался. Операция, которая поначалу шла так гладко, могла теперь сорваться из-за какой-нибудь случайной встречи. Что ни говори, похитить человека в наш цивилизованный век не так-то просто!

В довершение всего и Исав вдруг начал подозрительно поглядывать.

— Признавайся, негодяй: опять с фильтром мудрил? — спросил у него Жильцони.

— Честное слово, хозяин... Одна только затяжка... — виновато пробормотал Исав.

— Ладно, с тобой разговор впереди, — оборвал Жильцони.

Они миновали голую террасу летнего кафе, засыпанную листьями, и вышли на главную аллею, круто загибающуюся вверх. Темнело, и упругий пластик аллеи начинал светиться. Обнаженные сучья деревьев казались вырезанными на фоне темно-серого неба.

— Ишь, додумались, — сказал Исав, топнув по пластику, который все больше наливался светом.

— За пятнадцать лет и не такое придумаешь, — буркнул в ответ Жильцони.

Исав промолчал.

Мальчишки, игравшие в заброшенных вагончиках фуникулера, не обратили на них никакого внимания.

Крутая лестница с сильно выщербленными каменными ступенями замедлила движение троицы.

— Живей, живей, — торопил Жильцони. — Он вдохнул немного, скоро придет в себя.

На опушке, где они оставили свой орнитоптер, никого не было. У кого могли найтись тут дела — на пустыре, заросшем подозрительным кустарником, да еще под вечер?..

Накрылья машины раскачивались и жалобно поскрипывали под порывами ветра. Жильцони хлопнул по тонкому стрекозьему туловищу аппарата.

— Вот кто нас еще из подвел, — сказал он. — Не то, что твои избранники.

Исав поправил:

— Не мои, а Бига.

Вдвоем они не без труда втолкнули Лиго в открытый люк орнитоптера, для чего пришлось преодолеть короткий — в три ступеньки — трап.

— Остается выколотить из этого липового акробата уравнение мира, — сказал Жильцони и откинулся на спинку пилотского кресла.

Машина устремилась в темное небо, и сила инерции вдавила их в сиденья. Ставен откатился в дальний угол тесной кабины и там застыл в нелепой позе, разбросав руки.

— Как с креста снятый, — кивнул Исав в сторону неподвижного акробата.

Автопилот вел машину к Скалистым горам, по заданному курсу.

Глава первая

НЕОБХОДИМ ФОНТАН ИДЕЙ

Отблески факелов на воде казались маслянистыми. Ветра почти не было, и высокие языки пламени едва колыхались. Один факел, установленный у края плота, сшибла танцующая пара, и он с шипением упал в воду, оставив белесое облачко пара.

Сейчас уже, пожалуй, никто не помнил, кому первому пришла в голову идея — устраивать выпускной банкет при факелах, на специально сооруженных для этой цели плотах. Ровные — одно к одному — бревна были обшиты поверху пластикатовым листом, чтобы удобно было танцевать.

Оркестр — семеро энтузиастов из числа выпускников физического факультета — помещался чуть поодаль, в сторонке, поближе к темной громаде бездействующего маяка, на небольшом плоту. Связь с музыкальным плотом осуществлялась с помощью акустических волн, а говоря проще — веселых криков, без устали будоражащих залив Дохлого кита.

— Эй! Сыграйте «Возвращение»!

— Ради бога, «Отца Кнастера».

— «Полутный вете-е-ер»!..

Пары на большом плоту, причудливо подсвеченные настоящими смоляными факелами, казались диковинными четырехногими существами — выходцами из иных миров.

Длинный стол установили на самом краю плота, чтобы не мешать танцующим.

Когда все сгрудились вокруг закусок, плот угрожающе накренился, что вызвало новый взрыв веселья.

— Все на дно!

— Покормим рыб!

— Привет от Дохлого кита!

— Правда, красиво? — шепнула Шелла своему спутнику.

— Что именно? — поинтересовался тот, отпамывая мясистую клешню краба.

— Ну, все это...— Шелла сделала неопределенный жест.— Ночь с дымными факелами, танцы на плоту...

Ее партнер пожал плечами:

— Что ж тут красивого? Искусственное разжигание эйфории посредством повторяемых телодвижений, а также с помощью горячительных напитков.

— Альви, прекрати,— сказала Шелла. В голосе ее дрожали слезы.

— Ладно, я пошутил,— пробурчал Альвар примирительно.

— От твоих шуток не становится веселее.

— ...Наша семья последний день сегодня вместе,— надрывался кто-то в конце стола.

— Не день, а ночь,— поправили его.

— Тем более! — парировал оратор.— И наш плот, друзья,— это не плот... Это корабль, на котором мы, вооруженные знаниями, вливаем в будущее.

— Гип-гип!

— Выпьем за университет.

— Альма матер!

— Лучший из лучших!

— Чтоб он провалился,— явственно прорезался голос с другого конца стола.

— Минутку,— взывал оратор, тщетно стуча вилкой о фужер.— Я еще не кончил!

Кто-то хлопнул шампанским, и пробка, описав высокую дугу, шлепнулась в воду.

— Итак, наш корабль входит в будущее! Гром пушек заме-

няют ему выстрелы шампанского. Так пусть никогда и никто из нас не учизится до того, чтобы служить пушкам...

Конец тирады потонул в настройных выкриках.

— Отставить пропаганду!

— Кто тебе платит?

— Интеллигент паршивый! («Интеллигент» на курсе было кодовым ругательством).

Шелла вздохнула:

— Неужели хотя бы сегодня нельзя без политики?

— Политика — удел бездарностей, — ответил Альвар. Он сощурился и добавил: — Ею занимается из физиков только тот, кто в науке составляет абсолютный нуль.

— Или тот, кто состоит на жалованье в Управлении охраны социального порядка, — меланхолично добавил сосед.

— Мы, люди конца восьмидесятых годов XX века... — бубнил чей-то пьяный голос.

Кто-то предложил:

— Тост — за Марка Нуша.

— Нуш отошел от науки, — перебили его.

— Ну, тогда выпьем за Альвара Жильцони! Уж он-то от науки пока не отошел.

Несколько голосов подхватило тост:

— За курсового гения!

— За дикаря!

— И за его уравнение мира...

— Которое он непременно откроет, — закончил неугомонный тенорок.

Растолкав подавыпивших однокашников, Альвар протиснулся к председательскому месту. Шум на плоту утих. Чудаковатый Жильцони был из тех, от кого в любую минуту можно было ожидать чего угодно.

— Я принимаю ваш тост, — звонко произнес Альвар и тряхнул гривой волос. — Уравнение мира — это то, чему стоит посвятить всю жизнь. И будь у меня десять жизней — я их все, не задумываясь, сжег бы, чтобы завершить дело, начатое Альбертом Эйнштейном.

В словах Альвара Жильцони дышала такая сила убежденности и страсти, что лица молодых физиков посерьезнели.

Раскрасневшийся Альвар подошел к Шелле.

Девушка недоумевала. Обычно Альвар — а они были знакомы уже четыре года — не отличался разговорчивостью. Вечно замкнутый, ушедший в себя. Слова лишнего из него не вытянешь.

Шелла взяла Альвара под руку, и они отошли от стола.

Музыканты грянули что-то бравурное.

— Почему оркестр на отдельном плоту? — спросила Шелла. — Разве нельзя было разместить их здесь?

— Здесь качка мешает музыкантам, — пояснил Альвар. Короткая вспышка прошла, и он снова погрузился в себя.

Из-за синхронно движущихся пар огромный плот чемниго раскачивался, и пламя факелов дрожало. Звезды в высоком небе гасли одна за другой: намечался рассвет.

Кружась в танце, Шелла прильнула к Альвару и прикрыла глаза. Сегодня, наконец, он должен сказать слова, после которых они никогда не расстанутся. Слова, которых она ждала давно.

Альвар внезапно остановился.

— Что с тобой? — встревожилась Шелла.

— Устал.

— Давай присядем, — предложила Шелла. Они выбрались из толпы танцующих и сели на обрубок бревна, оставшийся после скоростного сооружения плота для банкета.

— На таких плотах древние полинезийцы пересекали океан, — сказал Альвар.

— Их время прошло, — задумчиво произнесла Шелла, глядя на жадный язык факела. — К чему плоты, если есть корабли с атомным сердцем?

— Нет, время подвигов не прошло... Не прошло. — Глубоко посаженные глаза Альвара казались темными вмятинами на лице. — Но видишь ли... В жизни могут быть цели великие и цели низменные. О вторых говорить не приходится. Но что касается великой цели... Для ее достижения все средства хороши.

— А если средства низменны?

— Цель оправдывает средства.

— Что-то мудрено для меня... — тихонько произнесла Шелла. Альвар еле расслышал ее голос сквозь волны музыки и шум веселящихся выпускников.

Они помолчали.

— Скажи, Альвар, — начала Шелла, разглядывая танцующих, — такая цель может быть у каждого?

— Нет, — усмехнулся Жильцони, — великая цель даруется только избранным.

— А как же быть остальным? Жить бесцельно? — попробовала пошутить Шелла. Альвар редко удостаивал ее серьезного разговора, отделяясь больше шуточками.

— Остальные образуют среду.

— Среду?

— Птица не может летать в безвоздушном пространстве. Ей нужна среда, воздух. Точно так же середняки, серая масса, большинство человечества. Они образуют тот пьедестал, взойдя на который, гений достигает сияющих вершин абсолютного знания.

— Значит, цель большинства, по-твоему,— быть пьедесталом для гениев?

— Вот именно.

— Старая песня,— заметила Шелла и украдкой бросила взгляд: не разыгрывает ли он ее?

Лицо Жильцони было серьезным.

— Что делать? Так устроен мир.

— Но как может знать человек, какая у него цель в жизни? Голос свыше, что ли?

Альвар повернул к ней лицо:

— Голос свыше, конечно, чулуха. Человек сам определяет цель в жизни.

Одни лодки причаливали к борту, другие отчаливали — связь с берегом осуществлялась непрерывно.

Альвар посмотрел на часы и нахмурился:

— Странно.

— Ты торопишься куда-то?

— Не то. Ко мне должен прибыть сюда один человек, а его нет...

— Он опаздывает?

— Да, и это плохо. Надеюсь все же, что он прибудет.

— Кто такой?

Альвар махнул рукой:

— Один мой приятель.

— Я всех твоих приятелей знаю наперечет,— сказала Шелла.— Их не так много.

— Этого ты не знаешь. Между прочим, тебе будет интересно с ним познакомиться.

Шелла оживилась.

— Ты с ним договорился о встрече?

— В известном смысле договорился.— Альвар усмехнулся и зачем-то похлопал себя по карману.

Шелла недоуменно посмотрела на него, но переспрашивать не стала: в последнее время Альвар стал чрезмерно раздражительным, мог взорваться из-за пустяка, и она боялась его вспышек.

— Наконец-то! — воскликнул Альвар, глядя на причалившую к плоту лодку.

Из лодки поднялся человек. Он оглядел плот, заметил Альвара и двинулся к нему, не обращая внимания на танцующие пары.

Был он неправдоподобно широк в плечах, а ноги ставил как-то слишком твердо.

— Здравствуй, хозяин,— сказал он Альвару и тут же перевел на Шеллу тяжелый немигающий взгляд, смутивший ее.

Альвар кивнул.

— Мне почему-то пришла в голову мысль, что ты хочешь меня видеть, и именно сейчас,— продолжал широкоплечий.

— Все верно, дружище. Ты спал?

— Какое там спал! — махнул рукой приятель Альвара. — С вечера в голову лезла всякая ерунда, тут уж не до сна. Не знаю с чего, но я решил, что нужно готовить орник для дальнего перелета. Вот и возился с ним в ангаре до рассвета. А потом сорвался, как оглашенный, и к тебе, на плот.

— Все верно, дружище,— повторил Альвар, его голосе Шелла уловила удовлетворение.

Крепыш переступил с ноги на ногу, отчего плот покачился. «Можно подумать, что он весит полтонны», — подумала Шелла.

— Познакомьтесь,— сказал Альвар.

— Абор Исав,— улыбнулся незнакомец, протягивая Шелле руку.

— Абор Исав? — переспросила Шелла. — Я где-то слышала ваше имя.

— Не мудрено,— вмешался Альвар. — Годы два назад газеты во всю трубили об этом симпатичном парне.

Шелла наморщила лоб.

— Я вам напомню,— улыбнулся Абор,— мою историю. — Два года назад я работал лаборантом у Марка Нуша. Это видный университетский физик, слышали о нем?

— Мне о Нуше Альвар все уши прожужжал.

— Ну, вот,— продолжал Абор. — Установка взорвалась, и я получил такую дозу облучения, что был верным кандидатом на тот свет. Меня, правда, успели свезти в клинику... — Абор посмотрел на Альвара и умолк.

— Что же было дальше? — спросила Шелла.

— В клинике я лежал целую вечность. Посчастливилось — я попал к самому Мензи. Мне заменили сердце, печень. Долго возились с головой, зато мозг мне поставили самый лучший, позитронный, новейшей марки. Что вы так смотрите на меня?.. Да, я самый нестоящий полуробот,— произнес Исав не без горечи. — Настоящих-то роботов еще не научились производить...

— Простите,— пробормотала Шелла. Она подумала об удивительном прогрессе медицины, который свершался на глазах. У всех еще были живы в памяти опыты конца шестидесятых. —

начала семидесятых годов по пересадке сердца. Опыты мучительные, один за другим кончавшиеся плачевно: хирургам не удавалось преодолеть несовместимость тканей, организм рано или поздно отторгал чужую ткань, и человек умирал. А теперь пересадка сердца — обычное, хотя и весьма дорогостоящее дело.

Правда, одновременная пересадка человеку и сердца, и печени, и искусственного мозга — это, пожалуй, многовато. Недаром Мензи называют величайшим медицинским светилом Солнечной системы.

— Пустое, я не обидчив, — сказал Исав. — Вживили мне все это хозяйство, а дальше началось то, чего хирурги и биофизики предвидеть не могли.

— Сердце? — спросила Шелла.

Исав покачал головой.

— Сердце работало как надо, — сказал он. — И печень то же самое, и мозг. Но вся штука в том, что трудились они несогласованно, каждый орган — если можно так выразиться, сам по себе: сердце не слушалось указаний мозга, мозг не очень считался с импульсами, которые идут от нервных клеток, и так далее.

— Как же так? — произнесла Шелла.

— Дело в том, что одному человеку еще не приходилось пересаживать так много добра, — пояснил Исав. — Я был первым. Чего-то медики, видно, недоучли.

— Но теперь все в порядке?

Исав улыбнулся:

— Как видите.

— Мензи вас воскресил?

— Нет, Мензи спасовал, — покачал головой Исав. — Жизнью я обязан Жильцони.

— Полно тебе, Абор, — процедил Альвар и сшиб в воду факел, чадивший близ обрубка, на котором они втроем сидели.

— Хозяин отладил меня, как машину, — сказал Исав. — Несколько месяцев возился, ночей не спал.

— Опять хозяин? — резко повернулся к нему Жильцони.

— Извини, Альвар. Сам не знаю, откуда привязалось ко мне это словечко — хозяин, — виновато произнес Исав. — Знаете, у меня после клиники часто так бывает, — обратился он к Шелле, — будто кто шепчет в мозгу: сделай то, сделай это. Или какое-нибудь слово привяжется и сидит, как заноза.

— Но это же чудо, что вы остались живы! — восторженно воскликнула Шелла. — А ты более скрытный, чем я думала, — посмотрела она на Альвара. — Никогда ни словом мне не обмолвился, что спас жизнь человеку.

— Пустяки! — сказал Альвар. — Тоже мне, героический поступок. Напичкал я Исаа, раба божьего, разными реле, установил между ними радиоконтакт с обратной связью — и дело с концом.

— Вас ничто после пересадок не беспокоит? — спросила Шелла Исаа.

— Да как сказать... — неожиданно замялся крепыш. — Полного счастья, наверно, не бывает. Все бы ничего, только боли в затылке иногда мучают. Припечет — жизни не рад. Словно кто в мозжечок раскаленную иглу тычет. Вот и нынче — скватило, когда я надумал добираться сюда, к Альвару... А потом отпустило.

Шелла сочувственно вздохнула:

— Скажи, Альвар, неужели ничего нельзя сделать с этими болями? — спросила она.

— Я не хирург, а физик, — резко ответил Жильцони. Видно было, что разговор ему неприятен.

— Есть одно средство заглушить боль... — начал Исаа.

Жильцони погрозил ему пальцем, и тот умолк.

— Орник в порядке? — спросил он.

— Да.

— Ты загрузил его?

— Полностью. Меня вдруг осенило, что нужно взять с собой... — начал Исаа.

— И куда летим, тебя тоже осенило? — перебил Жильцони.

— В Скалистые горы.

— Верно.

— Вертится еще в голове название — «Воронье гнездо», а что за гнездо — хоть убей, не знаю, — пожаловался Исаа.

— Все в порядке, Абор, — успокоил его Жильцони. — Гнезда еще нет, мы сошьем его.

Исаа потер лоб.

— Зачем я прибыл сюда, на плот? — вробормотал он. — Не понимаю...

— Ты прибыл сюда для того, чтобы я перед вылетом убедился, что все в порядке.

— Не понимаю...

— Этого от тебя и не требуется, — усмехнулся Альвар. — Ступай к орнику и жди меня.

Исаа, неуклюже поклонившись Шелле, двинулся к лодке сквозь заметно поредевшие пары танцующих.

— Странный у тебя приятель, — сказала задумчиво девушка, глядя, как Исаа садится в лодку.

Альвар пожал плечами:

— Все люди странные.

— Почему он называет тебя хозяином? Юмор, что ли?

— Скорее, естественное чувство благодарности. Думаешь, это было легко — согласовать работу пересаженных органов? Я несколько месяцев ковырялся в радиосхеме, чуть не все деньги ухлопал...

— А чем это он боль заглушает? — продолжала расспрашивать Шелла.

— Наркотиками. Самыми сильными. Они действуют на него не так, как на других людей.

— Почему?

— Искусственные альвеолы в легких, — пояснил Жильцони.

— Ты обращаешься со своим приятелем так, будто и впрямь ты хозяин, а он раб.

— А что же ты думаешь, я возился с ним так, за здорово живешь?

— Не беишься, что раб взбунтуется? — спросила она. Жильцони усмехнулся.

— Пусть попробует.

— Он сильнее тебя в десять раз.

— Это не имеет значения. Потанцуем?

— Не хочется. Не нравится мне, как ты ведешь себя с Абором, — сказала Шелла.

— Уж не влюбилась ли ты в него, чего доброго?

— Хочешь меня обидеть? Напрасно. Я не собираюсь ссориться с тобой, — произнесла негромко Шелла.

Они помолчали.

— Послушай, разве ты улетаешь в Скалистые горы? — спросила тихо Шелла, воспользовавшись паузой в оркестре.

— Да.

— Зачем?

— Дело есть.

Альвар посмотрел на девушку и добавил:

— Дело, самое важное в моей жизни.

— И я об этом ничего не знала...

— Так получилось, Шелла. Не сердись, я все тебе объясню... Видишь ли, я должен сделать выбор: ты — или уравнение мира.

— Выбор? — поразилась Шелла. Ей показалось, что она ослышалась.

— Я имел вчера с Мензи обстоятельный разговор. Попросил его всесторонне исследовать меня.

— Ты себя плохо чувствуешь? — встревожилась Шелла. — Ты болен?

— Не то. Я решил определить потенциал своего головного

мозга. Так сказать, потолок моих возможностей. Мензи уделил мне много своего драгоценного времени.

— Что он делал?

— Снимал биотоки, чертил какие-то графики. Потом сказал: «У вас, молодой человек, несомненные признаки гениальности. Будет жаль, если они не получат разантия. А это легко может произойти». «Почему?» — спрашиваю я. «Видите ли, — отвечает Мензи, — у вас несчастная конституция. Такая конституция встречается крайне редко. Посмотрите на этот график», — и протягивает мне ленточку, которая только что выползла из дешифратора электронного диагноста. Затухающая кривая. График пересекается красной горизонтальной чертой.

«Красная линия — это средний мыслительный уровень человека, — поясняет Мензи. — Видите, как высоко отклоняются от него пики вашего графика?» — «Но кривая затухает», — говорю. — «Вот, вот, молодой человек, вы ухватили самую суть. Наибольшая амплитуда у кривой получилась, когда я включил этот аппарат и оставил вас одного, наедине со своими мыслями. Комната, обратите внимание, снабжена релейной защитой, что обеспечивает полную изоляцию. Но стоило мне зайти, и амплитуда — глядите! — растаяла, как кусок сахара в стакане горячего чая. Теперь вам, надеюсь, ясно, куда я клоню? Структура вашей нервной системы такова, что для полного выявления способностей вам необходимо абсолютное уединение. Я подчеркиваю — абсолютное. Пока будете общаться с кем бы то ни было, ничего, возвышающегося над средним уровнем, из ваших исканий не получится».

— И ты ему поверил?

— Во всяком случае, это мой единственный шанс, Шелла. Забраться, как говорится, в башню из слоновой кости. И жить там...

— Сколько?

— Год. Десять лет.

— Или всю жизнь?

— Может случиться, и так.

— Ты будешь там, в Скалистых горах, совсем оторван от людей... — сказала Шелла.

— Связь с внешним миром будет осуществлять Абор Исав. Теперь ты понимаешь, зачем он мне нужен?

— А как же условие Мензи?

— У Исава позитронный мозг, он не излучает альфа-ритмов, как обычный.

— Вижу, ты все продумал. Только обо мне забыл, — с горечью произнесла Шелла.

— Я вернусь к тебе, когда выведу уравнения,— сказал Альвар, но его слова прозвучали не убедительно.

— А мне прикажешь ждать тебя? Год? Десять лет? Всю жизнь? — Шелла подняла на Альвара глаза, полные слез. — Послушай, за деньги можно купить все. У меня есть кое-какие сбережения... Ты можешь купить себе уединение где угодно, даже в центре большого города. Особняк со звуконепроницаемыми стенами. Вокруг — густой парк, огороженный стеной. А?

— Не то,— покачал головой Альвар. — Альфа-волны не знают преград. Одна надежда — и ее поддержал Мензи — что при достаточном удалении они затухают.

Помолчав, Альвар добавил:

— Эйнштейн более половины жизни отдал единой теории поля. Он сделал многое, но не успел завершить грандиозной работы — помешала смерть. Я верю, что мне суждено завершить теорию Эйнштейна — самое поразительное создание человеческого ума. Разве для достижения этой цели не годятся любые средства?

Над заливом Дохлого кита клубился серый туман. Солнце вот-вот должно было вынырнуть из-за горизонта.

Все лица казались серыми — подстать туману. Веселье явно шло на убыль, подобно кривой гениальности, снятой для Альвара Жильцони великим Мензи.

Оркестр на соседнем плоту умолк.

Дальний маяк не казался уже таким таинственным и огромным. Он будто стал поближе и поменьше.

— Пойдем? — предложил Жильцони.

Выбравшись из лодки на берег, они молча прошли с десятков шагов по дороге, ведущей в порт. Альвар пытался поймать взгляд Шеллы, но это никак ему не удавалось.

— Значит, расстаемся? — сказала она наконец подозрительно ровным голосом. — Поедешь к своему приятелю, готовиться к отлету в Скалистые горы?

— Давай проведем вместе сегодняшний день,— предложил Альвар. — Поедем за город, побродим.

— Прощальный день,— усмехнулась Шелла. — Ты когда решил вылетать?

— Завтра.

— Так скоро? — Шелла остановилась. — Как же мы можем бродить? У тебя только один день на подготовку.

— Статьи, книги и свои научные заметки я уже сложил, остальное сделает Исав,— сказал Жильцони.

— А если он напутает, возьмет не то, что нужно?

— Не напутает. Исав умеет читать мои мысли,— усмехнулся Жильцони.

Они миновали порт и подошли к остановке аэробуса.

— Куда поведем?

— Какая разница?

Сверху круто спикировал аэробус. Он замер на шипящей прослойке воздуха, в полудюйме от поверхности асфальта.

В аэробусе они долго молчали, сосредоточенно глядя вниз.

Траектория аэробуса, если рассматривать ее со стороны, напоминала волнообразную кривую, составленную из одинаковых дуг. Аппарат коротко разогнался, затем взмывал ввысь, описывая параболу, точь-в-точь как брошенный камень. Затем — благодаря точно рассчитанному импульсу — приземлялся в нужном месте, менял пассажиров, и все начиналось сызнова.

Машина приближалась к центру города. С каждым прыжком аэробуса дома становились все выше. Наконец, наступил момент, когда аппарат летел между сплошных стен, словно птица, попавшая в узкое ущелье: здесь дома были слишком высоки, чтобы прыгать через них.

— Говорят, в таком доме человек может провести всю жизнь, не выйдя ни разу наружу,— сказала Шелла, указав на гигантское здание, выделявшееся размерами даже среди своих собратьев.

— Ну и что?

— Но ведь это ужасно — целую жизнь провести в каменном мешке, голубое небо и зеленые листья видеть только из окна...

Альвар пожал плечами:

— Дело привычки.

Они сошли на конечной остановке и двинулись вдоль стены, рафинадно сверкавшей в лучах утреннего солнца.

— Всю жизнь провела в городе, и ни разу не добиралась до стены,— сказала Шелла.— А ты бывал здесь?

— Нет.

Шелла провела пальцем по шероховатой поверхности стены.

— Хорошо здесь,— вздохнула она.— Людей не видно. Воздух чище, и зелени больше.

— Город перестал расти вширь благодаря стене,— заметила Шелла.

— Зато он продолжает расти вглубь и ввысь.

— Но так не может продолжаться до бесконечности.

— И потому город рано или поздно умрет.

— Город умрет? — остановилась Шелла.— Как это ты себе представляешь?

— А вот послушай. Человек смертен, не так ли? В клетках

его с течением времени накапливается вредная информация. В «памяти» клеток в силу разных причин появляются искажения, которые затем воспроизводятся. В переводе на язык нефизиков — человека начинают одолевать разные хвори, которые и сводят его в конце концов в могилу.

— Болезни иногда и вылечивают.

— Да, и вместо одной вылеченной появляются три новые. Но дело не в этом. Так или иначе человек умирает. Пусть он достигнет и весьма почтенного возраста — какая разница?

— Причем тут город?

— Город — это тоже организм, Единый организм, который ограничен естественными — или неестественными — рамками. Город зарождается, растет, зреет. А затем начинает пожирать самого себя.

Они сели на чугунную скамью, тень от которой сбегала к пруду, в нем плавали два грязно-белых лебедя.

— Там, наверно, холодно... — сказала Шелла.

— Где? — не понял Альвар.

— В Скалистых горах. Вообще я плохо представляю себе, как ты будешь там существовать.

— Я и сам плохо себе это представляю, — признался он. — Но разве это главное? Совью с помощью Исаа гнездо и как-нибудь проживу. Ты же знаешь, я неприхотлив.

— Совью гнездо... Вы что, вдвоем жилище соберете?... — спросила Шелла.

— Мне удалось раздобыть манипуляторы. Они помогут нам, надеюсь.

— Все-таки один настоящий помощник помог бы тебе быстрее справиться с задачей. Нет, я не о себе... Ты бы мог пригласить в Скалистые горы какого-нибудь физика. Вряд ли один человек сможет нарушить условие Мензи.

— Не хочу рисковать.

— Ты бы мог переговорить, например, с доктором Марком Нушем... — продолжала настаивать Шелла.

— Я убежден: если единую теорию поля суждено завершить, то это сможет сделать один-единственный человек, — отрезал Альвар. — И уж во всяком случае, это будет не Нуш.

— Почему? Ты сам рассказывал, что он — лауреат Нобелевской премии, крупнейший физик...

— В прошлом.

— Нуш отошел от физики?

— К сожалению.

— А что с ним случилось?

— Видишь ли, Нуш занимался единой теорией поля. Как и я. И достиг в этом направлении определенных результатов. На каком-то семинаре по физике он сказал, что полученные им данные лишают боженьку последнего приюта. Нашлись доброхоты, донесли об этом попечителю университета. Старикашке богохульство Нуша пришлось не по душе, и он стал притеснять его, как только мог. А возможности у него в этом смысле немалые. Нуш, видно, просто устал бороться. Надломился.

— Что же он делает теперь?

— Умный человек всегда найдет себе занятие,— сказал Альвар.— Марк Нуш, во-первых, преподает. Во-вторых, пишет разные популярные книжки.

— А о чем книги?

Альвар махнул рукой.

— Все о том же. Марк Нуш в физике однолюб, как и я. Недавно он выпустил книгу о единой теории поля. «Мир, законченный в уравнениях». Написана она неплохо, но к науке не имеет никакого отношения. Нет уж, попробую я в одиночку справиться с уравнением мира,— закончил Альвар.

...Потом, много времени спустя, Шелла так и не могла решить, что же было главным в тот день? Маленькое кафе-поплавок на озере, где они завтракали, без всякой причины торопясь? Сферокино, где показывали несмешную комедию «Приключения красивой молекулы»? Роскошный тир с живыми мишенями? Или зрелище обычной уличной катастрофы на трассе Семнадцатого подземного яруса?..

Безмерно уставшие и от бессонной банкетной ночи, и от дневных бестолковых блужданий, они под вечер нырнули в подземку. Был час пик.

Их сжали так, что сразу стало нечем дышать.

Альвар в виде утешения выдавил:

— Проедем центр — будет легче.

И действительно: минут через двадцать бешеного скольжения на воздушной подушке в вагоне стало посвободнее. Им даже удалось сесть.

— Дальше,— каждый раз говорила Шелла, когда Альвар хотел подняться.

Наконец, им все-таки пришлось выйти из подземки.

Альвар взял ее за руку, и Шелла почувствовала, как что-то сжалось у нее в груди. Она любила его, этого нескладного парня с неухоженной шевелюрой. Любила, несмотря на все его сумасшедшие выходки. Каждый раз прощала их будущему гению...

— Послушай, Альвар... А зачем оно нужно, уравнение мира?

— Ты не физик и не поймешь.

— А все-таки?

— Единая теория поля — это ключ к безграничной власти человека над природой. Над веществом и его превращениями. Над пространством и временем. Этого тебе достаточно?

Молча миновали они дом-иглу, который вонзился в небо, словно рыба кость.

— Если у меня спросят, где ты? — нарушила Шелла тягостную паузу.

— Ты не знаешь.

— Но как же?.. — растерялась девушка. — Все знают, что мы с тобой...

— Уехал, утонул, пропал без вести, — раздраженно перебил ее Альвар. — Выбери, что тебе больше по вкусу.

— Ты сумеешь все необходимое захватить одним рейсом? — перевела Шелла разговор.

— Багажа у меня немного. Главное, что мне понадобится в Скалистых горах, — это идеи. Новые идеи. Фонтан идей. Надеюсь, там они появятся, — он потер ладонью лоб. — Там, в горах, мне никто не помешает размышлять.

Они долго стояли перед бегущей лентой тротуара. Серый поток нес людей вдоль улицы, «Словно щепки», — подумала Шелла.

— Давай прощаться, — сказал Альвар.

— Ты спешишь?

— Нужно багаж еще раз просмотреть. Исаа волнуется, почему меня так долго нет.

— Откуда ты знаешь?

— Тебе ведь известно, что мы с ним умеем читать мысли друг друга, — усмехнулся Альвар.

— Что ж, пожелаю тебе удачи.

— Спасибо. Шелла...

— Да?

— Будешь ждать меня?

— Я всю жизнь жду. Только вот не знаю — чего, — произнесла задумчиво Шелла.

Они обнялись.

— Я вернусь, я найду тебя, Шелли, — успел крикнуть Альвар перед тем как скрыться за поворотом.

Поток прохожих, а точнее — проезжих, на тротуаре постепенно редел.

Шелла выбрала свободный участок и, поколебавшись, ступила на ленту.

Глава вторая

ВОРОНЬЕ ГНЕЗДО

Рассвет в горах наступает рано. «Горы ближе к солнцу», — наивно говорили древние.

Солнце еще не вынырнуло полностью из-за зубчатой кромки, а неистовые потоки света уже пролились на розовеющие грани первозданных возвышенностей.

Однако из ущелья, расположенного между тремя мрачными скалами, ночь не торопилась уходить. Здесь гнезвился сырой полумрак, а со дна его, неровного и каменистого, еще отчетливо видны были звезды.

Ущелье так естественно замаскировано складками местности, что заметить его со стороны почти невозможно. Увидеть ущелье можно, разве что пролетая непосредственно над ним. Но все пассажирские линии пролегают в стороне от этого участка Скалистых гор, — это тоже учел Альвар Жильцони.

Лишь кондоры-стервятники бороздят здесь небесную голубизну, высккивая сверху добычу.

У подножия одной из скал примостилось странное для этого места приземистое куполообразное сооружение.

Отворился люк, и из купола, пригнув голову, вышел Альвар. Поеживаясь от утреннего холодка, он подошел к дереву, сделал на нем очередную отметку ножом, затем медленно побрел по тропинке, скорее пока угадываемой, чем видимой. Впрочем, за десять лет он так ее изучил, что смог бы найти даже в полной темноте. По обе стороны тропинки возвышались темные кусты вереска, покрытые ледяной росой. Альвар старался не касаться их руками.

Добровольный затворник осторожно спустился в расселину, к роднику. Сюда из узкого ущелья пробивался рассеянный свет. Альвар склонился над водой. Из темной глубины на него глянуло худое заросшее лицо.

Он отогнул в сторону рыжеватую кольцами бороду и припал к источнику.

Напившись, Альвар выпрямился во весь рост. Небо светлело, гася звезды.

Сегодня он засиделся за выкладками. Последнее уравнение ускользало от него. То оно казалось совсем близким, то вдруг скрывалось в недоступной выси. Словно эти вершины гор, уже обрызганные солнцем. Чудится, до них рукой подать. Но орник все машет и машет крыльями, а вершины все так же далеки от тебя...

Несколько раз Альвару казалось, что задача, которую он поставил перед собой, решена, уравнение мира получено. Но каждый раз он обнаруживал ошибку в выкладках.

Свое обиталище Альвар привык называть Вороньим гнездом. Жилье ему соорудили манипуляторы, незаконно добытые у компании «Лунная рапсодия». Манипуляторы предназначались для горных работ на суровом Марсе, куда готовилась геологическая экспедиция.

Исав доставил в Воронье гнездо все, что требовалось хозяину для работы: электронный расчетчик, магнитную память, информатор... Немалого труда стоило добывать технические новинки, но для Абора приказы Жильцони были законом — даже если приходилось рисковать жизнью. Был у Альвара и небольшой реактор, и камера Вильсона, с помощью которой он наблюдал и сравнивал с расчетными диковинные траектории элементарных частиц — кирпичиков Вселенной, слогаемых того мира, уравнение которого ему предстояло открыть...

Устроившись, Альвар приступил к работе, а Исава отослал в город.

Обстановка в одноместном жилом куполе с герметичной прослойкой была спартанская. Киберы смонтировали его так, как были обучены, ни на йоту не отступая от программы.

Пока Альвар устраивался на новом месте, скучать было некогда. Не оставалось времени на тоску и в первые месяцы работы, когда он трудился как одержимый.

Изредка появлялся Исав. Он привозил свежие физические журналы, кое-что из продуктов, новые приборы — и исчезал. Альвар разговаривал с помощником крайне редко и скупно.

К концу первого года настроение Жильцони изменилось. Подспудно им начала овладевать тоска. Она просачивалась, как проникает вода в трюм плохо проконопаченного судна, — тихо и до поры до времени незаметно. Работа не ладилась, и Альвар решил совсем отказаться от услуг Исавы, боясь, что общение с полуроботом нарушает условия Мензи.

Вдруг во время работы с уравнением Альвару показалось, что он разучился говорить. Тогда он начал разговаривать сам с собой.

Целые дни, исписывая горы голубоватых листов, рассматривая снимки, полученные в камере Вильсона, или возясь с калькулятором, Альвар бубнил себе под нос, произносил бесконечные тирады, напевал любимые песенки Шеллы. Перебирал в памяти прошлое, — так скупец, открыв сундук, ворошит свое добро.

Когда мысль об уравнении мира вошла в его плоть и кровь! Еще на первом курсе университета Альвар познакомился с незавер-

шенной работой Альберта Эйнштейна, посвященной единой теории поля. Юный студент был покорен. Неужели человеческий ум в состоянии возводить такие совершенные сооружения, покоящиеся на призрачном фундаменте, который называется постулатами?

Впрочем, почему сооружения?

Это было одно сооружение. Одно-единственное. И других быть не могло. Эйнштейн сделал дерзкую попытку заковать в единую цепь уравнений всю Вселенную.

Тогда же, на первом курсе, Альвар решил в душе, что завершит дело, начатое Эйнштейном. О замысле своем Альвар никому не сказал: его засмеяли бы.

Единой теорией поля в течение многих лет занимались многие выдающиеся физики. Но ни одна попытка не привела к успеху.

Университетское начальство стало косо поглядывать на Альвара Жильцони после происшествия, случившегося с ним на третьем курсе. Жильцони имел небрежность испортить отношения с попечителем университета, пойдя в этом смысле по стопам Марка Нуша. Но только в отличие от своего научного руководителя сделал это публично.

Это произошло во время торжественного события. На празднество по случаю столетия университета прибыл сам президент. И когда попечитель расслабленным старческим дискантом провозгласил благодарность почтенным мужам науки, которые отказались, наконец, от бесплодных попыток познать непостижимое и сосредоточили свои усилия на нуждах нации, — попечитель нудно и скрипуче перечислил эти нужды, — в среднем ряду битком набитого зала поднялся смуглый юноша и громко срывающимся голосом произнес:

— Богословие: нужно оставить священникам. Непостижимого нет — есть только непостигнутое... Физика обязана, наконец, создать единую картину мира.

— Вы знаете, кто пытался решить эту задачу? — перебил его ректор.

— Знаю. Но тогда общий уровень науки был недостаточно высок. Наука накопила слишком мало сведений об элементарных частицах, — ответил Жильцони.

— Уж не вы ли собираетесь решить эту задачу, молодой человек? — возвысил голос попечитель.

Жильцони пожал плечами и сел на место под общий гул взбуряемого зала.

Короткая пламенная речь Жильцони не встретила сочувствия не только у попечителя. Еще большее недовольство она вызвала у руководителей университета и именно потому, что они хорошо поняли Альвара.

Суть дела состояла в том, что единая теория поля, если бы она когда-нибудь была создана, окончательно вытесняла из Вселенной бога: ему не осталось бы уголка, даже самого малого. Потому заправилы университета смотрели косо и на эту теорию, и на тех, кто пытался ею заниматься.

Попечитель побагровел и, нагнувшись, что-то быстро проговорил на ухо генералу, который сидел рядом. Тот несколько раз почти-тельно кивнул.

Инцидент кое-как замяли — огласка была нежелательна. Строптивому студенту грозили немалые беды, но в конце концов его оставили в покое. Больше всего Альвару помог Марк Нуш — нобелевский лауреат, звезда университета. Мог ли Нуш предполагать, что в самом скором времени сам очутится в положении Альвара Жильцони?..

Так или иначе Жильцони разрешили окончить физический факультет.

Доктор Нуш симпатизировал Альвару. Долгие часы они проводили вместе, в нескончаемых дискуссиях пытались нащупать истину. Их часто видели в лабораторном крыле, где они ставили опыты.

Нужно сказать, что на экзаменах Альвар Жильцони особенно не блистал. Позже, в Вороньем гнезде, он понял, почему так происходило. Влияние среды, других людей. «Эффект присутствия», — как выразился старый Мензи.

Теперь с этим влиянием покончено. И ничто не помешает Альвару выполнить подвиг, который он добровольно взвалил на собственные плечи.

Задача оказалась трудней, чем представлялось поначалу. Десять лет он убил на нее. Но теперь, похоже, она близка к завершению. Правда, чем ближе к вершине, тем приходилось труднее: в последнее время работа все чаще стопорилась. Альвар придумал одну штуку. Что если для инфора смастерить на выходном блоке обычную звуковую мембрану? Тогда можно будет разговаривать не только с самим собой, но и с инфором, который знает очень много...

Конечно, не следует надеяться, что это будет умный собеседник. Всякая машина глупа — это Альвар усвоил давно. Ушли в прошлое времена, когда люди надеялись, что им удастся сконструировать умную машину.

Но лучше глупый собеседник, чем никакого.

Утешенный этим соображением, Альвар рьяно принялся за дело. Он предварительно наговорил на магнитную пленку несколько фраз, анализатор разложил его тембр на гармонические состав-

ляющие и обертоны, после чего слепия точную механическую копию голоса человека.

Если раньше, задавая вопросы, Жильцони получал ответы в виде отрезка перфолянты, то теперь инфор отвечал голосом Альвара, разве что чуточку более бесстрастным.

— Не с кем проконсультироваться. Я здесь словно Робинзон, — сказал однажды Альвар, с досадой скомчав исчерканный лист бумаги.

Инфор промолчал — имя Робинзон ему ничего не говорило: машина в свое время усвоила весьма ограниченный запас тех странных книг, которые люди называют беллетристикой. Конструкторы инфора считали, что подобная информация в больших дозах вредна для машины, и уж бесполезна — во всяком случае.

— Ты будешь моим Пятницей, хорошо? — последнее относилось непосредственно к инфору, и снова машина промолчала, так как предложение превратиться в день недели было явно абсурдным.

...Увы, машина не могла объяснить Жильцони, что если уж говорить о днях недели, то Альвару необходима была среда. Та среда, без которой человек не может дышать, а птица — подняться в небо...

Если не считать некоторой тесноты жилого купола, смонтированного киберами-манипуляторами, Альвар устроился неплохо. Он получил все, что хотел. Микрореактор работал исправно, на остальные приборы тоже жаловаться не приходилось.

Иное дело — быт.

После того, как Альвар запретил Исаву прилетать в Воронье гнездо, ему пришлось перейти на хлореллу — пищу космонавтов. Синтезатор ему привез Исав во время своего последнего рейса в Воронье гнездо.

— Мне показалось, что тебе нужна эта штука, хозяин, — сказал Исав, выгружая из орнитоптера громоздкий куб синтезатора пищи. Альвар кивнул.

Он давно уже махнул рукой на то, что Исав упорно называет его хозяином.

Отрываясь от работы на время завтрака, обеда или ужина, Альвар с отвращением смотрел на маленькие аккуратные кирпичики, которые синтезатор исправно выплевывал на поднос.

Экспериментаторы открывали новую элементарную частицу, и Альвар старался втиснуть ее в уравнения. К помощи приборов, для того чтобы проверить какую-нибудь каверзную формулу, он прибегал редко.

— Орудие физика-теоретика — карандаш и бумага,— любил повторять Марк Нуш, его учитель.

Об открытиях новых частиц Жильцони узнавал от Исаа — тот передавал по радио содержание статей из физических журналов.

Шли дни, похожие друг на друга, как близнецы. Даже в самую жаркую погоду в ущелье было прохладно, а в сырые дни, в холода Альвар включал до отказа костюмную термоткань, да и купол имел обогрев.

Ничто здесь не должно было мешать тому, чтобы гений Альвара Жильцони развернулся во всей полноте. На всякий случай по приказу Альвара манипуляторы смонтировали над ущельем магнитную защиту, так что и шальная птица не смогла бы сюда залететь. Но невидимая оболочка предназначалась, конечно, не для защиты от птиц. Альвар слишком хорошо запомнил предупреждение Мензи. Магнитная защита должна была способствовать абсолютной изоляции гениального мыслителя. По идее Жильцони, защита должна была отразить чью-нибудь случайную альфа-волну, если бы таковая, хотя и в ослабленном виде, вдруг доплеснулась до Вороньего гнезда.

Глава третья

УРАВНЕНИЕ МИРА

С осветительных панелей единственной комнаты купола струился неживой свет. По расчетам Альвара, был вечер, но проверить свое предположение он медлил. Не хотелось выходить наружу.

Что-то нездоровится сегодня. Знобит. Альвар расправил куртку, небрежно брошенную на спинку стула, и накинул ее на плечи. Похоже на малярию. Но откуда? Ведь он, как и все остальные, прошел полипрививку. Еще в интернате.

А интересно, может ли комар проникнуть сквозь магнитную защиту?

Этого не очень глубокомысленного вопроса оказалось достаточно, чтобы выбить Альвара из седла. Он дернул себя за бороду, отложил в сторону карандаш и задумался. Смотрел на математические символы, но мысль его витала далеко.

Сегодня юбилей.

В этот самый день ровно пятнадцать лет назад прилетел он сюда. Старенький, неоднократно чиненный орнитоптер доставил его с Исавом в Скалистые горы, в точку, которую Альвар перед этим долго и тщательно выбирал по стереокарте.

У него было мало багажа и много надежд.

Чего же он достиг за годы каторжного труда?

На первый взгляд Альвар сделал немало. Он сумел связать в систему добрых три десятка элементарных частиц, от позитронов до гиперонов. Он свел воедино результаты тысяч экспериментов, изложенных в тысячах статей.

Электронный мозг с такой задачей справиться никак не мог бы.

Дело в том, что многие данные не очень-то хорошо согласовывались между собой, а иной раз и просто противоречили друг другу. Как выяснить, — почему? Некорректно поставлен эксперимент? Неправильно производились измерения? А может, статью писал недобросовестный ученый, подтасовывая факты, чтобы вызвать минутную сенсацию?

В этих адских джунглях разобраться было почти невозможно.

Альвар сверял, сличал, уличал, прежде чем сделать крохотный шаг вперед.

Поручи такую работу электронному мозгу, и он сгорит на первом же логическом противоречии.

Жильцони выдержал иску́с — человек крепче машины и обладает гибкой логикой. Ему удалось доказать, что все тридцать элементарных частиц представляют собой не что иное, как одну и ту же прачастицу, только в разных энергетических состояниях. Так умелый актер может перевоплощаться с помощью грима в десятки различных лиц.

Физики, наверно, с восторгом встретили бы его результат. Но Альвар не обольщался: до единой теории поля, до уравнения мира было по-прежнему далеко...

Всего-навсего несколько «странных» частиц не желали укладываться в схему, которую разработал Жильцони. Пустяк? Он знал уже цену подобным пустякам. Один мелкий экспериментальный факт, поначалу кажущийся случайным, может взорвать стройное здание теории.

Он встал из-за стола, сделал несколько шагов, пытаясь согреться.

Выращиватель пищи тихонько гудел. Проходя мимо, Альвар старался не глядеть на него. Всякому терпению есть предел. Иногда он испытывал непреодолимое желание схватить молоток и разбить вдребезги ненавистное брюхо-эллипсоида, в котором неумимо выращивалась проклятая хлорелла.

Наконец-то догадался глянуть на часы: скоро полночь.

Подошел к столу рассеянно переложил несколько листов, вздохнул:

— Не вижу берега.

— Какого берега ты не видишь, Жильцони? — раздался внезапно голос. Его голос! Он не сразу сообразил, что это говорит «озвученный» инфор.

— Почему ты без команды заговорил? — строго спросил Альвар. До сих пор инфор только отвечал на его вопросы.

— Потому что ты сказал нелепицу: ближайший отсюда берег расположен на расстоянии две тысячи триста двадцать четыре...

— Замолчи, — с досадой прервал его Альвар, и инфор послушно умолк.

Очевидно, инфор перестроился: накапливая из года в год информацию о человеке, который с ним общался, аппарат приобретал новые качества.

Альвар лег на койку.

— Инфор!

— Да, — с готовностью откликнулся аппарат.

— Давай тебе имя придумаем?

— Имя бывает у людей.

— Не только. Любой корабль, любой ракетоплан тоже имеет имя, — заметил Альвар.

— Согласен.

Альвар закинул руки за голову.

— Назовем тебя... скажем, Чарли. Был у меня когда-то приятель с таким именем. Хорошо?

— Тогда уж лучше Нильс.

— Почему Нильс?

— Так звали физика, который впервые предложил планетарную модель атома, сыгравшую...

— В честь Бора, — расшифровал Альвар. — Будь по-твоему. Нильс, так Нильс.

— Скажи, Жильцони, в чем сущность единой теории поля? — спросил неожиданно инфор.

— Если б я мог ответить на этот вопрос, нам с тобой, Нильс, здесь нечего было бы делать, — улыбнулся Альвар.

Поболтав с информом, Альвар почувствовал себя немного лучше. Сейчас он встанет, сварит кофе и выпьет ароматный, обжигающий напиток.

На днях ему удалось решить задачу, представляющую важное звено в общей теории. И хотя берега по-прежнему не видно, он заслужил нынче право на отдых.

Можно с Нильсом поговорить. Он нафарширован информацией, как десяток крупнейших энциклопедий мира, а кроме того, ежедневно обогащается с помощью Альвара все новыми и новыми знаниями.

Жильцони понимал, что на определенной степени накопления фактических знаний у кибернетической системы такого типа, как Нильс, должны образовываться какие-то новые логические связи. Дialeктический закон перехода количества в качество универсален. Но каким будет это новое качество?

Вполне могло оказаться, что Нильс мыслит на уровне семилетнего ребенка. Ведь логика Нильса — в той мере, в какой она уже выкристаллизовалась, — возникла самостоятельно, без руководства людей-программистов или других логических машин.

«Ну и что ж, — размышлял Альвар, допивая кофе. — Пусть мыслительные способности Нильса примитивны, а логика — наивна. Это тоже интересно».

Назавтра работа снова остановилась. Это вызвало у Жильцони приступ ярости, и он поймал себя на мысли: если для решения задачи нужно было бы убить человека, он сделал бы это.

В следующую минуту Альвар ужаснулся. Отшельничество, что ли, так ожесточило его? Или кровь и пот, с которыми достается каждый шаг?

В этот день абстрактный человек, придуманный воспаленным воображением Альвара, все время носился перед его умственным взором, принимая каждый раз обличье какого-нибудь давнего знакомого. Убил бы или нет? «Нет, нет», — испуганно шептал он вслух, разделяваясь с интегралами, словно с личными врагами. «Но перед самим-то собой, перед собой можешь не лицемерить», — твердил свое внутренний голос.

В конечном счете Альвар постарался утешить себя соображением, что для блага всего человечества никакая жертва не является чрезмерной.

Что значит одна человеческая жизнь в сравнении с миллиардами?

И потом, не жалеет же он собственной жизни в этом чертовом Вороньем гнезде. О, он с радостью прыгнул бы в пропасть, если бы после него на клочке бумаги осталось то, что он искал.

Альвар часто вспоминал Шеллу, хотя настрого запретил Исаву разузнавать что-либо о ней. Где она сейчас, с кем дружит, чем занимается?

Когда они расстались, ей было двадцать. Значит, сейчас — тридцать пять. Невеселая арифметика.

Но ничего, осталось немного. Он завершит единую теорию поля и вернется, разыщет ее.

А что если он не справится с грандиозной задачей?.. Не осилит всего урагана фактов, связанных с превращениями материи? И жизнь растрочена впустую?

От этой мысли Альвара бросило в жар. До сих пор он верил в свою звезду. Уверенность подкреплялась авторитетным заключением Мензи.

Но мог же старик ошибиться?..

Через мгновение Альвар справился со своей слабостью, но неприятный осадок остался. Это мешало сосредоточиться, потом — отдыхать, потом — уснуть.

— Жильцони, что такое элементарная частица? — среди ночи ровно прозвучал его собственный голос.

Альвар ухватился за вопрос, заданный Нильсом, как за якорь спасения.

— Элементарная частица, Нильс, это та ступень, которой достиг человек, спускаясь в глубины вещества.

— Только ступень?

— Да.

— И за ней последуют другие, ведущие еще глубже? — продолжал допытываться Нильс.

— Безусловно.

— Этот процесс бесконечен?

— Да, потому что материя неисчерпаема вглубь.

— Если так, то не думаешь ли ты, что занимаешься бессмыслицей? Что задача, которую ты поставил перед собой, не имеет решения?..

«Нильс не так глуп, — отметил про себя Альвар. — Разве не те же сомнения терзают меня?».

— Если твоя теория — всего лишь ступень, то как может она претендовать на абсолютность?

— Она и не претендует на абсолютность.

— Тогда зачем она?

— Видишь ли, Нильс... Я, как физик, уверен, что законы природы просты в своей сущности. А сложность формулировок отражает неточность, недостаток нашего знания. И единая теория поля, которую я завершаю, должна послужить прожектором, освещающим: путь познания сущего — от микромира до галактик.

— Но сам-то путь бесконечен?

— И что же?

— Значит, цель недостижима, — сделал Нильс вывод, безупречный с точки зрения формальной логики.

— Стремление к цели столь же ценно, как сама цель, — вспомнил Альвар одно из любимых изречений Марка Нуша.

Вероятно, если бы Нильс мог, он пожал бы плечами.

— Физики продолжают открывать все новые микрочастицы, — сказала машина.

Альвар невесело усмехнулся:

— Знаю.

— Не сметет ли лавина новых частиц твою теорию единого поля?

— Нет.

— Почему ты так думаешь?

— Всем новым, еще не открытым частицам должно быть место в моей теории, — пояснил Альвар. — Точно так же, как в таблице, которую создал Дмитрий Менделеев, были свободные клеточки для еще не открытых химических элементов. Эти вещества еще искали в колбах и ретортах, а Менделеев уже знал, какими свойствами будут обладать вновь открытые элементы.

— Значит, твоя теория должна иметь силу предвидения для микрочастиц, которые еще не открыты?

— Да.

Нильс долго молчал, что-то обдумывая. Через продолжительное время, когда Альвар уже засыпал, машина произнесла:

— Химические элементы — одно, элементарные частицы — другое. Ты не сумеешь решить свою задачу.

— Ты ограничен, Нильс.

— Вспомни историю познания микромира, — возразила спокойно, как всегда, машина.

Голос Нильса журчал, добросовестно излагая информацию, записанную в блоках памяти. К трем часам утра он добрался до неясной — до сих пор! — природы ядерных сил, тесно связанных с характером светового излучения, не преминув при этом привести афоризм из студенческого фольклора, почерпнутый в какой-то из предыдущих бесед с Альваром: свет — самое темное место в физике.

— Да что там свет! — продолжал Нильс развивать свою мысль. — Даже в классической физике, которая считается давным-давно завершенной, есть неясные места. Зачем далеко ходить? В обычной ньютоновской механике до сих пор нет удовлетворительного определения понятия силы... Сила — самое слабое место в механике, — заключил Нильс.

Альвар вяло возражал Нильсу.

Под утро машина изрекла:

— Теперь ясно, что ты взялся за непосильное дело.

— Замолчи! — взорвался Жильцони, но Нильс продолжал:

— Задача твоя не имеет решения. Дело не в несовершенстве человеческого ума.

— А в чем же?

— В природе вещей. Нельзя измерить бесконечность в милях и дюймах.

Альвар вскочил и выключил машину. Но мог ли он выключить охватившие его сомнения?..

Можно ли разобраться в хаосе микромира, где так называемый здравый смысл, выработанный человеком в течение тысячелетней эволюции, становится нелепым и смешным? И как может этот дикий мир непрерывных взрывов и катастроф служить основой нашего, по виду такого благополучного мира? Каждое мгновение в каждой бесконечно малой ячейке пространства рождаются и бесследно гибнут в неуповимо быстрых вспышках мириады частиц. Как же может в результате получаться картина логически связного мира, в котором мы обитаем?

Может быть, эта задача и впрямь неразрешима? Может быть, Нильс прав?

Альвар сжал голову руками. Еще немного, и он сойдет с ума. Человека! Он должен увидеть себе подобного, и немедленно.

Блуждающий взгляд его остановился на ноже для открывания консервов. Когда надоедала пища из выращивателя, он переходил на консервы, хотя и не любил их.

Альвар тупо вертел в руках никелированную штучку. Потрогал пальцем лезвие. Затупилось. Не годится — проточишь, пока лишишь себя жизни. Надо наточить. Он уже позабыл о том, что несколько минут назад хотел увидеть себе подобного.

Жильцони поднялся и, шаркая, вышел из купола.

Низкие облака неслись по небу, оставляя на скалах дымящиеся клочья. Порывистый ветер раскачивал деревья.

Он подошел к ближайшему дереву и консервным ножом сделал на нем очередную зарубку, с трудом отыскав на коре живое местечко. Затем прислонился к дереву пылающим лбом.

Плюнуть на все и вернуться на щите? Вновь увидеть человеческие лица, услышать смех и чужой говор, а не собственный голос, воспроизведенный машиной.

Признать свое поражение? Снова стать рядовым физиком, которых тысячи и тысячи? Ковыряться в частных экспериментах, не видя дальше собственного носа? Всю жизнь гоняться за какой-нибудь микрочастицей — и так и не поймать ее?

Отказаться от попыток найти связь вещей, и никогда уже не возвыситься над хаосом микромира.

Нет, что угодно, только не это!

Альвар опустился на колени и принялся затачивать лезвие ножа о выпуклую поверхность гранитного валуна, сглаженную временем и непогодами.

Глупо, конечно, таким манером завершить жизнь. Но что делать? В сущности, у него нет другого выхода. Он умрет, и плоть его сгниет, а одежда истлеет. Кто знает, через сколько лет в это заброшенное ущелье случайно забредет одинокий путник? Магнитная защита Вороньего гнезда к тому времени разладится. Отбившийся от группы альпинист или геолог обнаружит в ущелье странный купол, заржавевшие приборы, дерево, испещренное потемневшими зарубками, и рядом — побелевший скелет. Путник будет думать и гадать, но никогда не узнает он о трагедии, которая разыгралась в заброшенном ущелье.

Возможно, человечество никогда не было так близко к разгадке самой сокровенной тайны природы, как в те годы, когда он, Альвар Жильцони, добровольный отшельник, иступленно трудился в Вороньем гнезде, пытаясь сплести воедино тысячи и тысячи разноречивых данных.

Но кто сказал, что создать уравнение мира способен только он, Альвар Жильцони?

Может быть, найдется на белом свете еще кто-нибудь, способный взвалить на плечи бремя единой теории поля?

Пораженный этой мыслью, Альвар замер у валуна.

Теперь, когда он у края банкротства, вдруг может оказаться, что есть такой счастливец, которому задача по силам. Он добьется того, чего не сумел достичь Альвар Жильцони. И может быть, ценной неизмеримо меньших усилий.

Несправедливо.

Но разве не смешно говорить о справедливости в этом мире?..

Неудавшегося физика Альвара Жильцони едва ли кто-нибудь вспомнит.

Нет, черт возьми, роль неудачника — не его роль. Так просто он не уйдет со сцены. Занавес не опущен, действие продолжается.

Есть еще один слабый шанс — просмотреть тщательно собственные расчеты. Может быть, в них вырвалась ошибка, которая свела на нет все хитроумные построения Альвара?

Он размахнулся, швырнул консервный нож и решительно зашагал к куполу, который призывно светился.

Для начала Альвар наскоро перекусил. Даже осточертевшие брикеты показались ему на сей раз вкуснее обычного. Затем сел к столу, придвинул калькулятор и погрузился в проверку расчетов.

Миновала неделя, и Жильцони понял, что надеяться не на что. Ошибок в расчетах он не обнаружил. По крайней мере явных ошибок. Но ошибкой могло оказаться любое предположение, любая гипотеза, на которых зиждилась его теория.

Нет, не выбраться ему из этой тины предположений, при одних условиях — справедливых, при других — противоречащих друг другу.

Все кончено. Эта неделя отняла у него последнюю надежду. В бороде появились первые седые волосы.

Разве не принес он в жертву своей идее все, что является самым ценным для заурядного человека, — молодость, карьеру, наконец, личное счастье?

А кто-то другой сорвет походя плод, за который Жильцони готов отдать жизнь.

Он, Альвар Жильцони, выстрадал единую теорию поля. Честь открытия уравнения мира должна принадлежать ему и никому другому на свете!

...Припомнился далекий разговор с доктором Нушем, положивший начало их сближению. Они проводили тонкий опыт по дифракции фотонов. В лаборатории было душно и сыро, несмотря на включенные кондиционеры.

Марк Нуш расстегнул ковбойку и, тяжело дыша, уселся на угол стола.

— О чем ты задумался, Альви? — спросил он своего ассистента.

Жильцони отвернул голову от установки и, несмело улыбнувшись, произнес:

— О единой теории поля.

Он ожидал разноса за то, что отвлекается во время ответственного опыта, но Нуш неожиданно сказал:

— Я тоже думаю о единой теории поля. Знзешь, мальчик, кому она окажется по плечу?

— Кому? — жадно спросил Альвар.

— Тому, кто ничего не принимает на веру. Кто ставит под сомнение научные догмы, которые другим физикам кажутся бесспорными. Таким был Альберт Эйнштейн.

Жильцони почувствовал необъяснимую тягу к тому человеку, который угадывал самые сокровенные его мысли.

— Только гений может правильно смотреть на вещи, — сказал Альвар.

— Именно так, коллега, — согласился Нуш. Он тоже симпатизировал этому парню с ликорадачным блеском в глазах.

— Гений идет впереди остальных, прокладывает новые пути в науке. Его ошибки стоят дорого, надолго тормозя развитие физики, зато победам гения нет цены!.. — продолжал увлеченный Жильцони. Он торопился выложить Нушу все, что вынашивал долгими ночами, на кудных лекциях, на физических семинарах.

Разговор продолжился в столовой.

— Для достижения своей цели гений может использовать любые средства, — сказал Жильцони.

— Не любые, Альви, — покачал головой Нуш, придвигая к себе солонку.

— Любые, — отрезал Альвар. — И в первую голову — нужно уметь отречься от себя.

Нуш вздохнул:

— Не всякому это дано.

— Разве может чего-то серьезного добиться физик, который растрчивает свой талант по пустякам, на обучение бездарей и пустые книжонки...

— Популярные книжки тоже нужны, — не очень уверенно сказал Нуш, убеждая больше самого себя, чем собеседника.

Альвар выпалил:

— Вы сами себя не знаете, доктор Нуш!

— Возможно. Боюсь, что ведомство длинного Бига знает меня куда лучше, чем я сам, — грустно согласился Нуш. — А в тебя, Альви, я верю. У тебя есть передо мной два неоспоримых преимущества — молодость и честолюбие. Ты способен на многое, несмотря на непостижимые срывы.

Альвар и сам верил в себя. Верил, несмотря ни на что. И вот теперь, после пятнадцати лет, проведенных в Вороньем гнезде, он усомнился в своем предназначении.

Разыгравшееся воображение вновь и вновь рисует перед ним картину: где-то корпит над регистрационной книгой чиновник третьего класса, будущий Эйнштейн, еще не помышляющий о своем высочайшем предназначении. Он корпит год, два и еще сколько-то. А потом вдруг легко делает то, над чем всю жизнь безуспешно бился Жильцони...

Измученный бессонницей Альвар прислонился к дереву с зарубками.

— Я своими руками убил бы этого чиновника, — пробормотал он, не замечая, что разговаривает сам с собой. — Но как его разыскать, проклятого счастливчика?

О, если бы только Жильцони мог его разыскать!.. Но в этом случае вовсе не обязательно его убивать, этого чиновника, или повара, или зубного техника.

Можно было бы поступить иначе...

Цель оправдывает средства!

Альвар новым взглядом обвел Воронье гнездо. В этом диком уголке он безраздельный диктатор. Если бы только удалось заполучить сюда этого счастливчика... Побеседовать с ним здесь, выяснить его мнение о единой теории поля было бы нетрудно. На

всякий случай под рукой будет его помощник Исаа, сильный и послушный.

А если человек, доставленный в Воронье гнездо, еще не начал заниматься уравнением мира... Что ж, тогда дело еще проще. Жильцони просто будет сотрудничать с ним, незаметно наталкивая на новые участки работы. Нужные книги, справочники, микрофото журнальных статей — пожалуйста, все под рукой.

Он каждый день доил бы незнакомца, как заботливая и терпеливая хозяйка доит козу.

Потом, когда уравнение мира будет найдено... Впрочем, сейчас об этом думать рано.

Гению все дозволено. Он, Альвар Жильцони, стоит выше толпы, выше ее норм и законов, выше ее плоской морали.

По каким вообще признакам можно узнать физика, самого талантливого среди всех живущих? Тем более, если физиком он станет только в будущем, а пока пробавляется другим занятием?

Очевидно, чтобы с достоверностью судить о человеке, о его будущем, нужно иметь в руках как можно больше данных об этом индивидууме.

В принципе о нем надо знать все.

Но кто может знать все о всех?

Стоп, а длинный Биг?

Альвар, как и все прочие, знал, что в управлении по охране социального порядка на каждого жителя республики имеется досье, куда тщательно заносятся все сведения о нем чуть не от рождения и до самой смерти. Эдакие симпатичные микроячейки, образующие нечто вроде медовых сот.

И в каждой ячейке — все о тебе.

Да, потолковать с длинным Бигом — гигантским започинающим электронным устройством — было бы неплохо. Пусть бы он прошелся по своим ячейкам и сказал, кто из жителей страны является нынче кандидатом в гении.

Но как связаться с Бигом?

Полететь в столицу, попытаться проникнуть в управление?

Чепуха.

Предположим, Жильцони совершит невозможное и доберется до ячеек.

А дальше что? Как их расшифровать? Ведь постановка задачи У Альвара необычная — выявить гения.

Выявить крамолу — дело другое. Там у них есть специальный индикатор, называемый «всевидящим оком» — от него ничего не укроется, ни случайная фраза, ни неосторожное слово, осуждающее президента...

Даже добравшись до длинного Бига, разве сумеет он, Жильцони, самостоятельно проанализировать всю бездну информации, заключенную в ячейках, чтобы выбрать самого гениального в настоящем физика.

Но еще более трудная задача — предугадать появление такого физика в будущем.

А ведь ячеек у Бига — миллионы и миллионы!

— Пожалуй, это ненамного легче, чем отыскать уравнение мира! — сказал Альвар и пнул ногой дерево.

С задачей «поиск гения», которая пришла ему в голову, могла бы справиться машина стратегического действия. Перебирать ворох вариантов и делать логические заключения — это по ее части. Такую машину раздобыть нетрудно. Так что же, тащить ее к длинному Бигу?..

Стоп! Альвар хлопнул себя по лбу. Тащить машину не нужно. Поисковую задачу мог бы решить... сам длинный Биг. Нужно только суметь попросить его об этом, иначе говоря — правильно запрограммировать задачу.

Заставить Бига!

Пусть переберет все ячейки, которые хранятся в его памяти. Задачу можно было бы сформулировать так... Альвар двинулся по тропинке к источнику, на ходу медленно произнося:

— Отыскать среди всех живущих человека, который достиг (или сможет со временем достичь) наибольшего совершенства в области физики...

Но может ли посторонний проникнуть к длинному Бигу? Электронный мозг наверняка, как и Воронье гнездо, окружен надежной защитой. Она остановит всякого, кто попытается проникнуть внутрь, не зная шифра, отключающего входной участок.

Раздобыть шифр едва ли возможно, Альвар знал об этом. Защита длинного Бига основана на том, что альфа-ритм головного мозга каждого человека индивидуален. Не бывает двух тождественных альфа-ритмов, как не бывает двух одинаковых людей.

В охранном центре длинного Бига имелся каталог альфа-ритмов всех сотрудников, обслуживающих гигантскую машину.

Собственный альфа-ритм для каждого сотрудника служил пропуском, который невозможно ни потерять, ни подделать.

Альвар посмотрел на манипуляторы, которые монтировали жилой купол.

Можно было бы, подумал он, послать к длинному Бигу киберманипулятор, предварительно запрограммировав его на установление контакта с электронным мозгом. Разряды магнитной защиты его не сожгут. Но служба безопасности, конечно, предусмотрела

подобный вариант и снабдила защиту Бига логическим лабиринтом. Его киберу не одолеть.

С лабиринтом мог бы справиться человек, но он не сможет проникнуть сквозь электромагнитную перегородку.

Получается замкнутый круг: кто сумеет соединить в себе свойства и машины, и человека? Такого гибрида нет.

Такой гибрид есть: Исав! Разве это не то, что нужно? Логические задачки лабиринта, меняющиеся во времени, перед которыми машина становится в тупик, так как они рассчитаны на специфику человеческого мышления, Исав, надо полагать, сумеет решить.

Еще одно подтверждение гениальности Жильцони! Он оказался прозорливцем, когда, взясь с обреченным Исавом, предположил, что этот полуробот окажется ему полезным.

Все, что было до этого,—челуха. Гений должен уметь начинать все сначала, перечеркнув прошлое. Теперь-то и скажется дальновидность Жильцони, который еще тогда, в клинике Мензи, тайком произвел некоторые усовершенствования в электронном мозге, который должен был заменить Исаву его собственный.

Абор Исав занимает промежуточное положение между человеком и роботом. С помощью этого недостающего звена он, Альвар Жильцони, должен осуществить свой план.

Исав может и погибнуть на подступах к длинному Бигу. Но кто сказал, что научный прогресс может обойтись без жертв? Сколько людей погибло, прежде чем научились обуздывать термоядерную реакцию! А покорение космоса?

Но разве сравнить со всеми этими пусть большими, но частными победами уравнение мира? Неужели это много — ради единой теории поля, сулящей людям неисчислимы блага, пожертвовать полчеловеком?

Скорее к передатчику — он валяется, запылившийся, под столом. Жильцони не связывался с Исавом, кажется, целую вечность. Можно вызвать Исава и по обычной биосвязи — небольшой шарик биосвязи с полуроботом у Альвара в кармане, как всегда. Но передатчик надежнее.

Протирая веташкой экран, Жильцони решил, что покидать Воронье гнездо нет смысла: он будет отсюда руководить операцией, которую задумал.

Нельзя терять ни минуты, и так много времени упущено.

Вращая верньер настройки, Альвар размышлял. Поспешность может повредить. Нужно выработать план действий, хотя бы предварительный.

Он оставил передатчик и придвинул чистый лист бумаги.

С планом он провозился долго — часа полтора. Одни пункты

вымарывал, другие вписывал. Перечитал все и остался довольным — все звенья плана выглядели логично.

Теперь можно вызывать Исава.

— Главные козыри — дерзость и неожиданность,— пробормотал Жильцони, заканчивая настройку.

В мутноватой глубине экрана медленно возникла туманность. Постепенно она приобрела черты Исава. Время было послеследенное, Исав отдыхал.

Альвар молча вглядывался в лицо Абора, лишенное всякого выражения. Немигающий взгляд его в ожидании приказаний был устремлен на хозяина.

И это тот, кто должен выполнить великую миссию! Но что делать, именно Исав лучше всех других подходит для цели, которую поставил Альвар Жильцони.

— Слушай меня внимательно, Абор...— начал Жильцони, неизвестно для чего оглянувшись.

Закончив инструктаж, который не вызвал у Исава ни малейшего удивления, Альвар отключил передатчик.

Итак, машина запущена, Абор приступает к выполнению первого пункта плана. Чтобы добраться до салона индивидуального платья, ему потребуется минут сорок.

Как убить это время? Не мешает подумать о том, как он будет обуздывать избранника длинного Бига, если этот избранный вздумает проявлять сопротивление.

Взгляд Альвара остановился на початой пачке сигарет, забытой Исавом во время последнего посещения Вороньего гнезда. Абор курил такие крепкие сигареты, что у Альвара дух захватывало. Исав добавлял к табаку наркотики, уверяя, что лишь эта едкая смесь способна усмирять бслю, время от времени возникающие у него в затылке.

Жильцони знал причину этих болей, и потому старелся смотреть сквозь пальцы на пристрастие Исава.

Он повертел в руках пачку. В ящике стола у Альвара имелось немного весьма сильнodelствующего наркотика — цеона. Он держал его на случай, если Исава хвэтит приступ в Вороньем гнезде.

Можно наплатить сигареты цеоном и потом хорошенько заклеить пачку. Это будет неплохое оружие на случай, если придется кого-либо усмирить, подавить волю.

Сигареты снабжены фильтром, это хорошо для нападающей стороны. Кроме того, дым с примесью цеона очень быстро рассеивается, так что он не опасен для того, кто наберет в рот дыму и, не затягиваясь, сразу выпустит его. Зато тот, кто, ничего не подозревая, вдохнет дым...

Жильцони положил перед собой часы и занялся сигаретами, вытаскивая из стола цезон. Когда, кончив дело, он тщательно заклеил обработанную пачку, стрелка показала, что прошло 35 минут.

«Хорошо бы испытать на ком-нибудь действие сигарет», — подумал Альвар.

Он снова включил передатчик и принялся наблюдать за действиями Исава.

Глава четвертая

ИЗБРАННИКИ ДЛИННОГО БИГА

Находясь в Скалистых горах в течение долгого времени, Альвар не очень интересовался, чем живет мир, который он добровольно покинул, что происходит в нем, как он ест, во что одевается и чем развлекается.

У затворника Вороньего гнезда хватало своих забот и огорчений.

Теперь, наблюдая на экране, как размеренно шагает по улице Исава, Жильцони не переставал удивляться переменам, которые произошли в городской жизни за пятнадцать лет. Ритм жизни, кажется, еще больше убыстрился, если только это возможно. Разные детали приковывали внимание Альвара.

Ну, моды — бог с ними. Альвар никогда особенно не интересовался модой, поэтому его оставляли равнодушным кричащие наряды женщин, их шляпы, увенчанные пластиковыми аквариумами, огромные двойные кольца в ушах или рот, раскрашенный сияющей помадой на манер треугольника.

Некоторые вывески, мимо которых шествовал Исава, ставили Жильцони в тупик.

Что, например, может означать эта вывеска: «Салон индивидуального опрыскивания».

На двери изображена обнаженная нимфа, наполовину погруженная в пену, словно Афродита.

Перед вывеской Исава замедлил шаг и, наконец, остановился. Жильцони решил, что его помощник любит эту нимфу — его помощник был неравнодушен к женской красоте.

Исава следовало наказать за самовольное промедление. Жильцони полез в карман, где лежал биопередатчик, но в это время Абор толкнул дверь и вошел в «Салон индивидуального опрыскивания».

...В салон вошел субъект с остекленевшим взглядом. Странно

улыбаясь, он сделал еще более странный заказ: небесно-голубую форму программиста из обслуживания длинного Бигз.

Форма эта не составляла тайны — ее чуть ли не каждый день можно было увидеть на экране телевизора.

Поскольку желание клиента — закон, две девушки, мило улыбаясь, впихнули заказчика в свободную кабину, предварительно запрограммировав опрыскиватели.

Когда через две минуты клиент покинул кабину, голубой пластик плотно облегал его атлетические формы.

Жильцони мысленно отдал команду, и Исав переоделся в старое, а униформу ему завернули в аккуратный пакет. Когда заказчик, расплатившись, удалился все той же сомкамбулической походкой, среди скучающих сотрудников салона развернулись оживленные прения. Жильцони слушал их с интересом. Он по репликам мог догадаться о том новом, что появилось за время его пятнадцатилетнего отсутствия.

— Когда этот тип вошел, я решила, что это робот, клянусь богом! — прощепетала особа, занимавшаяся цветом напыскиваемой одежды: сотни оттенков пластика подчинялись ей.

«Значит, уже научились создавать роботов», — отметил про себя Альвар.

— Роботам запрещено напыскивать одежду, — мрачно произнес кассир.

— Вот-вот, — подхватила первая особа. — Я уж совсем было собралась звонить в полицию, а тут он как глянет на меня...

— Как?

— Так умно, пронзительно...

— Робот тоже умеет глядеть, — заметил кто-то из сотрудников салона.

Первая возразила:

— Нет, робот так глядеть не может.

— Ты ошиблась, детка, — заметил рыжий упаковщик, подмигнув остальным. — Это был типичный робот.

— К тому же явно несортовой, — подхватила шутку девушка, сидящая с ним рядом. — Разве у человека могут быть такие широкие плечи?

— А челюсти! Брр! — добавил упаковщик.

Конец дискуссии положил хозяин салона. Хлопнув ладонью по конторке, он произнес:

— Конечно, мы обслужили человека. Разве мы стали бы нарушать закон?

Больше всего на свете Абор хотел, чтобы прекратилась эта тупая разрывающая боль в затылке, которая толкает его на идиот-

ские поступки. Зачем, например, понадобилось ему это дорогостоящее голубое одеяние? И куда теперь нужно идти?

От боли лица окружающих казались зыбкими, нереальными. Мысли, едва зародившись, обрывались, словно кто-то гасил их.

Далеко отсюда, в Скалистых горах Альвар Жильцони сжал в кармане биопередатчик и отдал мысленную команду, — Исаа двинулся быстро, почти побежал.

— Так, так, голубчик, — бормотал Альвар, не спуская глаз с экрана. — Теперь — напрямик к длинному Бигу, и да поможет тебе бог!..

Повинуясь приказу извне, Исаа втиснулся в подземку.

Видимость на экране ухудшилась. Вагон на ходу слегка покачивался — световой круг на экране колебался.

Исаа сел, прижимая к груди пакет с одеждой. Свободной рукой он время от времени осторожно дотрагивался до затылка.

— Терпи, голубчик. Я вынужден... — прошептал Альвар.

Вагон пулей вылетел на поверхность и, миновав мост, углубился в окрестности.

В другое время Жильцони, не отрываясь, смотрел бы на непривычные контуры зданий, которые появились уже после того, как он поселился в Вороньем гнезде. Но теперь у него не было возможности созерцать удивительный пейзаж — Исаа чь на миг нельзя было выпускать из поля зрения.

«Пора переодеться», — подумал Альвар, не выпускающий из рук биопередатчик, и Исаа, отделенный от него сотнями миль, вскочил с места. Его внезапно осенило, что в пакете костюм, который следует надеть.

Он поднялся и, покачиваясь, двинулся в конец вагона. Через две минуты из туалета вышел программист длинного Бига в обычной голубой форме.

Когда поезд остановился и Исаа нерешительно вышел на перрон, пыльный и малолюдный, Жильцони, сосредоточившись, повторил задание.

Дальше держать Исаа «на поводке» биосвязи было опасно: он должен был вести себя естественно, ничем не выделяясь среди окружающих.

Исаа пристроился к цепочке служащих, которая неторопливо вытягивалась в турникет. Служащие были одеты точь-в-точь, как он. Вдали возвышалась колоссальная стена, окружающая ведомство длинного Бига.

Жильцони щелкнул тумблером. Экран начал наливать темнотой; будто кто-то вылил туда пузырек чернил.

Потянулись часы ожидания. Альвар томился. Он сходил к ис-

точнику, пошвыряя камни в расщелину, потом выпил кофе. Задумчиво повертел в руках пачку сигарет, заготовленных впрям особым образом.

Время!

Жильцони включил экран. Из турникета змейкой потянулись служащие. Они глядели под ноги и не разговаривали друг с другом.

А вот и Исаа! Лицо его выражало крайнюю степень усталости, глаза были полуприкрыты. Он знал, конечно, что ему грозит смерть, но не мог нарушить волю хозяина.

Альвару не терпелось спросить, кого назвал длинный Биг, но он сдержал себя: резкий толчок мог вывести Исаа из состояния призрачного равновесия, а это погубило бы все дело.

Исаа вышел из вагона и долго бродил по улицам. Он приходил в себя, словно пробуждаясь от долгого сна. Альвар не касался биопередатчика — отпустил вожжи.

Ко всему безучастный Исаа вышел на средину моста и остановился. Мимо него грохотал транспортный поток, спешили по своим делам люди, перескакивая с одной бегущей ленты на другую, но все это не занимало Исаа. Поставив локти на чугунный брус перил, он уставился на мутные волны.

«Излишняя самостоятельность — это плохо, — подумал озабоченно Альвар. — Как бы в воду не бросился, чего доброго».

Он сосредоточился и чуть-чуть сжал биопередатчик. Лицо Исаа исказилось гримасой боли.

Не оглядываясь, Исаа сошел с моста, прошел несколько улиц и остановился в чахом скверике, со всех сторон задавленным громадами домов. Людей здесь не было. Он подошел к скамейке и поспешно, словно его ударили по ногам, сел.

— Докладывай, — прозвучал у него в мозгу голос хозяина.

Исаа тихо сказал:

— Я выполнил задание.

— Давай по порядку. Ты установил контакт с длинным Бигом?

— Да.

— В программе поиска не напутал?

— Я повторил слово в слово задачу, которую ты сформулировал мне, хозяин.

— Сколько времени Биг решал задачу?

— Десять минут.

— За десять минут Длинный Биг пересмотрел все миллионы блоков? — недоверчиво переспросил Жильцони.

— Я засек время. Но решил сразу оттуда не выходить, чтобы не вызвать подозрений.

— Правильно сделал,— похвалил Жильцони.

— А логический лабиринт оказался очень простым...

— О лабиринте потом,— перебил Жильцони.— Тебя никто не заподозрил?

— Нет. Случилось другое.

— Что?

— Когда я давал Бигу задание, мне стало дурно. Едва сознание не потерял. Что-то с затылком...

Альвар перевел дыхание.

— Ты выполнил мое задание, Абор,— сказал он.— Я теперь в долгу перед тобой. Вот выйду из Вороньего гнезда, и займемся твоим здоровьем. А теперь скажи, кого назвал тебе длинный Биг?..

— Лили Шарло, 22 года, Восточный балет...— монотонным голосом произнес Исав.

«Женщина?..» Жильцони ожидал чего угодно, только не этого. Впрочем, почему бы и нет? История знает женщин-ученых, открывших в науке новые пути. Мария Кюри... Софья Ковалевская... Эмми Неттер... Теперь нужно отыскать эту Лили, познакомиться...

— Антон Пульвер, 54 года...— продолжал Исав.

— Как! Еще один?— не удержавшись, воскликнул Альвар.

— Антон Пульвер,— тем же безжизненным тоном повторил Исав,— младший клерк торгового дома «Либин и сыновья».

«Младший клерк!.. Почти эксперт третьего разряда. Как Альберт Эйнштейн. Правда, староват — Эйнштейну было вдвое меньше, когда он создал теорию относительности. Но это ничего еще не доказывает...»

— Крон Флин, центрфорвард национальной сборной людей по футболу...

— Футболист? — шепотом выдавил Жильцони.— Ничего не понимаю... И почему «людей»?

Кто еще, кроме людей, может играть в футбол? Уж не марсиане ли? Или венернаны? Жильцони в этот миг почувствовал со всей отчетливостью, что за пятнадцать лет, проведенных в Вороньем гнезде, сильно отстал от жизни, и многое стало ему непонятным...

— Кандидат в сборную мира людей, 19 лет,— продолжал Абор.

— Сколько же их всего... кандидатов в гении? — вырвалось у Альвара. Он с ненавистью смотрел на экран, будто именно Исав был повинен в неожиданном обилии кандидатов на создание единой теории поля.

— Биг назвал мне пятерых.

— Кто еще?

— Лиго Ставен, акробат...

— Только этого не доставало!..— простонал Альвар, закрыв лицо руками.— Акробат, клерк, балерина, футболист... Почему физикой не занимаются только физики? А пятый кто?

— Альвар Жильцони...

— Я?

— Ты, хозяин.

— Но я...— начал было Жильцони и тут же умолк. После длительной паузы голос его звучал, как всегда, твердо и уверенно.— Я опущусь на воды Дохлого кита завтра утром. Возле маяка. Жди меня там.

— Хорошо.

— Мы летим на восток. Проведаем звезду балета.— Жильцони посмотрел на пачку сигарет и усмеялся. Во время разговора его так и подмывало спросить: не встретил ли Исаа где-нибудь в городе случайно Шеллу? Он понимал, что такая вероятность ничтожна, но она ведь не равна нулю! Однако свой вопрос он не задал. Сейчас, когда, возможно, цель близка как никогда, он не имеет права размагничиваться.

Альвар вышел из купола подышать свежим воздухом. Его встретили ранние сумерки.

Кончается заточение в Скалистых горах! Не так, правда, как он мечтал. Что ж, он постарается добиться победы другим путем. Он подарит человечеству уравнение мира. Бессчетные поколения будут благодарны ему — победителя не судят.

Глава пятая

ЗВЕЗДА БАЛЕТА

Внизу простирались отроги невысоких гор. Орник шел высоко. Альвар подумал, что машина летит с натугой, словно старая птица, дни которой сочтены. Аппарат набрал еще высоты и, стянув крылья, перешел на реактивную тягу.

Исаа привалился к иллюминатору. Его бессмысленный взгляд провожал белые барашки, которые изредка скользили мимо орнитоптера. Время от времени Исаа подносил руку к затылку, и лицо его искажалось гримасой боли.

Когда боль утихла, Исаа вытащил из кармана шестигранный стержень биопамяти и, прислонив его к виску, принялся записывать свои мысли.

«Какие там могут быть мысли у Исавы? — пренебрежительно подумал Жильцони. — Они, должно быть, серы и однообразны, как эти облака, что бегут за иллюминатором».

Когда машина, покинув столицу, взяла курс на восток, Исав наскоро показал хозяину, как удобно пользоваться патронами биопамяти, если хочешь сделать какую-нибудь заметку. Для этого не нужно ни бумаги, ни карандаша.

— Когда изобрели эту штуку? — спросил Альвар, вертя в руках стержень, протянутый ему Исавом.

— Года три назад.

— Кто придумал, не знаешь?

— Чарльз Макгроун.

— Вот как?.. А казался такой бездарью...

Исав кивнул на стержень.

— Возьми себе, хозяин. У меня еще есть несколько.

Жильцони вернул ему патрон биопамяти.

— Предпочитаю записную книжку, — буркнул он.

Что принесут ему, Жильцони, ближайшие несколько часов? Может быть, уже сегодня вечером он станет счастливейшим обладателем уравнения мира?

Орник вел себя прилично, не барахлил, будто понимал ответственность предстоящего момента. Скоро аппарат коснется земли, координатор сообщит, что машина доставлена в заданную точку, Альвар выйдет в город, сольется с толпой... Затем — театр, сияющая примадонна, между делом занимающаяся физикой элементарных частиц...

Уж во всяком случае она хорошенькая — это единственное, в чем он почему-то был абсолютно уверен.

Интересно взглянуть, какими стали теперь ракеты. Но их царство было повыше — если хорошенько прислушаться, то можно было скорее угадать, чем уловить отдаленный смешанный гул, похожий на многочисленные громы.

Автопилот сообщал:

— До финиша десять миль.

— Снижаемся, — сказал Исав и спрятал в карман патрон биопамяти.

«Главное — не спугнуть эту самую Лили, — подумал Альвар, распрямляя затекшие ноги. — Она не должна ничего заподозрить. Правильный подход — это все».

За годы, проведенные в Вороньем гнезде, он отвык от деликатного обращения. Справедливости ради надо сказать, что и отвыкать-то особенно было не от чего. К счастью, самокритичность, не покинула Альвара, и он особенно остро почувствовал недо-

статки собственного воспитания сейчас, когда судьба толкала его в совершенно непривычные обстоятельства.

Орнитоптер вновь выпустил крылья и планировал, подобный огромному нетопырю. Локаторы выбирали место для посадки.

Исав встал с кресла и шагнул к люку. Косые лучи заходящего солнца, ворвавшегося в кабину на крутом вираже, из мгновения осветили мощный торс и широкую ладонь, обхватившую поручень.

«Не хотел бы я встретиться с ним в темном переулке, — подумал Жильцони.

Локаторы насилу выбрали свободный клочок гудрона.

Трудно передать чувство, с которым Альвар Жильцони спрыгнул на землю. Если не считать кратковременной остановки у маяка в заливе Дохлого кита, где он прихватил своего верного помощника Исава, Жильцони, словно блудный сын, возвращался к людям после пятнадцатилетнего отсутствия. Постаревший, но не сломленный.

Он шел медленно, часто останавливался. Не так ли чувствуют себя астронавты, высадившиеся на новую планету?

Они вышли на оживленный перекресток. Исав молчал, ожидая приказаний хозяина.

Все так же осторожно ступая, Альвар перешел на самую скорую тротуарную ленту — такой быстрой пятнадцать лет назад не было. Исав следовал за ним как тень.

Альвар жадно оглядывался. Дома стали еще выше, словно выросли. Но люди, если не считать одежды... люди, похоже, совсем не изменились.

Прокопченные стены то уходили немного в стороны от узкого стремительного ручейка из шероховатого пластика, то снова подходили вплотную, и тогда Альвару чудилось, что он снова в своем Вороньем гнезде, в ущелье, вокруг которого сгрудились скалы...

Найти дорогу, выбрать нужную ленту не составляло труда: путь к театру мог показать любой встречный.

На ленте мало кто стоял. Большинство продвигалось вперед, стараясь выгадать еще хотя бы минуту-другую. Прохожие с недоумением поглядывали на странную пару.

Как всегда в минуты волнения, Альвар почувствовал вдруг волчий голод. Поэтому перед тем, как идти в театр, он решил завернуть в кафе.

Они с трудом отыскивали свободный столик в самом углу, под пыльной пальмой.

Официант удивленно мигнул, когда приземистый мужчина с бычьей шеей заказал полдюжины бифштексов. Альвар взял какое-то блюдо наугад, не выбирая: лишь бы мясо.

В ожидании заказа молчали. Иса сидел, как всегда, безучастно. Лишь при виде молодых женщин, проходивших мимо, он несколько оживлялся. Жильцони вилок о нож выбивал нетерпеливый марш. Подумать только, через несколько минут перед ним в тарелке будут не консервы, не брикет опостылевшей хлореллы из выращивателя, а кусок настоящего мяса. Как оно пахнет, жареное мясо? Жильцони втянул носом воздух.

Иса размышлял о том, чем были заполнены последние дни, когда он вдруг — неизвестно почему — пробудился от полусонного прозябания. Зачем он ждал сегодня на рассвете хозяина, прогуливаясь по узкой бетонной дорожке, которая окружает маяк? Зачем он прыгнул в орник Жильцони, который опустился на мутные волны залива Дохлого кита? А зачем накануне с риском для жизни пробирался сквозь лабиринт защиты к длинному бигу? Он снова припомнил задачу, сформулированную хозяином для длинного Бига: «Отыскать среди информ-капсул ту, которая отвечает человеку, наиболее совершенному или могущему впоследствии стать наиболее совершенным...» Дальше шло что-то про физику, единую картину мира, длинные слова, которые казались бессмысленными, — они путались на языке и вызвали желание сплунуть. И потом эта боль, эта проклятая боль. Как раз в тот момент, когда он побелевшими от страха губами шептал задание Бигу, невидимая рука вонзила в затылок раскаленный гвоздь. Абор знал, что может умереть в любую минуту. Но уж лучше смерть, чем такие приступы...

— Болит? — прервал его размышления Жильцони.

Иса осторожно помотал головой, словно боясь разбудить боль.

— Ничего, Ис... скоро у нас будут деньги.

Глаза Иса блеснули.

— Много? — спросил он.

Жильцони усмехнулся:

— Я отвалю тебе миллион.

— А кто нам даст?

— Благодарное человечество, — загадочно ответил хозяин.

— Миллион... Тогда я вылечусь.

— Вылечишься, — пообещал Жильцони.

Официант принес заказ.

Иса равнодушно расправлялся с бифштексами. Альвару показалось, что мясо, которое ему подали, имеет странный привкус. Он подозвал метрдотеля и пожаловался.

— А что ж вы хотите? Это синтетика, — пояснил тот вежливо-равнодушно.

— Но я не заказывал синтетику!

— У нас другая пища не подается.

Альвер в раздумье посмотрел на кусок дымящегося мяса, которое ну решительно ничем не отличалось по виду от натурального.

— Где я могу получить натуральную пищу?

Метрдотель с интересом посмотрел на него:

— Вы, наверно, иностранец?

— Как вы угадали?

— Сразу видно. У нас впервые?

— Да нет. В последний раз я был здесь пятнадцать назад,— сказал Жильцони.

— Пятнадцать лет — это целая вечность,— улыбнулся метрдотель. — Раньше, действительно, в кафе подавали натуральные продукты. Но с тех пор многое изменилось...

— Я вижу.

В продолжение разговора Исав сидел с каменным лицом, поглощая бифштексы.

— У нас в городке, например, осталось только одно кафе, где подают натуральное мясо,— продолжал метрдотель. — Но порция стоит целое состояние.

Метрдотеля позвали и он, извинившись, величаво удалился. Жильцони кое-как доедал свое блюдо, когда внимание его привлекла компания юнцов, которая веселилась за соседним столиком. Вина они почти не пили, но выглядели явно под градусом. Курили, правда, многовато и как будто бы украдкой: сделав затяжку, тотчас прятали сигарету.

Приглядевшись, Жильцони заметил, что сигареты совсем не дают дыма.

— Что это? — спросил он.

— Где? — не понял Исав.

— Вон,— указал Альвер глазами в сторону юнцов.

— Наркотики курят.

— Теперь можно курить наркотики?

— Не то чтобы можно. Но владельцу кафе это выгодно, и он смотрит на наркоманов сквозь пальцы,— пояснил Исав.

— А полиция?

— Рука руку моет,— зевнув, произнес Исав.

Надрывные звуки джаза доносились откуда-то из подпола. На вопрос, с чем это связано, Исав пояснил:

— Сейчас так модно. Считается, что удобнее танцевать, когда звук идет снизу.

Альвар расплатился, и они вышли на улицу; залитую мертвенным светом.

— Куда теперь, хозяин? — спросил Исав.

— Прогуляемся.

— У нас нет времени.

— Нет времени? — переспросил Альвар.

— Мы должны спешить.

— Интересно, куда же это?

— Получить деньги, о которых ты говорил. Ты же знаешь, что мне они необходимы.

Альвар улыбнулся.

— Деньги получить не так-то просто. Вот мы пройдемся не спеша да поразмыслим, как и что...

Исав, не дослушав, сжал кулаки и угрожающе двинулся к Жильцони. Тот небрежно сунул руку в карман, и Исав тут же остановился, схватившись за затылок и охнув от боли.

— Опять? — участливо спросил Альвар. Исав что-то промывчал в ответ.

Театр отыскали быстро.

Старинное здание, стесненное надменными гигантами, пыталось сохранить остатки самоуверенности. Но бронзовые львы, лежащие у входа, давным-давно слипли, казалось, в выражении их морд сквозила печаль.

Хотя до начала спектакля было больше часа, билеты они достали с превеликим трудом, заплатив за них втридорога. Это удивило Альвара: он считал, что если за пятнадцать лет театр и не умер окончательно, то находится на грани отмирания. А тут аншлаг и толпа театралов, осаждающая вход.

Исаву ничто не удивляло. Стоя в сторонке, он флегматично наблюдал, как хозяин в поте лица добывает билеты.

Здесь нужно признаться, что Абор Исав впервые в жизни ступал под священные своды театра. Он вообще относился к искусству скептически, считая его пустой и вредной забавой. Исключение Исав делал только для балета, но наблюдал его лишь по телевизору.

И сейчас он спокойно ожидал начала представления, не испытывая никакого волнения, когда занавес поднялся.

Что касается Жильцони, то он тоже плохо следил за действием. Его больше интересовали актрисы. Как угадать, которая из них Лили Шарло? Картина сменяла картину. Разгневанные космические волки плясали огненную джигу. Раненная на охоте антилопа красиво умирала, роняя натуральные слезы.

И вдруг... Это было похоже на чудо. На сцену вышла королева. Неся невесомое тело, она приблизилась к своим клевретам, и те замерли, устремив на нее взгляды. Каждое движение женщины было исполнено непередаваемой грации.

Лилась музыка, но ее рождал не оркестр, нет, а завораживающие пируэты танцовщицы.

Чтобы проверить свое впечатление, Жильцони покосился на соседей.

Старичок в смокинге, сидевший слева, смотрел в бинокль и таял от удовольствия.

Даже Исаа, и тот утратил обычную сонливость, и глаза его приобрели осмысленное выражение.

Жильцони преодолел сильнейшее искушение сжать биопередатчик и привести помощника в чувство, точнее в бесчувствие. Если он не сделал этого, то не из человеколюбия, а единственно потому, что боялся, как бы Абор не нарушил очарования минуты: в последнее время он переносил свои приступы особенно болезненно.

— Кто это? — почти беззвучно прошептал Жильцони, коснувшись губами розового уха старичка. Тот с негодованием отшатнулся, затем развернул программку, лежащую на коленях, и ткнул пальцем в короткую строку.

«Королева Эридана — Лили Шарло», — прочел взволнованный Жильцони.

Когда на сцене появилась королева Эридана, остальные персонажи для зрителей перестали существовать.

Жильцони поддался общему гипнозу — он следил только за Лили. И что ж тут в конце концов странного, что ей, королеве, подвластны новейшие разделы физики? Наверно, она обладает способностью все, что происходит вокруг, схватывать налету. В таком случае и тайны микромира для нее — открытая книга.

Быть может, она и не подозревает о своем божественном даре — что из того? Это даже лучше — с тем большей легкостью поделится она с Альваром своими открытиями. А не захочет... Альвар пощупал в кармане пачку сигарет, пропитанных цеоном.

По окончании спектакля Жильцони оставил Исаа у входа. Он решил, что разговор с первой из избранниц длинного Бига должен происходить тэт-а-тэт.

За кулисами пахло пылью. Жильцони пробирался узкими коридорами, разглядывая таблички на дверях.

Похоже, коллеги Лили Шарло относились к ней несколько иначе, чем восторженная публика. На вопрос Жильцони, как разыскать примадонну, две балерины молча переглянулись и хи-

хикнули, а мужчина в униформе, указавший Альвару дорогу, недоуменно посмотрел на него и хотел, видимо, что-то сказать, но только махнул рукой.

У заветной двери Альвар постоял немного, переводя дух, и тихонько постучал. Никто не ответил. Постучал еще раз, погромче — с тем же успехом.

— Входите так,— посоветовала пробегавшая мимо балерина

Жильцони толкнул дверь и вошел.

Королева сидела вполоборота у зеркала, снимая грим.

— Добрый вечер,— сказал Альвар.

Лили ничего не ответила, только улыбнулась, разглядывая в зеркало гостя.

— Надеюсь, вы простите меня за вторжение...— Альвар приотворил дверь и сделал несколько шагов.

Лили продолжала молчать.

— Я взял на себя смелость от имени всех ваших поклонников и поклонниц...

Королева продолжала молча улыбаться, только улыбка у нее стала какой-то жалкой. «Словно в дурном сне. Не понимает она меня, что ли?» — мелькнуло у Жильцони.

Неожиданно Лили жестом, исполненным той же грации, что и каждое ее движение, показала на свои уши. «Она не слышит, глухая,— догадался Альвар.— Но в таком случае, как же она, танцуя, улавливает ритм музыки?»

Жильцони подошел к балерине и поклонился.

Лили показала рукой на свободный стул.

Каждый жест ее был естествен. Не в этом ли заключался секрет успеха Лили Шарло?

«И впрямь королева,— подумал Жильцони.— Глухая королева, которая сейчас, сама того не ведая, навеки осчастливит одного из своих подданных».

Альвар достал блокнот и карандаш и четко вывел на первой странице:

«Я покорен вашей игрой».

Лили тихо повторила:

— Игрой?

«Вы изумительно танцуете», вновь написал Альвар.

— Вам нравится, честно?

Жильцони энергично кивнул, радуясь, что они нашли наконец-то общий язык.

— Всем нравится, как я танцую,— тихо сказала Лили,— кроме одного человека.

— Кто же это?

— Я.

— Вы?

— Мне порой кажется, что я совсем не умею танцевать. Во всяком случае, что я могла бы танцевать гораздо лучше. И сознание этого доставляет мне боль...

Лили потрогала лежащий перед ней букет роскошных роз, улыбнулась своим мыслям.

— Зато когда мне удастся станцевать так, как я хочу... это блаженство,— произнесла она.

Жильцони вертел в руках блокнот.

«Танцы — это еще не все в жизни», — написал он после раздумья.

— Я не знаю ничего, кроме танцев.

Жильцони взялся было за пачку сигарет и опустил ее. Он почувствовал, что Лили говорит правду.

— Танцы — это вся жизнь...

Голос девушки, и без того тихий, перешел в еле слышный шепот. Казалось, она засыпает.

Лили Шарло, конечно, можно было назвать гениальной. В своей области. Как балерина она была неподражаема — это-то Альвар понял. Но столь же ясно он понял и то, что Лили Шарло, примадонна Восточного балета, 22 лет, явно не имеет никакого отношения к мю-мезонам, античастицам и кваркам...

Неужели длинный Биг что-то напутал и выдал не ту кандидатуру? Неужели случилась ошибка, одна из тех, которые происходят, по теории вероятностей, хотя бы одна на миллион? Случайный импульс — и Биг выбрал не ту капсулу, которую нужно было, а соседнюю, несмотря на то, что в этих капсулах была совершенно различная информация.

К счастью, Биг не ограничился только Лили Шарло и Альваром Жильцони, иначе список оказался бы исчерпанным.

Выйдя из уборной примадонны, Альвар спрятал блокнот, вытащил записную книжку и аккуратно зачеркнул имя Лили Шарло.

Себя он вычеркнул раньше, учитывая опыт пятнадцатилетних трудов в Вороньем гнезде.

В коридоре поникшего Альвара догнал толстяк с отвисшей губой.

— Вы, наверно, из газеты? — начал он.

Альвар ускорил шаг, но толстяк не отставал.

— В последнее время у нас много гостей, которых раньше не было, — продолжал толстяк, семеня рядом. — Радио, телевидение... Сегодня еще тихо, только вы вот пришли, а в иные дни — прямо-таки нашествие.

— Вот как?

— Слава о Лили Шарло расходится, как круги на воде, шире и шире.

— Я рад за нее,— процедил Альвар.

— Вы были на спектакле?

— Да.

— Скажите честно: здорово?

— Я бы сказал, неплохо.

Толстяк поджал губу. Он явно ожидал самых восторженных излияний.

— А вы знаете, что пишут о Лили газеты?

— Газет не читаю.

— И давно?

— Пятнадцать лет.

— Ха-ха, неплохо. В таком случае позвольте, я вам процитирую.— Он выхватил из кармана довольно толстую пачку газетных вырезок. Листки образовали в его руке веер, которым толстяк энергично размахивал.

Разговор заинтересовал Альвара.

— Где же это... позвольте... ага, вот! — толстяк вынул нужный листок и с выражением прочел: «Танец Лили Шарло — это феерическое зрелище, которое дает представление о небесном совершенстве и может примирить человека с богом».

— Сильно сказано,— заметил Жильцони.— Впрочем, провинциальные газеты склонны к преувеличениям. Это отметил еще Марк Твен.

— Это справедливая оценка,— возразил толстяк.— Поверьте опыту старого режиссера.

Режиссер взял Альвара за пуговицу.

— Танцевать — это единственное, что умеет Лили Шарло. Но зато никто на земле не танцует лучше, чем она,— голос толстяка зазвучал торжественно.— Так можете и написать в своей газете.

— Напишу,— пообещал Жильцони.

Подле унылого льва Исав оживленно беседовал с молоденькой балериной.

— В машину,— бросил ему Жильцони, проходя мимо.

...Земля внизу покачнулась и плавно выровнялась. Орник набрал высоту и лег на новый курс.

Жильцони оторвался от пульта, мельком глянул на застывшего, ссутулившегося Исаву и со вздохом вытащил записную книжку. Раскрыл ее и жирно подчеркнул второе имя, шедшее по списку, который выдавал длинный Биг.

Итак, Антон Пульвер. Младший клерк торгового дома «Либин и сыновья».

Почему-то Альвару Жильцони казалось, что на этот раз его ждет удача. Не мог же длинный Биг ошибиться два раза кряду?

АНТОН ПУЛЬВЕР

Глава шестая

Орник приземлился удачно. Впрочем, слово «приземлился» в данном случае не совсем подходило — аппарат опустился на плоскую кровлю строения, которое располагалось в центральной части города. Здесь, согласно данным длинного Бига, обитал Антон Пульвер, второй кандидат в гении.

В полете Исав пытался расспрашивать Альвара, почему они так скоропалительно покинули Восточный театр, где столько интересных девочек, чем закончился его визит к Лили Шарлр, а главное, где обещанные деньги?

— Отстань, — буркнул Жильцони, и Исав послушно умолк.

В воздухе, обгоняя друг друга, густо ронялись индивидуальные и многоместные летательные аппараты — был вечерний час пик.

Жильцони и Исав отыскивали действующий эскалатор и спустились на улицу.

Автопилот сработал точно. Здание, на которое они сели, являлось административным корпусом фирмы «Либин и сыновья», о чем говорила неоновая вывеска.

На сей раз Альвар решил поручить первый визит Исаву, который должен был выяснить, на каком этаже, в какой комнате трудится Антон Пульвер, и доложить об этом хозяину.

Но план Жильцони встретил препятствие. Оказалось, что проникнуть на территорию фирмы невозможно. Посланный в разведку Абор вернулся ни с чем — бдительные фотозлементы, едва он подошел ко входу, зафиксировали человека, который не является служащим фирмы, и стальной турникет ошестинился, не впуская чужака.

— Этот Либин защищен лучше, чем длинный Биг! — не переставал удивляться Исав.

Жильцони пояснил:

— Либин — частная фирма.

Нужно было обдумать новый план, и Альвар, велев Абору ждать его, отправился побродить по улицам.

Гулял Жильцони долго, но так ничего и не придумал. Он устал и проголодался, и потому вошел в первое подвернувшееся кафе.

Наскоро перекусив, решил заказать бутылку синтетического вина, соблазнившись его умеренной ценой.

Утолив голод и жажду, Жильцони задумался. Разыскать человека в городе, конечно, не проблема. Но как прийти к нему, не вызвав никаких подозрений?

За соседним столом сидели двое, и Альвар против воли стал прислушиваться к их разговору, когда он стал слишком громким.

— А я тебе говорю, что сам Либин в духах Коти ничего не смыслит,— горячился один.

— Ну уж не смыслит,— усомнился другой.

— Конечно, не смыслит! И сыновья в папашу — им только прибыль подавай.

Жильцони наострил уши. Он понял, что эти двое — служащие фирмы «Либин и сыновья». Судьба послала Альвару удачный случай — нужно было не прозевать его.

Скрепя сердце Жильцони заказал еще одну бутылку и попросил у соседей разрешение пересест за их столик.

Двое умолкли, выжидательно глядя на Жильцони.

— Тебе чего? — сказал, наконец, один.

— Да вот,— указал Альвар на бутылку,— не можете ли одолеть?

— А сам что, не справишься? — буркнул другой.

— Боюсь, что нет,— Альвар постарался улыбнуться как можно любезнее.

— Что ж, можно и помочь,— решил первый.

— Присаживайся! — подмигнул его приятель.

Бутылку мигом осушили, после чего Жильцони подозвал официанта и заказал еще.

— Эге, да ты, я вижу, парень с кошельком,— заметил первый, худощавый человек болезненного вида. Ему, похоже, не исполнилось и тридцати, но виски его были белыми.

Между тем второй, жизнерадостный толстяк (Жильцони мысленно окрестил его Живчиком), отдавал должное угощению.

— Ну, давай выкладывай, что там у тебя,— неожиданно велел Живчик. Он отодвинул пустой стакан и посмотрел на Альвара.

— Вы у Либина работаете?.. — начал Жильцони.

— С чего ты взял? — спросил худощавый.

— Я случайно услышал ваш разговор...

— А ты не подслушивай.

— Да брось, чего там,— перебил приятеля Живчик.— Три четверти города так или иначе работает на фирму Либина.

— Допустим, мы служим у Либина,— сказал худощавый.— Что отсюда следует?

Альвар откашлялся.

— Видите ли, я собираюсь осесть в этом городе...

— Дальше.

— Работу подыскиваю.

— Издалека ты? — поинтересовался Живчик.

— Скалистые горы.

— Почему уехал? — спросил худощавый.

Альвар понял, что ему не доверяют, потому и расспрашивают. Он постарался, чтобы ответ звучал убедительно:

— Скучно там, в Скалистых горах. Иногда, поверите, слова перемолвить не с кем.

Худощавый махнул рукой:

— А что здесь хорошего? Теснотища, человек на человеке сидит. А тут еще эти белковые истуканы появились, того и гляди, совсем вытеснят людей. Как будто мало с нас механизации!

— Ничего, не так все страшно,— улыбнулся Живчик.

Худощавый спросил:

— Специальность какая?

— Программист,— наугад брякнул Жильцони.

Живчик кивнул:

— Как и мы.

— Найти место не так-то просто,— вздохнул худощавый.— Безработных в городе, знаешь, сколько?

Живчик хлопнул Альвара по плечу:

— Ладно, не вешай нос, что-нибудь придумаем. А? — повернулся он к собутыльнику.

— Попробуем.

— Спасибо, ребята,— сказал Жильцони, несколько ошеломленный таким неожиданным поворотом разговора.

— Спасибо скажешь потом,— заметил Живчик, прожывая закуску.— А пока...

— Полдюжины бутылок на бочку,— закончил худощавый, и глаза его блеснули.

Альвар незаметно ощупал укоротившийся кошелек-пистолет и снова пригласил официанта.

— Повторить,— сказал Жильцони.

Живчик хлопнул по столу.

— Этой бурдой будешь угощать свою бабушку,— воскликнул

он.— Я думаю, по случаю знакомства не грех отведасть натурального. Я и вкус его позабыл.

— И я позабыл,— присоединился художавый.

— Отличная мысль,— через силу улыбнулся Альвар.

Разницу между синтетическим вином и натуральным Альвар почувствовал сразу, хотя вряд ли мог бы определить ее словами. Но сейчас ему было не до гастрономических тонкостей. Жильцони следил за тем, чтобы стаканы не пустели, вовремя наполняя их драгоценной влагой, и вскоре все трое достигли того блаженного состояния, когда море по колено и все на свете трин-трава.

— Ты, парень, в сорочке родился,— доверительно сказал Альвару Живчик.

— Программисты Либину нужны,— пояснил художавый, делая глоток из стакана.

— А чем занимается Либин? — спросил Жильцони, все время думая, как перевести разговор на интересующую его тему.

— Всемирная и знаменитая торговля парфюмерными товарами,— сказал Живчик.— Но парфюмерия, сам понимаешь, ширма. На самом деле, Либин торгует из-под полы разного рода допингами, проще сказать — наркотиками...

— Цеон?

— И это есть... Стоп, а ты не из инспекции? — вдруг схватил Альвара за руку художавый.

— Что вы, ребята, клянусь богом...

— Брось, непохож он на инспектора,— вступился за Альвара Живчик.

— Инспекцию Либин и так, наверно, закупил на корню,— махнул рукой художавый, едва не смахнув со стола пустую бутылку. Жильцони разлил по стаканам последнее вино.

— Я слышал, у Либина есть множество занятных должностей,— пустил он пробный шар.

— Например? — заинтересовался художавый, глядя на Альвара осовевшими глазами.

— Например, клерки.

— Клерки! — пьяно захохотал художавый.

— Клерки! — подхвятил Живчик.

Альвар, недоумевая, смотрел на обоих, не понимая решительно, что могло вызвать такой неожиданный и бурный приступ веселья.

— Не обижайся, приятель,— выдавил наконец Живчик, справившись со смехом.— Дело просто. Старый Либин у нас того,— покрутил он пальцем у виска.— Обожает старину, древность, ста-

ринные словечки и все в таком роде. Вот и слово «клерки». Он так называет всех программистов, которые у него работают.

— Значит, клерк — это программист? — переспросил Альвар с довольно глупым видом.

— Вот именно, — снова захохотал Живчик.

Альвару казалось, что этих милых, симпатичных людей он знает давно, чуть ли не всю жизнь, и что он такой же, как эти двое, трудяга-программист, радующийся угощению. А пятнадцать лет подвижничества, уравнивание мира, Скалистые горы, Воронье гнездо, — не более, чем сон.

Жить бы вот так, без особых забот, с птичьими интересами, не думая об огромном мире. Взвалить его на плечи под силу разве что Атланту...

— А кто у вас лучший программист? — спросил Жильцони, когда множество других тем было исчерпано.

Живчик вытер губы:

— Антон Пульвер.

— Антон Пульвер, — словно эхо повторил Альвар. Ему почудилось, что вокруг посветлело.

— Слышал о нем, что ли? — спросил художавый.

— Слышал, — признался Альвар.

— Немудрено. Наш Антон — гениальная личность, — произнес Живчик.

— Гениальная? — радостно переспросил Жильцони.

— Безусловно, — подтвердил художавый.

— А вы не преувеличиваете, ребята?

— Антон в два счета решит тебе, чего угодно, это точно, — сказал Живчик.

— Он решает задачи, перед которыми пасует калькулятор, — добавил художавый.

— Тогда почему Антон Пульвер всего-навсего младший клерк? — спросил Альвар.

Его собеседники переглянулись.

— Очередной заскок Либине, — сказал художавый.

Живчик пояснил:

— Наш шеф считает, что старший программист — это сам господь бог. Ну, а сотрудники фирмы, естественно, лишь младшие программисты.

Альвар почувствовал, что хмель из его головы быстро улетучивается.

— А физикой он занимается? — бросил Жильцони как бы между прочим.

— Может, и занимается,— пожал плечами Живчик.— Я в этом ничего не смыслю.

Альвар не стал больше допытываться, опасаясь вызвать подозрения.

— Наш Антон переплюнет самого Эйнштейна! — прокричал вдруг художавый.

— Да ну? — подзадорил Жильцони.

— Бьюсь об заклад.

— А знаете, друзья, о чем я мечтал всю жизнь? — сказал Жильцони.

— О чем, козявка? — безразлично спросил художавый.

— Познакомиться с настоящим гением. Таким, как ваш Антон Пульвер.

— За чем же дело стало? — осведомился Живчик.

— Легче грешнику проникнуть в рай, чем попасть на территорию вашей компании.

— Это верно,— согласился Живчик.— Старик Либин подозрителен, как тысяча дьяволов, и охрана у нас — дай бог.

— Говорят, не хуже, чем у длинного Бига,— добавил художавый.

Фортуна явно поворачивалась к Альвару. Новокспеченные приятели легко согласились познакомить его с Антоном Пульвером. Договорились на завтра, так как сегодня было уже слишком поздно.

Когда Жильцони вернулся в гостиницу, Исав уже спал. Он тяжело дышал, словно подымая каждым вдохом каменную плиту.

Жильцони почувствовал внезапный приступ нежности к своему подневольному помощнику. Я не обижу его, великодушно подумал Альвар, отвалю ему миллион. А почему бы и нет? Может, теперь врачи и сумеют ему помочь. Сколько всего за эти годы напридумано!

Напевая, Альвар рухнул на койку.

Номер Исав снял, как Жильцони велел ему, из дешевых. Койка при малейшем движении скрипела, воздух в комнате стоял затхлый, тяжелый. Но какое все это имело значение!

Дом, в котором жил Антон Пульвер, располагался на отшибе.

— Далековато,— сказал Альвар своим новым приятелям.

Как теперь он узнал, Живчика звали Эльгар, художавого — Николас. Сегодня они были не так веселы, но дружелюбия по отношению к Альвару ни у одного не убавилось.

Когда компания добралась до нужного этажа, Николас позвонил.

На пороге стоял высокий старик. На патриаршем лице было

написано недоумение. Седая грива достигала плеч. Он был худ, как жердь, и слегка сутулился.

«По данным Бига, ему 54 года,— подумал Жильцони.— Но выглядит он старше на десяток лет».

Антон Пульвер все еще стоял, загораживая вход, и смотрел на гостей не очень-то доброжелательно.

— Принимай гостей, Антон,— сказал Николас.

— Ну, проходите, раз уж пришли,— проворчал хозяин, освобождая дорогу.

В комнате Жильцони огляделся. Две стены целиком заняты стеллажами, уходящими под потолок. Стеллажи битком набиты блоками памяти и книгами. Жильцони прищурился, пытаясь разобрать надписи на корешках книг.

Пульвер, похоже, жил один. В комнате царил ужасающий беспорядок.

Стол был загроможден бумагами, патронами биопамяти, а на подоконнике единственного, но зато широкого окна лежал толстый слой пыли.

— Садитесь кто где хочет,— пригласил Антон.

Жильцони сел в кресло с продавленной спинкой.

Ни о чем не спрашивая, Пульвер подошел к стеллажу, вытащил большого формата книжку и протянул ее Альвару.

— Что это? — спросил Жильцони.

— Деенадцатизначные таблицы Карла Шенкерта,— сказал Пульвер.— Незаменимое пособие для психопрограммистов, как они,— он кивнул в сторону новых приятелей Жильцони, усевшихся рядом на узкой софе неопределенного цвета.

— А разве вы не программист? — удивился Жильцони.

— Вы правы, молодой человек,— сказал Пульвер.— Я такой же клерк, как они. Да только мне это пособие ни к чему, потому что я помню его наизусть.

— Весь справочник? — недоверчиво переспросил Альвар, взвешивая в руке книгу.

Эльгар и Николас улыбались — наверно, видеть весь этот спектакль им было не впервой.

— Спрашивайте,— предложил Пульвер.

Жильцони наугад раскрыл толстенный том и ткнул пальцем в первую попавшуюся строку:

— Синус двадцати четырех градусов восемнадцати минут четырнадцати секунд.

Пульвер на миг прикрыл глаза. Лицо его как бы отвердело и казалось синеватым в свете стенных панелей — их пришлось включить, потому что на улице потемнело.

Через секунду Пульвер произнес ответ. Альвар проверил: он совпал со справочным...

— Невероятно,— произнес Жильцони.

Пульвер скупо улыбнулся, весьма довольный произведенным эффектом:

— Давайте еще.

Альвар долго гонял его по таблицам, и младший клерк ни разу не ошибся.

— Не верится, что такие вещи в человеческих силах,— сказал, наконец, Жильцони, захлопывая справочник.

— Это что,— продолжал Пульвер,— это пустяки. Я продемонстрирую вам сейчас нечто более интересное...

Он подошел к столу, перебрал несколько предметов и, наконец, протянул Альвару старенький калькулятор, похожий на тот, который верой и правдой служил затворнику Вороньего гнезда.

Такого Жильцони не доводилось видеть! Это было грандиозное состязание между человеком и калькулятором, причем счет был явно не в пользу последнего.

Каждый раз этот удивительный человек оказывался — пусть на какие-то доли секунды — впереди калькулятора.

Антон Пульвер множил и делил многозначные числа, возводил их в высокие степени и извлекал корни, логарифмировал и потенцировал, и со все возрастающим чувством изумления Альвар убеждался, что каждая новая задача решена верно.

Жильцони охватило радостное чувство. Он подошел к раскрытому окну. Душный воздух был недвижим. Время от времени вдали полыхали беззвучные зарницы. Повсюду, куда ни кинешь взгляд, высклились серые громады старых зданий окраины.

— Я потрясен,— сказал Альвар.

Пульвер махнул рукой:

— Задачи для пригодишешек.

— Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать, что предпочитаю задачи посложнее, чем эта дурацкая арифметика.

— Например?

— Например, дифференциальное уравнение. Или, скажем, порядочный интеграл.

Когда с прежней чарующей легкостью, без бумаги, в уме Антон Пульвер принялся щелкать дифференциальные и интегральные уравнения, одно сложнее другого, чем окончательно посрамил калькулятор, Жильцони уверовал, что на этот раз длинный биг не ошибся, и уравнение мира уже не за горами.

Только как приступить к нему, к этому уравнению?

— Можно посмотреть, чем вы увлекаетесь? — спросил Альвар и показал на стеллажи.

— Прошу, — сказал Антон.

Жильцони подошел к полкам и вытащил книгу, которая стояла с края. «Численное решение дифференциальных уравнений». Следующая книга. «Руководство к быстрому счету». Дальше, дальше... «Как упражнять память при операциях с крупными числами», «Чародей-вычислитель». «А я утверждаю: память человека бездонна!..». «Методы интегрального контроля собственной памяти». Любопытно, конечно, но при чем здесь физика?

Альвар перешел к другому стеллажу. Он так рьяно перебирал блоки и книги, что это заинтересовало Пульвера.

— Вы что-то ищете? — спросил он.

Жильцони смешался:

— Меня интересует одна вещь...

— Какая же? — спросил Пульвер, настроившийся на благодушный лад.

— Я не вижу у вас книг по физике.

— А зачем они?

— Я хотел... Я думал, что если ваши изумительные математические способности простираются и на область физики... — Альвар умолк, не зная, как закончить фразу, но его выручил Пульвер.

— Напрасно ищете, молодой человек, — сказал он.

Жильцони вопросительно посмотрел на клерка.

— Эту науку не терплю, — пояснил Пульвер.

— Физику? — внезапно охрипшим голосом спросил Жильцони. Антон Пульвер не терпит физику? Быть может, это просто неудачная шутка?..

— Да, да, физику, — раздраженно произнес Пульвер и принялся расхаживать по комнате.

— Почему?

— Давать пояснения — не в моих правилах, — сказал Пульвер. — Но вам, так и быть, поясню, — добавил он, внимательно посмотрев на лицо Альвара. — Вы, наверно, в прошлом занимались физикой? А возможно, и сейчас занимаетесь ею?

Альвар кивнул.

— Я так и думал, — продолжал Пульвер, — и поэтому хочу сделать доброе дело.

Жильцони прислонился к стеллажу.

— Физика! — неожиданно выкрикнул Пульвер. — Физика! Наука о природе. Как будто несчастный человеческий ум сможет когда-нибудь познать природу до конца! Как будто недостаточно опыта нескольких тысячелетий, чтобы познать, наконец: каждая част-

ная разгадка ставит десятки новых вопросов, ответ на каждый из них выдвигает сотни новых задач, и так далее, до бесконечности... Человечество похоже на ребенка, заблудившегося в лесу. Ему бы повернуться и идти назад, след в след. Тогда бы еще был какой-нибудь шанс спастись. Но он беспечно топает вперед, раздвигает кусты и любуется сорванным цветком, не понимая, что каждый шаг вперед приближает роковой исход.

Альвар облизал пересохшие губы. Где-то слышал он или читал эти слова, эти цветистые фразы?

— Мальчишка заблудился, я понял это давно! — продолжал Пульвер, останавливаясь перед Альваром, и непонятно было, кого он имеет в виду: человечество, себя или Жильцони?

Может быть, Пульвер темнит? След замечает?

— Ваши предпосылки неверны, — сказал Альвар.

Комната — сплошная глыба духоты — медленно кружилась, это раздражало его, мешая сосредоточиться.

— Вы занимаетесь единой теорией поля? — вдруг спросил Пульвер, остановившись перед ним.

— Да.

— Мой вам добрый совет — бросьте! — посоветовал Антон. — И чем скорее, тем лучше.

Николас и Эльгар недоуменно переглядывались.

Младший клерк стоял перед Жильцони, и со стороны казалось, что это вышедший из себя учитель отчитывает нерадивого ученика.

— Но вы-то сами, похоже, были не так благоразумны, — отчеканил Жильцони.

— То есть?

— То есть другим вы раздаете советы оставить науку, а сами все-таки вкусили от дреза познания нашего мира, — медленно произнес Жильцони, в упор глядя на собеседника. Ему показалось, что Пульвер вздрогнул.

— Заблуждаетесь, мой молодой друг, — сказал Пульвер. — Этот плод мне вкусить не пришлось.

Жильцони решил играть ва-банк:

— Думаете, я не догадался, почему у вас нет ни единой книги по физике? Вы специально их уничтожили, чтобы никто не догадался о вашем открытии.

Альвару показалось, что в глазах Пульвера мелькнуло выражение безумия.

— Знаете, в чем трагедия Эйнштейна? — произнес Пульвер. — В том, что он слишком рано родился. К первой половине двадцатого века физика накопила слишком мало фактов о мире атомного ядра. Знаете, в те годы этот мир в ученых статьях именовали стран-

ным. В ученых статьях! Разве один этот штрих — не свидетельство бессилия? Гений не может не опираться на факты. Любой великий ум неизбежно ограничен своим временем. Пьедестал для него — уровень современной науки. А если пьедестал слишком низок — может ли человек дотянуться до вершины, даже если он великан?

Пульвер перевел дух и закончил:

— Мне повезло больше, чем Эйнштейну. Ко второй половине нашего века наука накопила целый Монблан экспериментальных данных, неизвестных Эйнштейну. Могу сказать, научных фактов было столько, что их не вмещало самое пространство, которое они пытались объяснить...

Альвар уже почти не слушал Пульвера. Он думал о том, как выжать из младшего клерка нужную информацию. Похоже, он не собирается добровольно ею поделиться.

Придется пустить в ход сигареты, пропитанные цеоном. Малая доза — человек утрачивает волю. Крупная — впадает в бессознательное состояние. Крупная доза пока ни к чему: Альвар не соби-
рался похищать младшего клерка. Нужно было выяснить уровень его знаний по теоретической физике. Рассчитывать на то, что этот уровень сможет в будущем повыситься, не приходилось ввиду почтенного возраста Пульвера.

Теперь нужно было изолировать Пульвера от Николаса и Эльгара. Альвар вытащил из кармана пачку сигарет, не распечатывая ее.

— Разве ты куришь? — спросил Николай.

— Курю, когда волнуюсь, — отрывисто произнес Жильцони.

Что правда, то правда: волновался он сейчас здорово.

Похлопав себя по карманам, Жильцони заявил:

— Вот беда, спички в гостинице забыл.

План Альвара основывался на том, что ни Эльгар, ни Николай не принадлежали к племени курильщиков. Пульвер тоже, кажется, не курил.

— Пойдемте на кухню, — предложил Антон. — Там электро-
зажигалка.

На кухне Жильцони вытащил сигарету, закурил и выпустил небрежно дым в сторону Пульвера. В воздухе поплыло синеватое, еле заметное облачко.

— Странные у вас сигареты, — сказал Пульвер.

— А что?

Пульвер закашлялся.

— Пахнут чем-то... сладким, что ли?

Жильцони улыбнулся:

— Мой любимый сорт.

— А как они называются?

— «Мечта физика».

— Не слышал,— покачал головой Пульвер.

Жильцони старался держаться подальше от облачка. Когда он возвратился в комнату, Жильцони, шедший сзади, погасил сигарету, едва початую, и сунул ее в карман: оставлять улики ни к чему.

...Выражение изумления на лице Антона Пульвера быстро сменилось гримасой недоумения.

— Простите, мне нехорошо, — пробормотал Пульвер и опустился на стул. Дышал он тяжело, словно после быстрого бега. — Духота на улице...

— Да, душно, — посочувствовал Жильцони.

— Будет гроза, — сказал Николас.

Эльгар лениво поднялся и подал воду Антону. Тот с отвращением сделал глоток.

«Будто ему подали чашу с ядом», — подумал Жильцони. Ему казалось, что он в этом действе не участник, не преступник по стандартным законам, а зритель, который сидит в зале и смотрит на сцену. Первые акты трагедии были довольно-таки нелепы, но уже, слава богу, наступает финал.

Жильцони вытащил карандаш и блокнот, уже несколько потрепанный в бесполезных разъездах по белу свету.

Во всем нужна последовательность. Нужно идти от простого к сложному. Сначала он задаст несколько вопросов, связанных с основами физики, а потом уже перейдет к единой теории поля.

Альвар спрашивал, Пульвер отвечал. Но как отвечал! Он переврал вопрос, на который обязан был ответить и студент-первокурсник. Забыл? Исключено: Жильцони только что видел, какова память у Пульвера. Что касается цеона, то малая доза его парализует волю, но отнюдь не память.

Была не была!

— Напишите, пожалуйста, уравнения единой теории поля, — сказал Жильцони, нарушая тягостную паузу, и положил на колени Пульверу открытый блокнот.

Пульвер взял в руки протянутый ему карандаш и внимательно рассмотрел его, словно видел этот чрезвычайно интересный предмет впервые.

Наконец произнес:

— Я не могу написать эти уравнения.

— Не можете?!

— Как я могу сделать то, чего не сумели величайшие умы человечества?

Альвар судорожно сжал кулаки. Он готов был броситься на

Пульвера и растерзать его. Но что толку? Несомненно, Антон говорил правду.

— Но откуда вы узнали об этом? — спросил Жильцони, все еще лелея сумасшедшую надежду, что все вдруг каким-то способом образуется.

— О чем? — кротко спросил Пульвер.

— О пространстве и времени, об элементарных частицах, о единой теории поля.

— Я читал обо всем этом, — сказал Пульвер. — Давно, лет пятнадцать назад. Ну и запомнил... Там про все это говорилось, и так доходчиво, увлекательно...

— Автор книги — Марк Нуш? — спросил Жильцони, уже догадавшись, откуда Пульвер черпал свои физические познания.

— Да, да, — обрадовался Пульвер. — «Бог, по крайней мере — человеческий бог, это тот, кто сумеет наконец воздвигнуть величественное здание единой теории поля», — произнес он медленно и торжественно.

— Что это?

— Марк Нуш, «Мир, закованный в уравнения», издание четвертое, страница двести восемьдесят девятая, — пояснил Пульвер.

— Но вы же блестяще считаете, черт возьми! — взорвался Жильцони. — На моих глазах вы побили калькулятор в решении дифференциальных уравнений. Это неслыханно! Или это тоже мираж?..

Эльгар вставил:

— Антон считает лучше всех в мире.

— Считаю я, действительно, неплохо, — сказал Пульвер. — В детстве меня демонстрировали в клинических аудиториях, как необъяснимый феномен природы. Я щелкал системы уравнений со многими неизвестными, словно орехи, нисколько не задумываясь, как это мне удастся.

— А физика? Неужели вы никогда не занимались физикой? — спросил Жильцони.

Пульвер прислушивался к чему-то, происходящему внутри, незаметному для других, но для него бесконечно важному.

Жильцони повторил вопрос.

— Физикой? К сожалению, никогда, — покачал головой Пульвер. — А может быть, к счастью.

В ярости Жильцони вырвал блокнот и сунул его в карман. Выходя из комнаты, он больно ушибся о дверную филенку.

На лестничной площадке было как будто прохладнее.

Николаас и Эльгар, которые всю финальную сцену наблюдали в изумлении, поднялись, торопливо попрощались.

— Счастливе, — донесся из глубины комнаты равнодушный голос Пульвера.

Когда разгоряченный Альвар вышел из подъезда, на лицо его упала первая капля дождя.

Николас и Эльгар еще поспевали за Жильцони.

Итак, снова провал. Длинный Биг опять напутал. Правда, Жильцони начало казаться, что во всей это путанице есть какая-то система. Но какая? Этого он определить пока не мог.

Так или иначе, еще одна надежда лопнула, как мыльный пузырь...

Альвару стоило немалого труда взять себя в руки. В конце концов список не исчерпан. Там остались еще двое — футболист и акробат. Нужно пройти все до конца. Нельзя терять ни малейшего шанса.

— Не горюй, парень, — хлопнул его Николас по плечу. — Устроишься у Либина...

— И деньги заведутся, — закончил Эльгар. — Соображавшись не хуже, чем Антон.

Гроза застала их на полпути. Протяжные грома рокотали, не переставая.

Альвар вымок до нитки, прежде чем добрался до гостиницы.

Специальностью психопрограммиста Жильцони овладел довольно быстро. И платил Либин прилично — кое-что удавалось отложить. Деньги нужны были Альвару для дальнейших поисков гения.

Работа психопрограммиста была однообразная и, в общем, несложная, хотя передоверить ее машинам или новомодным белковым роботам, которые появились несколько лет назад, никак не удавалось. Клерки Либина занимались вопросами рекламы и сбыта продукции, а психология покупателя, как известно, программированию не поддается.

Дела пошли гораздо лучше, когда Исаву удалось устроиться в космопорт. Здесь все работы производились белковыми истуканами, но выяснилось, что Исав может с ними успешно конкурировать.

Как-то после работы Жильцони повстречал Николаса. В первую минуту Альвар не узнал его — настолько Живчик осунулся.

— Что с тобой, Ник? — спросил он.

Живчик махнул рукой.

— Прогулка вышла боком.

— Какая прогулка?

— Да наша, к Антону. Промок на обратном пути, простудился, теперь никак в себя не приду. Скоро уже месяц, а кашель не проходит.

— Неужели у вас не научились управлять погодой? — вырвалось у Альвара.

— У вас? — переспросил Николас. — А ты что, с луны свалился?

— Я хочу сказать — у вас в городе, — нашелся Жильцони.

— Серость ты, дружище, — сказал Николас. — Погодой занимается единый центр, он расположен в столице. Только работы у них не густо, того гляди, закроют.

— Что так?

— Раньше, лет десять назад, увлекались заказами погоды, и получался суший бедлам, — пояснил Николас. — Одному нужен дождик, другому в этом же месте подавай сушь, третьему еще чего-нибудь. Ну, и года два-три назад длинный Биг на запрос президента посоветовал: предоставить погоду матушке природе, не воздействовать на нее искусственно.

— А он никогда не ошибается?

— Президент?

— Длинный Биг.

— Шутник, — улыбнулся Живчик, напомнив сразу Альвару прежнего Николаса.

— Что-то Пульвера не видно.

— Ты разве не знаешь? — посмотрел на него Живчик. — Раскво-рался наш Антон. Тоже после нашего посещения, будь оно неладно.

— Что с ним?

— Бессонница. На память жалуется, — сказал Николас. — А память для него — все, сам знаешь.

Альвар кивнул.

— Не знаешь, чем он болен? — спросил он.

Живчик пожал плечами.

— Врачи до сих пор не могут определить, в чем дело. А я так думаю: та жуткая гроза его доконала. Он ведь всегда был болезненным, Антон, — в чем душа держалась. Прихвастнуть любит, это верно. Но добрый, ни в чем своему брату клерку не откажет. Мы с Эльгаром собираемся провести Антона — он не выходит. Пойдешь с нами?

Жильцони сухо ответил:

— Некогда.

— Ну, бог с тобой, — сказал Николас и, не попрощавшись, пошел дальше.

Глава седьмая

КРОН ФЛИН, ИЛИ КОЕ-ЧТО О ФУТБОЛЬНОЙ НАУКЕ

Итак, удивительная цепь несообразностей, первым звеном которой явилась Лили Шарло, глухая примадонна Восточного балета, продолжала разматываться.

Вторым звеном, столь же странным, как и первое, оказался феноменальный вычислитель Антон Пульвер, младший клерк торгового дома «Либин и сыновья».

Ломать голову над загадкой длинного Бига сейчас представлялось бессмысленным: сначала, решил Жильцони, которым овладел охотничий азарт, нужно проверить все кандидатуры, предложенные первым электронным помощником президента.

Альвара поддерживала одна мысль: все-таки в списке оказался и он, человек, который столько занимался единой теорией поля и, казалось бы, достиг в ней таких многообещающих результатов...

Когда Альвар собрал на временной службе достаточно денег, перед ним встала проблема: кто следующий? В списке было еще двое — с кого начать?

Оба примерно одного возраста.

Оба спортсмены — гимнаст (или акробат, что, по мнению Жильцони, было одно и то же) и футболист.

Со спортивным миром Жильцони был почти незнаком — он недолго любил эту сферу человеческой деятельности.

...Это было накануне вылета. Жильцони брел по улице. Он только что покинул бегущую ленту и направлялся в отель. Либин даром не платит, спину ломило от усталости. Расчет получен, завтра — снова в путь.

Впереди у ярко освещенной витрины стояла женщина. Альвар замедлил шаг, ноги налились свинцом. Шелла?.. Откуда ей быть здесь? Женщина стояла спиной. Взявшись за поручень, подавшись вперед, она внимательно что-то разглядывала.

Подойти, окликнуть? Альвар остановился в нерешительности. Его обминали, чертыхались, но он ничего не слышал.

Разве не сам он отказался от нее когда-то? А что он может предложить ей? Надо смотреть правде в глаза. Шелла, наверно, давно забыла его. А если и не забыла?.. Зачем он ей, неудавшийся гений?

Она или не она? Альвару достаточно было сделать несколько шагов, чтобы выяснить это. Но он не сделал их.

Женщина отошла от витрины и вскоре затерялась в толпе.

Спортивный городок пришелся по душе Альвару. Он казался игрушечным. Коттеджи, зелень, почти полное отсутствие транспорта и воздух, воздух!

Все утро он бродил по улицам, вживаясь в атмосферу городка. Ловил обрывки разговоров, которые вели прохожие. Жить бы здесь век, быть одним из этих загорелых, ловких парней, думать лишь о том, как уложиться в жесткий тренировочный график, составленный индивидуальным электронным тренером!

Жильцони решил, что если счастье ему улыбнется и Крон Флин поможет довершить уравнение мира, то лучше всего остаться здесь. Тогда он и Шеллу разыщет... А что касается славы, то лучи ее достигнут и сюда.

Отправляясь в город, Альвар велел Исаву остаться у машины.

Городок спортсменов не имел ни ярко выраженного центра, ни окраин. Поэтому Жильцони не мог бы сказать, в какой части города он наткнулся на огромную надпись «Стадион». Альвар остановился. Где еще можно встретить футболиста, как не на стадионе?!

В отличие от стадионов, которые помнил Альвар, на этом не было трибун для зрителей. Были только тренировочные сооружения, разобраться в которых Альвар не мог, да еще футбольное поле. Но уж зато поле было как конфетка! Идеально гладкое, травинка к травинке. Жильцони пересек гаревую дорожку, нагнулся и погладил шелковистый покров. Трава была свежей, зеленой. Он подумал, что траву высаживают автоматы. Может, они следят и за тем, чтобы одна травинка не отличалась от другой?

Стадион был пустынен.

Альвар растянулся неподалеку от него, на траве, рядом с открытым бассейном, в котором плавали желтые листья. Его сморила усталость. Жильцони несколько раз чуть-чуть сжал шарик биопередатчика, чтобы Исав мог его отыскать, и задремал.

Когда он проснулся, солнце, гревшее по-летнему, приметно склонялось к горизонту. Осень не преминула напомнить о себе холодным дуновением ветра. Жильцони поднялся с травы, потянулся.

На футбольном поле играли две команды — в синей и желтой форме.

— Цвета национальной сборной, — прошептал Жильцони, сонно протирая глаза.

Команды приступили к игре.

Судил игру — или, быть может, просто тренировку — кибернетический аппарат, похожий на паука. Движения его со стороны

выглядели неуклюже, но он всегда оказывался именно в том месте, где нужно. Судил паук уверенно, и все его решения принимались игроками безропотно. Это и немудрено — в отличие от судьи-человека, кибер-паук обладал круговым зрением, кроме того, он практически мгновенно оценивал любую ситуацию, возникающую на поле. Все тонкости этой увлекательной игры были намертво зафиксированы в его электронной памяти, не говоря уже об основных правилах футбольного катехизиса.

Когда Жильцони вернулся из Вороньего гнезда, он от разных людей слышал о матчах роботов, которые одно время приобрели было широкую популярность.

Матчи роботов представляли занятное зрелище, и поначалу фирмы, напавшие на золотую жилу, процветали, поставая на спортивный рынок белковых атлетов.

Однако жила быстро иссякла.

Чего-то не хватало матчам роботов. Быть может, чисто человеческого азарта? Той спортивной злости, которая заставляет игрока идти на риск вплоть до риска сломать собственную шею?

Так или иначе, зрителей на матчах роботов становилось все меньше.

Прогоравшие фирмы пробовали крутить так и этак. Одна из них решила ослабить у роботов-футболистов инстинкт самосохранения. Но и это не спасло положения. В первые же минуты игры на поле завязывалась рукопашная, на игрока, завладевшего мячом, набрасывалось сразу несколько защитников, на тех, в свою очередь, накидывались нападающие той команды, которая атаковала, в результате получалась свалка, в которой принимали участие все двадцать два кибернетических аппарата. Это походило уже не на футбол, а на небезызвестную детскую игру «куча мала».

Тут уж было не до правил! Озверевшие роботы дрались на-смерть. Клешни их сплетались с таким ожесточением, что сами роботы разойтись уже не могли. Их приходилось растаскивать с помощью тягачей, причем на футбольном поле, уместнее сказать, на поле боя, оставалась масса изувеченных деталей.

Фирмы, сделавшие ставку на механизацию футбола, пытались пойти и по другому пути, усиливая у футболистов инстинкт самосохранения. В этом случае все выглядело иначе. О борьбе за мяч, не говоря уже о потасовке на поле, не могло быть и речи. Боюсь даже пустяковой — где там травмы, малейшей царапины! — игроки шарахались друг от друга, словно частицы одного заряда. Только бы не столкнуться, не расшибить фотоэлемент, не подвернуть щупальца!

Это тоже не прибавило интереса к футболу.

Необходимо было возродить спорт среди людей.

Этой цели и служил спортивный комплекс городка, куда прибыли Жильцони и Исаа.

Игра проходила бурно. Мяч метался от одних ворот к другим. Заливистые трели судьи чередовались с глухими ударами по мячу. Жильцони обратил внимание на юношу, почти мальчика. Этот игрок выглядел поначалу медлительней остальных. Но вскоре Альвар понял, что это впечатление обманчиво. Оно создавалось оттого, что игрок не делал ни одного лишнего движения. Получив мяч, он преображался. Это был взрыв, фейерверк. Игрок летел к воротам, обводя одного защитника за другим.

Хотя Альвар был профан в футболе, игра смуглолицего юноши его захватила. Глядя на легкие и грациозные, как у пантеры, движения футболиста, Жильцони почему-то припомнил воздушные па Лили Шарло — другой избранницы длинного Бига.

...Пронзительная трель паука остановила игру. Штрафной в сторону синих. Бить будет футболист, игру которого отметил Жильцони.

Парень застыл, ожидая сигнала. Самсток. Коротко разбежавшись, футболист подпрыгивает и пролетает над мячом, не задев его. Значит, бить будет не он, а кто-то из партнеров по команде, которые стоят рядом. Есть и такой тактический прием, мелькнуло у Жильцони. Но не успел он додумать свою мысль, как игрок, изогнувшись в немыслимом акробатическом прыжке, бьет по мячу, уже будучи впереди его. Удар точен и неотразим. Мяч влетает в сетку, вратарь хватается за голову.

Будь здесь болельщики, они бы взвыли от восторга. Но зритель был только один.

Членистоногий судья возвестил окончание первого тайма. Игроки потянулись к центру поля.

— Крон! — окликнул кто-то.

Смуглолицый парень обернулся к позвавшему, оскалив в улыбке зубы.

Крон! Так он и думал. На ловца и зверь бежит. Теперь надо познакомиться с ним. Но, чтобы не вызвать подозрений, Альвар решил не спешить.

Назавтра утро снова выдалось ясное, солнечное. Жильцони оставил Исаа в гостинице, а сам пошел на знакомый стадион. Он опоздал — желтые и синие уже трудились, на все лады старательно обрабатывая пятнистый мяч. Кто-то из игроков кивнул ему, как старому знакомому, и Жильцони ответил. Остальные обратили на единственного зрителя не больше внимания, чем на тумбу или кучу листьев.

Пока Альвар, наблюдая игру, ломал голову над тем, как познакомиться с Кроном, он едва не поломал ее в прямом смысле.

Защитник синих поднял мяч свечой. Жильцони, стоящий у самой кромки поля, задрал голову, наблюдая крутую траекторию. В это время рядом взметнулась желтая молния (неужели человек может прыгнуть так высоко?), и мяч, точно отбитый на партнера, ушел в поле. Флин скользнул взглядом по случайному препятствию, словно это был неодушевленный предмет.

Они снова встретились глазами минуту спустя, когда избранник бига вел мяч по левому краю. Он шел легко, словно танцуя, и Жильцони снова вспомнил Лили. Между тем Крон Флин, пройдя сквозь порядки защиты, как нож сквозь масло, забил очередной гол.

Дождавшись конца игры, Альвар решительно направился к Крону Флину.

...Жильцони ожидал чего угодно: недоверия, настороженности, даже враждебности. Все получилось гораздо проще и приятней. Крон оказался славным парнем, еще не избалованным славой. Альвар обратился к нему с каким-то пустяковым вопросом, и они — слово за слово — разговорились.

Припомнив свой визит в Восточный балет, Жильцони представился репортером.

Они шли вдвоем, беседуя.

— Меня интересуют футбольные проблемы,— сказал Альвар.— Я убежден, что пора отказаться от матчей между роботами и снова вернуться к играм между людьми.

— Это и моя мечта,— поддержал его Крон, приглаживая мокрые после душа волосы.

— Видите ли, Крон...

— Вы знаете мое имя?

— Услышал на стадионе... Мое кредо: состязание машин может быть интересно только инженеру — чья программа победит?

— Если бы это все поняли...

— Поймут,— пообещал Жильцони.— И центральное место в моей статье займет центрфорвард национальной сборной Крон Флин,

— Не нужно.

— Ценю вашу скромность...

— Не в том дело,— сказал Крон.— Разве вы не знаете, что о нас не пишут — до тех пор, пока сборная, состоящая из людей, не будет окончательно сформирована?

— Знаю,— кивнул Жильцони.— Я хочу заранее подготовить статью. Опубликую ее, как только будет снят запрет.

Они шли тихой улочкой, обсаженной платанами. Крон шагал легко, два тайма ничуть его не утомили.

Крон снова заговорил о футболе. Жильцони старался поддерживать разговор, и это ему удавалось. Улучив момент, он решил перейти к нужной теме.

— Скажите, Крон,— начал Жильцони, вы ведь не только футболист?

— А кто же еще? — удивился Крон.

Альвар пристально посмотрел на него:

— Думаю, вы еще чем-то увлекаетесь.

— Например?

— Например, физикой.

— Потрясающе! — воскликнул Крон. — Как могли вы это угадать? Я действительно увлекаюсь физикой, но об этом не знает ни одна душа в мире.

Сердце Жильцони забилося.

— Я уже сказал, что у нас, репортеров, свои профессиональные тайны,— произнес он.

Наконец-то удилище дрогнуло и леса натянулась. Ключет! Слава длинному Бигу! Теперь главное — умело подсечь, не спугнуть добычу. Похоже, и сигареты с цеоном не придется пускать в ход.

— Главное для меня все-таки не физика, а футбол,— произнес Крон.

— Ну, разумеется! — подхватил Жильцони. — Могу я задать вам один вопрос?

— Пожалуйста.

— Каким разделом физики вы увлекаетесь?

— Тем, который нужен для футбола,— сказал Крон. — Механикой.

— Квантовой? — обрадовался Жильцони.

— Зачем мне квантовая? Классической.

— Классической,— повторил Жильцони упавшим голосом.

— Я учу обычную механику,— пояснил Крон, — основные законы. Так и напишите в статье. — Он посмотрел на Альвара и спросил: — Вы слышали о Ньютоне?

«Хитрит парень», — подумал Альвар.

— Знаете что? — предложил вдруг Крон. — Пойдемте ко мне в гости.

По дороге Крон рассказал, что перед вылетом в городок спортсменов его, как и остальных, познакомили с длинным Бигом.

— Что это за Биг? — безразличным тоном спросил Жильцони.

— Вы не знаете о Биге? — удивился Крон. А вот он о вас знает все!

— Человек-всезнайка?

— Длинный Биг — не человек, а машина, — пояснил Крон, быстро шагая. — Он хранит в своей памяти сведения о каждом человеке. С ним советуется сам президент чуть ли не по любому вопросу. И вот с этим Бигом мне довелось беседовать. Он спрашивал, я отвечал...

— О чем спрашивал?

— О чем угодно. Биг любопытен, как старая баба. Он вникал в любой пустяк, все ему было интересно.

— А зачем это Бигу?

— Говорят, определить, кто на что способен.

— Как же он оценил вас?

Крон пожал плечами:

— Об этом знают мои тренеры. Вот мы и пришли!

Это была скромная комната в стандартном коттедже.

— Присядьте, я скоро приду, — сказал Крон и вышел.

Едва закрылась дверь, Жильцони бросился к полке.

Пухлый том, порядочно зачитанный. Марк Нуш! Жильцони раскрыл книгу. На первой странице красовалась надпись: «Крону Флину в день 18-летия от друзей по команде. Будь здоров и забивай голы!»

Почему друзья подарили Крону именно Марка Нуша? Не потому ли, что им было известно о его увлечении физикой?

Альвар поставил книгу на место и взял следующую. «Когда в мяч играли люди. Обзор стратегии и тактики футбола в XX веке».

«Мяч в игре», роскошное издание ин-кварти, с цветными фотографиями. «Человек или робот?» «Удар белкового безошибочен. А удар человека?»

Но вот Жильцони обнаружил то, что искал — внушительный фолиант «Основы аналитической механики». Он знал, конечно, эту книгу — солидный труд по классической механике. Теперь эта книга пролила бальзам на его мятущуюся душу. Судя по захватанным страницам, Флин упорно штудировал ее — значит, не все потеряно...

Он листал страницы, воскрешая в памяти формулы, и припомнилось многое...

Вошел Крон.

— Интересуюсь вот, чем увлекаются звезды футбола, — сказал Альвар, ставя книгу на полку. — Очерк должен быть насыщенным. И много времени вы отдаете науке?

— Да какая там наука! Я же говорю — механика мне необходима для футбола.

— Для футбола? Только? — Альвар испытующе взглянул на собеседника.

— Ну да,— подтвердил Крон.— Я перевернул груды литературы об этой игре. И пришел к выводу, что даже те, кого пресса в свое время считала величайшими футболистами, были не более чем дилетантами.

— Забавно,— процедил Жильцони, нащупывая в кармане пачку сигарет.— Но при чем здесь механика?

— Минутку. Я приведу сначала один пример. Мне попались в фильмотеке старые ленты об одном из чемпионатов мира по футболу, который проводился в Англии. Мое внимание привлек центр нападения одной из команд. Его звали Эйсебио. Газеты захлебывались, когда писали о нем. Волшебник из Мозамбика! Чудотворец на зеленом поле! И прочее в том же духе. Я решил исследовать игру этого чудотворца. Так сказать, разложить на механические составляющие. Что ж, надо сказать, парень играл неплохо, совсем неплохо. Но посмотрел бы ты, сколько он допускал на поле грубых ошибок! Бросался бегать не туда, куда следовало. Слишком поспешно выходил на мяч или, наоборот, запаздывал. Не мог правильно рассчитать прыжок и промахнулся в ударе по мячу.

— И забивал голы?

— Еще как! Эйсебио оказался первым бомбардиром лондонского чемпионата.

— Победителя не судят.

— Но он мог забить в десять раз больше!

— Если бы изучал механику? — усмехнулся Жильцони.

— Вот именно,— серьезно произнес Крон.— Только профаны могут считать футбол примитивной игрой. Что такое игра? Это противоборство двух или нескольких сил, которое происходит по определенным законам. Не так ли?

Жильцони кивнул.

— Но под такое определение подходит чуть ли не любой вид человеческой деятельности! — продолжал Крон.— Война, торговля, любовь, освоение новых планет. А ученый? Его погоня за открытием — разве это не игра?

— Если физика — и игра, то игра без правил,— выдавил Альвар. Крон Флин несколько ошеломил его своим стремлением все на свете свести к игре.

— Не согласен,— возразил Крон.— В конце концов все зависит от того, что понимать под правилами. Ведь и законы физики можно принять за определенные правила некой вселенской игры.

— А игроки кто?

— И здесь все зависит от точки зрения. Игроки могут быть любые — от атома до звезды.

— Популярищина, дешевка,— пробормотал Жильцони.

— Вернемся к футболу, — продолжал Крон, не расслышавший, что сказал собеседник. — Остановим во времени любую игровую ситуацию. Она может иметь множество продолжений, но из них какое-то одно — самое лучшее.

— Задача на экстремум, — машинально произнес Жильцони.

— Вот-вот! — подхватил Крон. — Допустим, в какое-то мгновение мяч попал ко мне. Вести ли его самому или отпасовать партнеру? В какую сторону направить мяч? С какой силой? Ответить на эти вопросы может только аналитическая механика.

— Что-то я не видел футболиста, который во время игры берет бумагу и решает дифференциальные уравнения. И вообще — футбол не шахматы.

— Настоящий футболист обязан, говоря шахматным языком, схватывать позицию налету. В этом и проявляется его сила. И здесь уж без знания механики не обойтись, — убежденно произнес Крон. На футбольном поле действует сложная динамическая система из двадцати двух переменных. Причем каждый из игроков, в свою очередь, обладает множеством степеней свободы. Я поставил перед собой задачу: усилия каждого игрока команды направить в единое русло. Задача математически неимоверно сложная, но я добьюсь этого. Можете так и написать в своей статье.

Глаза Крона сняли.

Жильцони до крови прикусил губу. Еще один удар судьбы.

Остается один шанс, последний — Лиго Ставен, акробат.

...Не гоняется ли он за призраком? Что, если задача, поставленная им, не имеет решения? Что, если не существует системы уравнений, которые могли бы со всей полнотой описать Вселенную?

Если так, то понятно, почему кандидатуры длинного Бига несостоятельны: хитрая машина, видимо, предпочла выдать неправильное решение вместо того, чтобы промолчать, признав свое бессилие.

Не проворонил ли он счастье, сидя в Вороньем гнезде? Шелла... Где она сейчас? Вот чьи координаты нужно было выпытывать у длинного Бига!..

Альвар обвел взглядом рубку орнитоптера. Исаа спокойно сидел перед доской с приборами, безучастный и к бормотанию хозяина, и ко всему остальному.

Закрыв глаза, Альвар попытался припомнить во всех деталях встречу в городе, где обитал младший клерк Антон Пульвер. Улица. Витрина. Женщина что-то рассматривает в ней, стоя к нему спиной. Шелла это была или не Шелла?..

Теперь не узнаешь.

Счастье... Какое оно? Может быть, господь бог отпускает его только мизерными дозами, а большого счастья не бывает? Может, если увеличить порцию счастья — оно взорвется, словно кусок урана, когда его масса превосходит критическую? Может быть, существует только счастье на двоих?

А он-то замаяхнулся осчастливить все человечество!

Жильцони посмотрел на неподвижного Исаа.

Конечно, высокая цель оправдывает любые средства, это он решил для себя давно. Но что если цель недостижима, словно горизонт?

Альвар тряхнул головой, прогоняя минутную слабость. Нет, длинный Биг не мог во всем ошибаться. Остается последний шанс — Лиго Ставен.

Этот шанс должен быть беспроигрышным.

Глава восьмая

ПОСЛЕДНЯЯ СТАВКА

В полете Альвар Жильцони снова и снова возвращался мыслью к списку длинного Бига.

...Лили Шарло, глухая примадонна Восточного балета, бесподобная в танце, но ничего — увы! — не смыслящая в физике.

...Антон Пульвер, пожилой клерк торгового дома «Либин и сыновья», который был совершенен в устном счете, мог соперничать с электронным калькулятором, но с единой теорией поля был знаком только в объеме популярной книжки Марка Нуша.

...Крон Флин, центрфорвард национальной сборной среди людей по футболу, один из тех, кто призван возродить спорт. Этот изучал один из разделов физики — механику. Но с какой целью делал он это!

...Еще одна кандидатура — он сам. Он, Альвар Жильцони, верил, что сможет завершить единую теорию поля. Понадобилось полтора десятка лет иступленного труда, чтобы убедиться в несостоятельности и этой кандидатуры.

Неужели Мензи столь же плохой пророк, как и длинный Биг?

В пункте, названном длинным Бигом, Лиго Ставена не оказалось.

Не без труда Альвару удалось выяснить, что юный акробат покинул город, бог весть почему разругавшись с местной захудалой труппой.

— Представляете, — с возмущением говорил Альвару антрепренер, похожий на пожилую ведьму с приклеенными усами, — он

назвал артистов, своих коллег, стадом тюленей! Говорил, что они ни на что неспособны, кроме как передоверять все белковым. Сманил с собой нескольких приятелей — и был таков.

— Но сам-то Лиго чего-нибудь стоит? — спросил Жильцони. Пока что визит его не принес никакой пользы: бестолковый старикашка не догадался даже выяснить, в какую сторону направил стопы обиженный Лиго Ставен.

Вспрос Альвара озадачил антрепренера.

— Если уж откровенно... — старик на минуту задумался. — Лиго имел, пожалуй, право свысока относиться к своим коллегам.

— Почему?

— Видите ли, через мои руки прошло много артистов. Видел я и разных акробатов. Одни были получше, другие похуже...

— А Лиго?

— Этот особенный.

— Мастер? — подсказал Жильцони.

Антрепренер покачал головой:

— Даже не это. У Лиго бывают и промахи, правда, чрезвычайно редко. Но знаете, как говорят на востоке? Лев с изъянами — это лев, а муха без изъянов — всего лишь муха. Понимаете? Лиго отличался от других артистов, как орленок отличается от цыплят.

— Улетел орленок.

— Понимаете, у этого чертова юнца абсолютная координация движений, — продолжал антрепренер. — Этот алмаз еще не отшлифован, и блеск его угадывают немногие. Но придет время, когда это увидят все.

— Лиго Ставен чем-нибудь занимался, кроме акробатики? — спросил Жильцони.

Старик ответил сухо:

— Женщины его не интересовали.

— Ставен читал какие-нибудь книги?

— Вы ошиблись адресом, — отрезал антрепренер, и усы его встопорщились. — Шпионство не по моей части.

Жильцони заметил, что руки старика дрожат.

— Я репортер, — успокоительно произнес Альвар и похлопал по блокноту, вытасченному из кармана. — Я слышал о Лиго Ставене, и он меня заинтересовал. Думаю, что, учитывая ваши лестные о нем высказывания...

— Мальчишка! Щенок! — выпалил старый антрепренер, задыхавшись от ярости.

— Простите? — опешил Жильцони.

— Я имею в виду не вас, а Лиго. Он ни в грош не ставит ни опыт старших, ни их советы. Мне, — ударил себя в грудь ант-

репренер,— посмел заявить, что я ничего не смыслю ни в перекладине, ни в батуте. Представляете? Мне, который сорок пять лет отдал цирку.

После антрепренера Жильцони поговорил с артистами. Кто-то из них припомнил, что Лиго с приятелями на свой страх и риск собирались пуститься в турне по Западному побережью.

Альвар решил не теряя времени двинуться на розыски Лиго Ставена.

Уже через несколько перелетов, остановившись наугад в маленьком городке, он обнаружил в местной газете коротенькую заметку, в которой описывалось вчерашнее выступление бродячей труппы.

Жильцони внимательно изучил полтора десятка строк. В конце заметки безымянный автор отмечал, что неплохое впечатление на публику произвел молодой акробат Лиго Ставен.

Это напоминало игру в прятки. След Ставена то терялся, то отыскивался вновь. Догнать акробата никак не удавалось — они наткнулись лишь на отчеты о прошлых его выступлениях.

Вскоре Жильцони подметил любопытную вещь. Том отчетов по отношению к Лиго Ставену в местной прессе становился все более восторженным.

Прошло короткое время, и Лиго Ставену газеты стали посвящать чуть не весь отчет, лишь в конце упоминая остальных артистов труппы.

Уже почти утратив надежду, Жильцони в одном из прибрежных городишек — Тристауне — наткнулся на афишу, извещающую жителей о приезде акробата Лиго Ставена с труппой.

Альвар обратил внимание, что афиша именовала Лиго Ставена «знаменитым».

Всюду Ставен давал по одному представлению, здесь же решил выступить четыре раза.

— Знаешь, мы похитим этого акробата,— сказал Жильцони своему помощнику.

— Куда его увезем?

— В Воронье гнездо.

— И тогда...

— Тогда ты получишь свой миллион,— нетерпеливо перебил Жильцони.— А пока вот тебе сигареты с цеоном.

Исав поспешно схватил протянутую ему пачку сигарет.

В пачке не хватало только одной сигареты. Жильцони израсходовал ее — правда, без всякого результата — на Антона Пульвера. После посещения младшего клерка он снова тщательно заклеил пачку.

Исав вертел в руках пачку, с вожделением глядя на нее.

— Без глупостей, Ис,— предупредил Жильцони.

— Одну сигарету, хозяин...

— Нет.

— Одну затяжку...

— Цеон тебя погубит.

Исав погладил свой затылок:

— Он боль утихомиривает.

— Позволь мне знать, что тебе полезно, а что вредно,— резко произнес Жильцони. — Разве не я тебя воскресил?

— Ты, хозяин,— вздохнул Исав и спрятал сигареты в карман.

— Действовать будем так,— сказал Жильцони. — Нужно выследить это юное дарование. Главное, чтобы не было свидетелей. По моему сигналу ты закуришь и выпустишь ему дым прямо в лицо. Ясно?

— Ясно.

— И не вздумай затягиваться!

Исав кивнул.

— Ничего не делай без моей команды,— наставлял Альвар. — Впрочем, об этом позабочусь я сам.

За Лиго Ставеном они наблюдали два дня, и без толку. Жильцони готов был выть с досады. Вокруг Ставена вечно кто-нибудь околачивался: газетчики, прихлебатели, поклонники и поклонницы...

На третий день Альвару улыбнулась удача.

Лиго любил прогуливаться перед выступлением, но всегда получалось так, что его кто-нибудь сопровождал. Теперь же акробату удалось выскользнуть из отеля одному.

Улицы провинциального Тристауна были малолюдны. Ставен запахнул плащ и медленно побрел под гору. Он догадался, что спуск ведет к реке.

...Лиго открыл глаза. Голова раскалывалась. Он находился в тесной комнатке, заваленной всяким хламом. Рядом находились двое странных незнакомцев, которые подсели к нему в парке.

— Где я! — слабым голосом спросил Лиго.

— У друзей,— ответил Жильцони. — Если будешь благоразумен, они не сделают тебе ничего плохого.

— Выпустите меня отсюда,— сказал Лиго и сделал попытку подняться.

— Спокойно, малыш,— посоветовал Жильцони.

Исав ничего не сказал, только сжал каменные челюсти и пошевелил плечами, словно борец перед выходом на ковер.

Лиго простонал:

— Что вам нужно от меня?

— Чтобы ты отвечал на вопросы, ничего не утаивая,— сказал Жильцони.

— У меня вечером выступление!

— Боюсь, оно не состоится.

— Вы не имеете права задерживать меня!

— Верно, малыш,— произнес Альвар и задумчиво посмотрел на пленника.

Улучив момент, Лиго вскочил на ноги. Исав попытался схватить его, но промахнулся. Акробат сделал шаг к покатоj стенке... и замер. То, что он принял за выходной люк, оказалось иллюминатором. За слоем пыльного пластика быстро проплывали тени. Присмотревшись, нетрудно было понять, что это облака.

Лиго пришел в себя от громкого смеха. Он обернулся. Жильцони хохотал радостно, от души, словно ему только что рассказали свежий анекдот.

— Выпустить тебя? — сказал Жильцони, перестав смеяться. — Может быть, ты летать умеешь?

Исав дурашливо похлопал руками, изображая крылья.

— Куда вы меня везете? — прошептал Лиго.

— В Скалистые горы,— произнес Альвар.

— Но это... далеко!

— Не близко.

— А... зачем туда?

— Я уже говорил тебе. Там, в парке. Нам необходимо обстоятельно побеседовать с тобой,— сказал Жильцони.

— Мы же могли... в Тристауне?

— Могли,— согласился Альвар,— но ты повел себя неосмотрительно. Пытался убежать от нас, и все такое прочее. Вот мы и решили увезти тебя подальше, чтобы иметь возможность побеседовать в спокойной обстановке. В Скалистых горах тебе будет уютно. Правда, Абор?

«Сумасшедшие»,— уверился окончательно Лиго. Он решил, что ему ничего не остается, как продолжать навязанную игру.

— А когда мы... побеседуем, вы отпустите меня? — запинаясь спросил Лиго.

— Это будет зависеть от тебя,— сказал Жильцони. — Помоги мне вывести тензор пространства — времени, и ты свободен. Ступай на все четыре стороны. Возвращаясь к своему циркачеству — дело твое.

Ставен с опаской посмотрел на Альвара.

Орник давно уже втянул крылья. Он мчался теперь в стратосфере, подобный неутомимой торпедe. Небо за иллюминатором потемнело, стало фиолетовым, а вскоре и вовсе черным.

ЭПИЛОГ

Часы на башне космосвязи пробили десять.

Время не остановить. Оно течет, просачивается сквозь каждую ячейку дискретного пространства, словно тоненькая струйка в песочных часах.

Ньютон считал, что пространство и время не связаны. Он ошибался.

Неумолимая диалектика связывает в единую цепочку все, от нейтрино до звезды. Где он вычитал эту фразу? Может быть, у Марка Нуша? Старик потерял лоб, но память ничего не подсказала.

Все в природе слито в Единое поле. Только вот его уравнения до сих пор не найдены...

Любая частица — всплеск этого поля, и мы сами — не более чем его сгустки. Познав законы поля, человек мог бы управлять пространством и временем.

Не ирония ли судьбы — размышлять о времени, когда самому его осталось не так уж много? Старик облокотился на калькулятор и невесело усмехнулся.

Когда-то физики считали, что мир познан окончательно. Уравнения Ньютона казались универсальными. Разве не описывали они движение любого тела под воздействием любых сил? Зная начальный импульс камня, брошенного под углом к горизонту, можно было по формулам Ньютона рассчитать его траекторию. Зная положение планеты в какой-то момент времени, можно было по тем же формулам определить, где будет находиться она в любой другой момент.

Ну, а весь мир, рассуждали физики, разве не состоит он из частиц и только из частиц? Разве есть во Вселенной что-либо, помимо атомов? Но если так, то вопрос об описании мира решается просто. Мир не таит никаких загадок.

Ярче всех эту мысль выразил Лаплас. Предоставьте мне начальные данные для каждой из частиц, составляющих Вселенную, сказал он, и я скажу вам, каков будет мир в любой последующий момент времени.

Это был высочайший расцвет детерминизма, когда вера естествоиспытателей в уравнения механики Ньютона, которые описывают мир, была безгранична.

Через некоторое время, однако, выяснилось, что мир не так прост, как хотелось бы. Оказалось, что законы Ньютона имеют ограниченное применение. Они становятся несправедливыми как

для слишком малых частиц, так и для огромных скоростей, сравнимых со скоростью света.

Малые участки пространства жили по своим законам, не похожим на ньютоновские.

Электрон — и частица, и в то же время волна. Он находится в некоторой точке пространства и одновременно не находится в ней. И дело тут отнюдь не в несовершенстве, «грубости» наших физических приборов, которые не могут определить точное местоположение электрона. Просто такова природа вещей: в микромире царствует «принцип неопределенности», который «запрещает» слишком малым частицам подчиняться уравнениям Ньютона.

Надежда на всеобщность механики Ньютона, на то, что ее уравнения суть подлинные «уравнения» мира, умерла. С тем, чтобы никогда не воскреснуть.

Эйнштейн предложил более общие уравнения, в которые ньютоновская механика включалась, как частный случай. Но и эйнштейновские уравнения не могли включить в себя всего многообразия мира...

Старик, задумавшись, смотрел на стол, заваленный горами исписанной бумаги. Работа отвлекала и убаюкивала, ее действие можно было сравнить с «сигаретами мечты», напитанными цеоном.

Услышав бой часов, он поднялся, прошел на кухню, открыл холодильник.

Продукты были на исходе, но в город идти не хотелось: его донимали уличные сорванцы.

Старик снова вернулся к столу и принялся просматривать то, что набросал во время привычной бессонницы. Он отстал от мировой научной мысли, и сам понимал это. Годы отшельничества в Вороньем гнезде не прошли даром.

Что реального внес он в физику? Несколько статей по единой теории поля, опубликованных еще в университетские годы? Но какими нелепыми, неглубокими и путанными выглядят они теперь. Это вчерашний день науки.

Он переложил с места на место обрывок перфоленты, и мысли потекли по новому руслу.

Где-то теперь Исаа? Абор сбежал, воспользовавшись тем, что Жильцони забыл сменить в передатчике аккумулятор, и интенсивность связующих радиосигналов упала до нуля.

После ухода Исаа Жильцони окончательно опустил счет дням. Он был не так уж стар, но выглядел стариком. Этому немало способствовала борода, которую он снова отпустил, как когда-то, в Вороньем гнезде.

Просесть в бороде придавала Альвару вид библейского пророка.

Вид людей был для него невыносим. Род человеческий его жестоко обманул, не сумев — в лице своих лучших представителей, отобранных длинным Бигом,— подарить уравнение мира.

Мог ли Жильцони после этого не презирать людей? Горожане ему платили тем же.

Неудача с последним избранником длинного Бига подкосила Альвара. Акробат Лиго Ставен, препровожденный с большими трудностями в Воронье гнездо, оказался в физике таким же нулем, как и все те, кто был в списке перед ним.

Последняя ставка Жильцони была бита.

Перекладывая бумаги, Альвар нашел биопередатчик и с досадой отбросил его.

Наступил вечер. Заря слабо окрасила башню космосвязи, торчащую в окне, словно кость в горле. Закат брызнул на низко плывущие облака, и они затлели, так догорающее пепелище в последний раз вспыхивает под порывом ветра.

Жильцони, скрестив на груди руки, стоял у окна, неподвижный, словно изваяние, и очень похожий в эту минуту на Исава. Он вообще многое перенял от Абора, сам того не замечая. То же безразличие ко всему, то же подсознательное подчинение командам некоего хозяина.

Только хозяином Альвара являлась его навязчивая идея — завершить единую теорию поля, вывести УРАВНЕНИЕ МИРА.

Жильцони по-прежнему самозабвенно трудился, по ночам выводя формулы, утром просматривая написанное. Откуда ему было знать, что в пухлой папке с надписью «готовые результаты» бережно хранились выводы, в которых студент-первокурсник обнаружил бы десятки крупнейших ошибок?

Снова бессонная ночь, тревожный сон на рассвете.

Быть может, еще несколько дней — и он откроет уравнение мира. Трудно здесь работать, в атмосфере всеобщего недоброжелательства. Хорошо бы вернуться в Скалистые горы! Взрыв манипуляторов, однако, уничтожил Воронье гнездо. Жилой купол был разрушен. Им троим — Альвару, Исаву и Ставену — еле ноги удалось унести.

Хорошо еще, что взрыв произошел днем. По сигналу тревоги они успели выскочить из купола и спрятаться за скалу. Альвар выхватил самое ценное — свои бумаги.

Потом они пробирались по обледенелым перевалам и каменистым склонам, ориентируясь по звездам.

Будто исчезла на этой планете многовековая цивилизация,

и они превратились в первобытных дикарей, которые могут надеяться только на собственные мышцы.

Надо ли говорить, что похищение акробата оказалось напрасным?

В пути Лиго совсем ослабел. Однажды их застигла метель. Полумертвые от усталости, они забились в небольшую пещеру и сбились вместе, стараясь согреться. Лучше остальных чувствовал себя Исав, менее чувствительный к холоду и лишениям, но и он в последние дни начал сдавать.

Как бы пригодился им сейчас старый орник! Но он сгорел во время вспышки, словно стрекоза, залетевшая в костер.

Жильцони, не задумываясь, бросил бы своих попутчиков, чтобы пробиваться к долине на свой страх и риск, но он понимал, что с ними у него больше шансов на спасение.

Жильцони проснулся на рассвете, когда метель утихла. Одежда его заиндевела, несмотря на термоткань.

Вход в пещеру замело снегом, и только через небольшую отдушину сверху пробивался слабый свет.

Вторым проснулся Исав. Он подошел к Лиго и принялся тормошить его. Прошло некоторое время, прежде чем акробат открыл глаза. Но он был настолько слаб, что не мог подняться на ноги.

— Пора в путь, гений,— сказал Жильцони.

— Лиго не может идти,— произнес Исав, стоя перед Ставеном на коленях.

Жильцони пожал плечами:

— Вольному воля.

Некоторое время он наблюдал за безуспешными хлопотами Исавы, затем велел ему:

— Расчисти выход из пещеры.

Исав замешкался, и Альвар, сунув руку в карман, слегка сжал передатчик.

Абор оставил Лиго и медленно двинулся к выходу. Затем коротко разбежался и, нагнув голову, ринулся прямо в снежную толщу. Через несколько минут проход был расчищен.

Первым покинул пещеру Жильцони. Он шел, не оглядываясь. Исав некоторое время топтался на месте, но никакого приказа извне не последовало. Фигура хозяина медленно удалялась. Абор чуть не завыл от тоски — он не привык самостоятельно принимать решение.

Жильцони умышленно не дотрагивался до передатчика: ему захотелось, чтобы Исав по своей доброй воле оставил Лиго на произвол судьбы в пещере.

Пройдя сотню шагов, Альвар обернулся и опешил: Исав, согнувшись, тащил Лиго на спине. Шагал он размеренно, вперевалку, иногда поглядывая на хозяина.

Первым побуждением Альвара, он помнит, было сжать био-передатчик, заставить Исаву упасть на снег и корчиться от боли. Но горячая волна неведомого чувства остановила руку Жильцони. Он молча подождал, пока Абор поравняется с ним, и дальше они двигались вместе.

Выбирались они долго, потеряв счет дням, почти утратив надежду на спасение. В последний момент их заметили со случайной машины, которая пролетала над Скалистыми горами.

Жильцони не боялся, что Лиго Ставен причинит ему неприятности, вернувшись к людям. У бедняги было неладно с памятью — очевидно, после дозы цеона. Лиго не вспоминал ни о похищении, ни о странных домогательствах Альвара, который хотел выколотить из него уравнение мира.

У Лиго была одна мечта: вернуться на цирковую арену. Мысль эта была настолько яркой, что и цеон не смог ничего с ней поделать.

Тени в комнате тяжелели.

Альвар отошел от окна, сел к столу, придвинул чистый лист бумаги. Он не имеет права долго отдыхать. Однако измученный мозг отказывался работать.

Он вышел на улицу, которая из всех своих пор источала тяжелейший зной.

Послышался крик:

— Гений идет!

Жильцони прибавил шаг, но было поздно. Невесть откуда набегали мальчишки — еще минуту назад вечерняя улица казалась пустынной.

— Гений!

— Гений без винтика!

Камень, пущенный ловкой рукой, больно ударил в плечо. Другой сбил шляпу. Жалко улыбаясь, Альвар побежал.

Понемногу шумная ватага отстала от своей жертвы.

На обратном пути, купив еды, Жильцони завернул в сквер, что позволял себе редко. Сел на скамейку, рядом опустил ношу. Будь здесь Исав — помог бы нести.

В голове роились нечеткие воспоминания. Дырлявой стала память. Все уходит из нее, как вода сквозь решето. Вдруг припомнилось, как возился он в клинике Мензи с Абором, исподволь го-

товя для себя послушного помощника. Это был неплохой замысел.

Воспоминания...

Вернувшись домой, Жильцони решил привести в порядок свои бумаги.

Начал с пакета, перевязанного красной тесьмой — архив университетских лет. Медленно перебирал пожелтевшие от времени листки. Нескончаемые беседы с Марком Нушем... Жильцони наугад выбрал один листок.

— Человек — это точка, в которой смыкаются две бесконечности: прошлое и будущее, — живо припомнил он голос Нуша.

— В таком случае смерть человека должна нарушать ход времени, — возразил ему Альвар.

— Ты путаешь две вещи, — сказал Нуш, — субъективное и объективное время. А может, времени вообще не существует.

— Откуда же взялось это понятие?

— Человек выдумал.

— Зачем?

— Чтобы упорядочить свои впечатления, получаемые от внешнего мира...

Жильцони отложил в сторону листок.

Письма Шеллы... Нет, не будет он их читать. Слишком больно.

В самой толстой папке Жильцони собирал и хранил материалы, связанные с его старыми знакомыми — избранниками длинного Бига. Больше всего здесь было газетных вырезок, попадались и афиши.

Из года в год популярность этих людей росла. Можно было подумать, что газеты действуют по подсказке длинного Бига...

Поначалу Альвар аккуратно делал все вырезки, связанные с интересующими его именами, и подклеивал их в альбом по дотам. Позже, когда вырезок стало слишком много, он выбирал только самые интересные.

«Никакая машина не может поспорить с Лили Шарло, — писал один газетчик, полагая, что высказывает высочайшую похвалу. — Никакая машина не смогла бы с такой точностью рассчитать каждое свое движение, каждый жест, как это делает божественная Лили. Она — само совершенство».

Кумиром всех мальчишек стал Крон Флин. Газеты каждый день писали о нем. Появилась даже книга, посвященная знаменитому футболисту. Жильцони раскрыл ее посередине и прочел место, подчеркнутое карандашом:

«С засильем белковых в спорте покончено. На зеленых полях,

рингах, гимнастических снарядах и гаревых дорожках снова появились люди.

Боевой дух, воля к победе и неистощимая импровизация восторжествовали над холодным расчетом и бездушной точностью искусственных созданий.

Главная роль в возрождении самой популярной игры миллионов — футбола — принадлежит Крону Флину».

В столь же восторженных тонах газеты писали о звезде акробатики Лиго Ставене.

Лишь Антон Пульвер почти не упоминался.

Разбирая бумаги, Жильцони вновь вернулся мыслями к загадочному выбору длинного Бига. В выборе электронного гиганта был, безусловно, какой-то скрытый смысл — каждый из его избранников оказывался теперь первым в своем роде. Но только причем здесь физика? При чем уравнение мира?

Шли годы, однообразные словно пики Скалистых гор. Жильцони был теперь бел, как лунь. Его выцветший от времени взгляд не мог долго останавливаться на одной точке. Долгие часы, сидя в комнате, Альвар блуждал глазами по стенам, строчкам раскрытой книги, формулам, не в силах сосредоточиться.

Он все реже покидал свое пристанище, предпочитая даже голодать, чем выйти на улицу.

Надежда завершить единую теорию поля давно уже рассеялась. Калькулятор покрылся пылью — Жильцони месяцами не касался его клавиатуры. Он занимался только тем, что прилежно копил газетные статьи о своих питомцах — так Альвар называл в мыслях избранников длинного Бига. Каждый из них был теперь национальной гордостью, за исключением Антона Пульвера. Память его, видимо, повредилась в результате воздействия цеона. А что представлял собой Пульвер без своей феноменальной памяти?

Так или иначе Биг по-своему прав, выбрав именно их...

Время от времени Жильцони делал записи в дневнике, занося туда отрывки воспоминаний, а также скудные происшествия, которые время от времени скрашивали его монотонное прозябание.

Кончена жизнь, думал он, перелистывая дневник. В чьи руки попадет этот свиток страстей и заблуждений? Кто будет листать эти исчерканные страницы, и дойдет ли он смысла в них? Или, скользнув равнодушным взглядом, закроет тетрадь? И подумает: вот бессердечный человек. Он все принес в жертву несбыточной надежде. Никого не щадил — ни себя, ни других. Да полно, стоят ли все теории мира одной слезинки, одной загубленной человеческой жизни?

И не сможет крикнуть Альвар:

— Если я и заблуждался, то искренне. А разве искренность в заблуждении не снимает половину вины?

Но Альвару Жильцони суждено было пережить еще одно сильнейшее потрясение.

Как уже говорилось, когда случился взрыв и Воронье гнездо вспыхнуло, Альвар успел выхватить из огня самое для него ценное — архив, бумаги с записями. Груда блокнотов и рулонов перфоленты возвышалась ныне в углу стола внушительной пирамидой.

Много раз Жильцони давал себе слово разобрать эту груду, но каждый раз останавливался на полпути: духу не хватало.

Однажды он все же вооружился терпением и начал с верхушки пирамиды. Для чего, спрашивается, он тащил эту груду на себе там, в Скалистых горах, согласный скорее умереть, чем расстаться с нею? Альвар мог заставить Исава нести эту тяжесть, но тогда погиб бы Лиго Ставен. Альвар этого не сделал.

Странный предмет привлек внимание Жильцони. Он долго вертел в руках шестигранный вытянутый блок, похожий на карандаш. Ах, да, это ведь блок биопамати. Штука, которую изобрели во время его пятнадцатилетнего отшельничества.

Что может быть записано на этом блоке? Не все ли равно?

Жильцони размахнулся, чтобы выбросить блок в корзину для мусора, но какая-то сила удержала его. Он лениво сунул блок в воспроизводитель.

— ...Люди — серые тени. Временами, когда вспыхивает боль, они кажутся мне совсем одинаковыми, и я не могу отличить их друг от друга.

До ужаса знакомый голос. Но чей — Альвар не мог припомнить, как ни силился.

— Я не могу отличить и сна от яви, — продолжал тот же голос. — Сон и действительность настолько переплетаются, что это приводит меня в отчаянье. Может быть, таков удел каждого человека? Надо спросить у хозяина, он знает все. Но я не решаюсь...

Спросить у хозяина! Ну конечно, это Исава. Записи его биотоков.

— В последние дни, я заметил, хозяин снова не в духе, — продолжал бесцветный голос Исава. — Такие периоды, не знаю почему, совпадают с обострением моего недуга. Возможно, эти явления связаны между собой.

«А Исава, оказывается, поумнее, чем я считал», — подумал Жильцони.

— Что привязывает меня к хозяину? — продолжал изливать свои мысли Исава. — Почему я выполняю его приказы? Я делаю

это добровольно — заставить он меня не может. Почему я слушаю Альвара? Может быть, из уважения к нему? Нет, Альвар Жильцони мне неприятен, хотя он и спас мне жизнь. В нем есть что-то отталкивающее. Он признает только свое дело, которое мне не понять. Я думаю, что он ради этого своего дела готов убить человека...

Жильцони в ярости сжал шарик биосвязи так, что сломал его, до крови поранив ладонь.

— Да, я не люблю Альвара, — звучал в комнате голос Исава, — но объяснить этого не могу. Подбирать слова — самое трудное для меня занятие. «Ты абсолютный ноль, потому что не умеешь размышлять», — сказал мне однажды хозяин. Он прав, думать я не умею. Но думать не умеют, по-моему, и остальные люди, только они искусно скрывают этот порок.

«Дельно», — пробормотал Жильцони.

— В действиях людей нет смысла. Раньше мне казалось, что такой смысл есть, только я не в состоянии постичь его. Теперь вижу, что ошибался. Взять, к примеру, хозяина, который сидит сейчас передо мной в кабине орнитоопера... — голос Исава внезапно пропал, воспроизводитель извергал лишь треск и шипение.

Альвар вынул блок: кристалл биопамати в одном месте оказался поврежденным. Вероятно, он его повредил в Скалистых горах. Поперек грани змеилась еле заметная трещинка. Она-то и прервала на полуслове заинтересовавшие его рассуждения Исава. Жильцони вдвинул кристалл глубже в воспроизводитель и включил звук на полную мощность — в последние годы он стал туговать на ухо.

— Плот покачивался на воде, и языки пламени колебались, — гремел теперь голос Исава. — Я вышел из лодки. Веселье шло вовсю. Не знаю, какая сила заставила меня пересечь залив Долого кита и подняться на плот.

Хозяина я заметил сразу — он сидел в сторонке на бревне, точно из таких же бревен был собран плот. Рядом с хозяином сидела девушка. Красивее я не видал! Когда я подошел к ним, расталкивая танцующих, она подняла на меня глаза... И я понял, что мы созданы друг для друга.

Факелы бросали отсветы на ее лицо. Она протянула мне руку и поздоровалась.

Кажется, хозяину не понравилось, как мы смотрим друг на друга...

Старый Жильцони закрыл лицо руками: в памяти его возник далекий выпускной банкет на плотях, юность, исполненная надежд, и Шелла, Шелла...

Он уже не слушал, что говорил Исаа, как вдруг одна фраза резнула его слух: «Не могу забыть о посещении длинного Бига», — проговорил Исаа.

Жильцони замер.

— Хозяин злобствует... Громоздит одну нелепость на другую... — журчал голос Исаа. — Вчера он велел мне проникнуть — ни много, ни мало! — к длинному Бигу, чтобы тот решил одну задачу...

«Ну, ну! Поподробней, Иси!» — произнес Альвар, будто Абор мог его услышать.

— Я знал, что рискованную жизнь, но хозяина послушаться не мог. Меня толкала вперед неведомая сила, которая и прежде в решающие минуты направляла мои поступки.

Когда я проходил сквозь защитное поле длинного Бига мне пришлось решить несколько логических головоломок. Они были рассчитаны на то, чтобы отсеять роботов, и я с ними легко справился.

Не помню каким образом, но на мне оказалась такая же форма, в которой щеголяли все программисты длинного Бига. Из реплик, которыми они обменивались между собой, я понял, что командный пульт помещается в центральном стволе...

«Скорей, скорей, Иси», — повторял Жильцони, но Абор продолжал с воловьей неторопливостью:

— Вход в центральный ствол охраняли белковые роботы с лучеметами. Мне и раньше приходилось видеть эти создания. Они появились, когда хозяин уже обитал в Вороньем гнезде.

Я решил — снова проверка, но мой вид не вызвал у них никаких подозрений. Вообще я замечал, что белковые роботы благоволят ко мне, в то время как к другим людям испытывают скрытую неприязнь.

Центральный ствол уходил глубоко под землю. «В случае чего — отсюда не выбраться», — подумал я, и тревога сжала сердце.

Из центрального ствола я попал в большой зал, где располагался командный пульт. Вокруг сновали озабоченные операторы и программисты, перебрасываясь короткими репликами. Деловито вышагивали манипуляторы, груженные блоками, они походили на тех, которые соорудили для хозяина жилой купол в Вороньем гнезде.

«Одна фирма поставляла», — отметил про себя Жильцони.

— Три стены сплошь состояли из мириадом ячеек. Я знал, что каждая ячейка заключает в себе сведения о каком-нибудь человеке, и подумал: какая-то из них посвящена хозяину, какая-

то — мне, а какая-то — Шелле. И еще подумал: хорошо, если бы две последние ячейки находились рядом...

«Сентиментальная скотина», — прошипел Жильцони.

— Даже непосвященному было ясно, что длинный Биг каждую секунду поглощает фантастическое количество самой разнообразной информации, которая стекалась сюда со всех концов республики.

Я подошел к командному пульта и занял свободное кресло. И в этот момент случилось то, чего я больше всего боялся: у меня вспыхнула боль в затылке. Это был один из приступов, о которых знает хозяин...

«Видит бог, Исав, я ни при чем», — негромко сказал седовласый Жильцони, прикинувший к воспроизводителю. — Когда ты был у длинного Бига, я не касался биопередатчика».

— Хозяин обещает избавить меня от этих приступов, когда он завершит свой непонятный труд и у него появятся деньги, — продолжал изливать свои мысли Исав. — Но в тот момент мне было не до обещаний Альвара. Перед глазами поплыли красные и фиолетовые круги. Чтобы не упасть, я прислонился лбом к ячеистой панели, перед которой сидел. В затылке кто-то ковырялся раскаленной иглой... Одна мысль владела мной: только бы не потерять сознание.

От резкого стука в дверь Жильцони вздрогнул.

— Почта, — произнес белковый робот с обычной пластиковой улыбкой.

Альвар давно уже привык к этим исполнительным созданиям, которые он называл «гибкими машинами», хотя сразу после Вороньего гнезда относился к ним с опаской.

— Спасибо, — сказал он, взял увесистую пачку и швырнул ее в угол, не читая.

Шаги белкового дробно простучали по лестнице и стихли в отдалении.

Жильцони выписывал множество газет из всех уголков страны в поисках материалов об избранниках длинного Бига, с которыми он некогда имел дело. В другое время он сразу начал бы разбирать пачку, вырезать интересные статьи, сортировать их, клеить в альбом...

Но сейчас он был поглощен прослушиванием мыслей Исав.

— ...Обе были в голубых облегающих униформах, как и все остальные, — продолжал повествовать Исав. Начала фразы Альвар не расслышал, отвлеченный почтальоном, — «Вам нехорошо?» — спросила одна из них, лицо ее мне чем-то напомнило Шеллу.

Видно, я здорово побледнел. Хозяин говорит, я бледнее как мел, когда начинается приступ.

Я боялся открыть рот, опасаясь, что из него вырвется вопль. «Опять новенький»,— обратилась первая к подруге.

«Да, у нас долго не задерживаются»,— кивнула та, внимательно меня разглядывая. «Сердце?»— спросила первая. Я постарался улыбнуться как можно увереннее: «Пустяки. Все в порядке!», после чего обе девушки ушли.

Осторожно, стараясь не повернуть шею, я покосился налево и направо. С двух сторон меня охватывала огромная подкова командного пульта длинного бига. Мне показалось, что это две руки, которые растопырились, чтобы поймать нарушителя.

Ко мне подошел пожилой человек, дышащий тяжело, астматически. Форма на нем сидела неловко, топорщилась.

— Добрый день, коллега,— сказал он.

Я, забывшись, кивнул и тут же едва не закричал.

— Вы по заданию президента?— спросил незнакомец.

— Да,— сказал я наугад. Больше всего на свете мне хотелось, чтобы он оставил меня в покое.

Слева и справа от меня люди торопливо присаживались к пульту, нашептывали в мембрану задание длинному бигу, затем получали ответ и убегали. Освободившиеся места тут же занимали другие.

— Кандидатуры подбираете?— спросил у меня пожилой.

— Кандидатуры...— ответил я, пораженный.

— Значит, мы по одному проекту,— заметил он и сел рядом на освободившееся место.

— Не уверен...

— Я ищу людей, лишенных физических недостатков.

— Колонистов для Венеры?

— Нет, дело здесь другого рода,— покачал головой незнакомец.— Мой проект называется «Возрождение спорта». А ваш?..

В этот момент рупор на мое счастье провозгласил: «Пульт не задерживать! Пульт не задерживать!»,— незнакомец отвернулся и торопливо уткнулся в свою мембрану, бормоча задание.

...Я наклонился, как это делали другие программисты, и отчетливо произнес:

— Проект «Розыск гения». Задание: отыскать среди всех живущих человека, который достиг (или со временем сможет достичь) наибольшего совершенства...— я силился вспомнить окончание фразы, которую твердил мне хозяин, но боль в затылке спугала мысли, и я не сумел этого...

— Негодяй! — закричал Жильцони и схватился за голову. Теперь, благодаря случайной находке, он понял все.

Длинный Биг оказался ни при чем. Выполняя заданную программу, он выбрал и в самом деле НАИБОЛЕЕ СОВЕРШЕННЫХ людей. Наиболее совершенных — каждый в своей области, но отнюдь не в области физики, о которой Исаа не сказал ему ни слова...

Стоп! Но почему же длинный Биг включил в список его, Альвара Жильцони?..

Значит, и Жильцони чего-то стоял? Почему же он ничего не достиг? На что растратил свои способности?

Между тем воспроизводитель продолжал добросовестно извлекать из кристалла биопамяти то, что некогда было на нем записано.

— ...Не помню, как я покинул длинного Бига, — доверительно рассказывал Исаа. — Уже на станции придя немного в себя, я вытащил из кармана обрывок перфоленки и прочел список, выданный мне Бигом...

Альвар, сцепив зубы, прослушал список, знакомый ему до последней буквы.

Все стало на свои места.

Исаа все еще что-то бубнил. Жильцони с яростью ударил кулаком по воспроизводителю, и голос умолк. Кристалл биопамяти его верного помощника Исаа разлетелся вдребезги.

«Гений без винтика!», — вспомнил Жильцони кличку, которую дали ему безжалостные мальчишки с улицы. Видно, неспроста. Недаром же назвал его имя длинный Биг.

Марк Нуш и Мензи прочили ему блестящее будущее...

В какой же момент он убил свой талант? Может быть, именно в тот, когда решил лететь в Скалистые горы, чтобы уединиться от людей, последовав нелепому совету?

Теперь все равно.

Всю ночь Жильцони мерял ногами комнату. Он вспоминал свою жизнь, которую сам принес в жертву всепоглощающей идее.

Когда первые рассветные лучи заглянули в окно, Альвар, вкоонец обессиленный, остановился и вдруг заметил объемистую пачку, брошенную в углу.

— Последняя почта, — произнес он и, став на колени, принялся разбирать газеты.

Снова и снова встречал он имена тех, кого выбрал по программе Исаа длинный Биг.

— Будто больше писать не о чем, — ворчал Жильцони, отшвыривая за газетой газету.

Видно, живет в людях неистребимая тяга к совершенству. Не она ли объясняет извечное стремление сквозь тернии — к звездам?

Жильцони сделал несколько шагов. Стены комнаты дрогнули и начали вращаться. Нечто подобное уже было с ним. Духота предгрозя. Комната, забитая блоками и книгами. Вдохновенное лицо человека, восторжествовавшего над счетной машиной. А затем... Затем произошло нечто ужасное, отвратительное. И виновником оказался он, Альвар Жильцони.

Может, все это — дурной сон? Кошмар, привидевшийся когда-то? О, если бы!

Альвар осмотрелся. А может быть, сон — вся его нынешняя жизнь?..

Он с недоумением взглянул на порез на руке, потрогал пальцем запекшуюся кровь. Саднит. Но разве боль — доказательство того, что он бодрствует? Боль можно ощущать и во сне. Да, боль может наступить и во сне, если она горька и всепроникающа.

Солнце, хлынувшее в комнату, осветило старика. Он сидел у стола, положив голову на груды листов. Серебряная борода свешивалась, колеблемая легким ветром.

Согбенная фигура была неподвижна, словно изваяние. И тень от нее казалась мертвой. Настолько мертвой, что воробей, залетевший в окно, принялся безбоязненно расхаживать по столу, чиркая и вороша клювом мелкие клочки бумаги.

**ВИЛЬГЕЛЬМ ДИХТЕР И ЯЦЕК
КУНИЦКИЙ**

УБИЙСТВО КРИСТАЛЛОМ

Герой должен быть англичанином. В криминальных историях необходима таинственность. И уважаемый автор создает с почитаемых соотечественников убийц и детективов. Потом растворяет действие в подлондонском тумане, и все довольны.

В одном из домиков в пригороде большой метрополии беседуют между собой два человека. До конца беседы им никто не мешает. Тот, кто заговорит первым, носит темные очки.

— Завтра покидаю Англию. По твоей милости я потерял здесь две недели. Две недели в этой комнате, старик.

— Это прекрасный дом.

— Еще бы, я заплатил за него восемь тысяч фунтов.

— Завтра покидаешь Англию.

— Да. Ты проводишь меня на аэродром?.. Пять лет ты не был здесь, а эти две недели приходишь каждый день. Это прекрасная комната, она благоприятствует визитам, верно, старик? Но я бы здесь и дня не пробыл даже ради самой английской королевы, а тебе посвятил целых две недели. Для чего?

— Две недели тому назад в этой комнате...

— Знаю.

— Убит человек.

— Ты сошел с ума. Я же слепой и ничего не видел, когда

этот проклятый канделябр свалился ему на голову. Это был несчастный случай. Ты и все, кто были на приеме, видели, как это случилось. Я вообще его не видел и не знаю, как он выглядел. И ни в чем помочь тебе не могу.

— Кто пригласил на прием Джамеса Паттона?

— А зачем это тебе? Ты что, из полиции? Инспектор уже был, и следствие закончено.

— И, все-таки, кто же пригласил Джамеса Паттона?

— Моя жена.

— У тебя очаровательная жена, Грабле.

— Оставь ты ее в покое!

— Когда она возвратится от матери?

— А тебе что до этого?

— Они давно были знакомы?

— Слушай, старик...

— Не хочешь говорить? Могу уйти.

— Останься.

— Итак, что ты хочешь рассказать? Может быть, о своей работе?

— Ты же все равно не разбираешься в этом. Так же, как и в убийствах. Я изучаю кристаллы, только о них и думаю. Сколько проблем решил я в своей жизни! Рассказать тебе о кристаллах?

— Расскажи.

— Это архитектура природы. Кристаллы соли или металла состоят из маленьких частиц. Или. взять. кристалл кварца. Видели ты, старик, птиц в небе?

— Видел, Грабле.

— А как они кружат?

— Да.

— Беспорядочно кружат — это картина газов. Там атомы бегут как хотят, отдаляясь друг от друга. А осенью птицы улетают из Англии. Вместе, рядом друг с другом, за Канал — это картина жидкости. Когда вода выплывает из стакана, то это атомы один за другим падают вниз. В жидкости атомы больше связаны между собой, чем в газах. А птицы иногда застревают в небе, как бы без движения...

— И едва заметно машут крыльями в воздухе.

— Это очень важно, что машут. Напомни мне об этом, когда я закончу. Застывшие атомы торчат, как точки в небе. Таким представляется постоянное физическое тело.

— А птицы машут крыльями, Грабле.

— Атомы дрожат. Нет тех больших движений, как в газах,

или в жидкостях, но имеется дрожание влево и вправо, вверх и вниз. Очень быстро. Это как стул и стол...

— И тот канделябр тоже?

— Да, все это постоянные тела.

— Грабле, я прерву тебя. Теперь я знаю кто убийца.

— Ты не слушаешь, о чем я говорю.

— Когда канделябр упал, то все подбежали. Но Джемес Паттон уже был мертв.

— Да, это был тяжелый латунный канделябр. На нем была выгравирована надпись: «Дамоклов меч». Перед этим все подходили к нему и рассматривали, а он упал именно на Паттона.

— Я внимательно слушал все, что ты говорил о кристаллах, грабле. Лучше бы мы не говорили об этом. Прекрасно, что ты назвал кристаллы архитектурой природы.

— Да, там господствует порядок, неизвестный людям. Каждый атом имеет свое место и никогда не занимает место другого. Кристалл — это особый пример постоянного тела, наиболее удачный пример. Птицы стоят неподвижно в небе и машут крыльями, но они могут создавать и определенный рисунок — фигуру. Когда атомы сложат постоянную фигуру и будет создана определенная симметрия, тогда возникает кристалл.

— А что находится между атомами?

— Сейчас. Птицы создают фигуру, но возьмем большее количество птиц. И рядом с каждой птицей, парящей в небе, вообразим себе еще три, четыре, десять. Пусть фигуру создают не птицы, а группы птиц. Ибо кристалл — это регулярное строение не отдельных атомов, а групп атомов. Группа атомов — называется узлом кристалла.

— А что между узлами?

— Ничего. Пустота, настоящий вакуум.

— Откуда нам известно, что в действительности это так?

— Если бы двери не имели замочной скважины, то свет не проходил бы узкой струйкой из комнаты в комнату. Если бы кристалл был полный, то лучи застряли бы в нем. А они проходят через пустоты, как свет через замочную скважину.

— Кристалл пористый.

— Как все в природе. Только пористость кристалла, его горы и долины создают фигуру геометрии... Завтра я покидаю Англию, старик. И оставляю здесь еще одного британца, который полюбит кристаллы так же, как и я.

— Нет, ты больше никого не любишь?

— Да, я слишком много решил проблем в своей жизни.

— И две недели тому назад...

— Обвиняешь меня!

— Я видел тех, кто подбежал к убитому, пораженных случившимся. Только твоя жена, как мне показалось, все понимала и чувствовала, что свершился роковой приговор.

— Оставь ты ее в покое.

— Ты остался сидеть в кресле. Ты же слепой. Но твоя жена не подошла к тебе, а ведь такой должна быть ее первая реакция. Она боялась, тогда боялась и боится сейчас, находясь у матери.

— Подозреваешь мою жену?

— Грабле, лучше бы ты продолжал рассказывать о кристаллах.

— Не воображай себе, что руководишь нашей беседой. Говорю, что хочу, и удивляюсь твоей глупости. Кристалл является берегом, таким берегом, как Англия. А узлы — это Лондон, Глазго, Ливерпуль. С высоты птичьего полета берег кажется неподвижным. Неподвижны и города — узлы кристалла. Но приглядишься к Лондону, когда люди возвращаются с работы: ты не увидишь ни тротуаров, ни мостовых, город представляет собой сплошную толпу. Толпу крыш авто и людских шляп, которые возвращаются домой.

— Грабле...

— Что?

— Да, ничего.

— В кристалле то же самое. Узел — это атом около атома. Каждый атом имеет свое движение, которое я назвал дрожанием. Дрожат атомы, их ядра и их электроны. Весь узел такой, как будто бы под городом трясется земля. Однако еще существует толпа, толпа электронов, расположенных между ядрами атомов в узле.

— Кому первому из людей пришло это в голову?

— Пьеру Кюри! Тому, кто позднее женился на Марии. Это была прекрасная супружеская пара.

— А он этого никогда не видел?

— Чего?

— Тех узлов и электронов.

— Нет. Невозможно все увидеть, даже имея хорошее зрение.

— Ты прав. Еще есть время поразмыслить. Ты подумай. Я тоже.

— Что?

— Я давно замечал, что Джамес Паттон был любовником твоей жены.

— Почему об этом ты не сказал мне раньше? Год тому..

— Ты же сам знал об этом, Грабле.

— Жаль, что я его никогда не видел. Не знал даже имени. Только известно было, что он весил 86 килограммов.

— Ты сошел с ума?

— Моя жена не скрывала от меня писем или каких-либо других бумаг. Да и была ли в этом необходимость? Правда, однажды в ее сумочке я случайно обнаружил квитанцию, которую, как обычно, выдают при взвешивании. Вес был выбит на этой картонке. И деликатно поглаживая пальцем, я прочитал эту цифру. Моя жена не весит 86 килограммов. В квитанции указана точная дата — первое июня.

— Твоя жена выехала на следующий день после смерти Паттона. Она боялась.

— Боялась?

— Да. Боялась полиции и убежала из Лондона. И этим отличаются люди от твоих кристаллов. Электрон бежит только в узле, а она с узла сбежала.

— Ты говоришь глупости. Не она убила Паттона.

— А кто?

— Канделябр. Это был несчастный случай. Кроме того, электроны могут выходить с узла. Кристалл — это Англия, узлы — это города. Если бы какой-нибудь Гулливер схватил руками наш Остров от Канала до Шотландии и сжал его, то Лондон приблизился бы к Глазго, а Ливерпуль к Лондону. Из городов высыпала бы толпа и бежала, бежала бы до границ водного пространства. И, если бы этот Гулливер выстроил мост на континент, то толпа двинулась бы по мосту. Понимаешь, старик?

— Говори дальше.

— Не нужно Гулливера, чтобы сжать кристалл, достаточно положить на него какую-нибудь тяжесть. А если кристаллом будет кварц — я говорил тебе, что кварц тоже кристалл?

— Да.

— Тогда с его узлов побегут электроны и достигнут границ кристалла. А мост? Что будет с мостом? Два куска провода, на которые попадут электроны. Движение электронов — это электрический ток. На проводах появится напряжение. И чем сильнее будет сжат кварц, тем выше будет напряжение, а чем слабее — тем ниже. Это все, что ты можешь понять без математики. С истинным удовольствием я все рассказывал тебе как детективу, старик.

— А я с немалым удовольствием слушал тебя, Грабле. И теперь знаю: твоя жена не убивала Джамеса Паттона. Она и не могла иметь какого-либо повода, чтобы убивать его на этом

приеме. Может быть, более правдоподобно, что сам Паттон сбросил на свою голову этот канделябр.

— Чушь. Это был несчастный случай. Закончим, старик, говорить о кристаллах, лучше пожелай мне доброго здоровья и иди ты домой.

— А что, только кристалл кварца дает электрическое напряжение при сжатии?

— Нет, другие тоже. Это называется пьезоэлектричеством. В технике больше применяется кварц. В паровой котел можно вставить втулку с мембраной. Пар выгибает мембрану, а мембрана сдвигает кристаллик кварца. Наступает напряжение.

— А это большое напряжение?

— Нет, очень слабое.

— Жаль.

— Почему жаль? Можно его увеличить. Теперь мы научились увеличивать напряжение. Это увеличение мы можем проследить по вольтметру и таким способом, косвенным путем определить напряжение в котле.

— Приведи еще какой-нибудь пример, Грабле.

— Другой? Можно измерять напряжение в поршневых и реактивных двигателях.

— Дай еще пример, Грабле.

— Увеличение напряжения может служить для саморегуляции. Прекращение определенного напряжения, в том числе электрического, создает импульс уменьшения подачи бензина или керосина в реактивном двигателе. Все это происходит автоматически.

— Прошу, приведи еще какой-нибудь пример, Грабле.

— Кварцем можно измерять напряжение в орудиях и карабинах. Брось кварц в глубь моря, и по напряжению узнаешь, какое там господствует давление. Пьезоэлектрические измерения так срослись с техникой, что если бы сегодня на Земле не хватило кварца, то прекратили бы работу многие лаборатории, фабрики и заводы.

— Недостаток кварца на Земле имел бы также и один плюс.

— Какой? Где ты находишься?

— Посредине комнаты.

— И не боишься, что канделябр упадет на тебя?

— Я повесил его крепко.

— Прежде тоже висел крепко.

— Тогда под канделябром стоял Джамес Паттон. Грабле, скажи, могут ли кристаллы кварца применяться для измерения тяжести?

— Я не энциклопедия, чтобы все знать.

— Ты назвал меня сегодня глупцом. Но ты ошибся. Сказал, что я не направляю нашу беседу. В этом ты прав. Мы шли вместе, рядом. Впрочем, об этом мне мог бы рассказать и другой специалист. Но ты напросился сам. Благодарю. Ты убийца, Гребле. Не бойся становиться под канделябр, ибо ты весишь только 75 килограммов, а не 86, как Джамес Паттон. Твоя жена, действительно, боялась, но боялась не полиции, а тебя, Гребле, тебя который вынес приговор и исполнил его. Кроме твоей жены, никто из гостей не был знаком с Джамесом Паттоном. Даже ты не знал его. Но тебе известно было, что Паттон весит 86 килограммов. Под полом, над которым висит канделябр, находится гильза с кварцем.

— Провоцируешь, старик.

— В этом нет надобности, Гребле. Если хочешь, могу вскрыть паркет и под одной из досочек найду кварц. От него наверняка тянутся провода к стене и на чердак. Там где-то усиливается напряжение. Твой канделябр висел не на крюке, а только на проводе, который в определенный момент оборвался. Провод был подключен к аккумуляторам. И когда на кварце, помещенном в гильзе под паркетом пола, оказалась тяжесть точно в 86 килограммов, то все сработало. Это ты обратил внимание, что на канделябре имеется надпись: «Дамоклов меч». Все присутствующие на приеме подходили к канделябру, чтобы прочесть эту надпись. И когда подошел и встал под канделябр Джамес Паттон, то по проводу пошел электрический ток, ибо кварц послал свой импульс. Провод накалился и лопнул. Когда я вешал канделябр на место, то заметил, что концы провода были расплавлены от накала.

— Глупости говоришь, старик. Паттон мог тогда взвешиваться и в пальто, и вес мог не совпасть.

— Нет, не мог. Паттон взвешивался в июне. А в эту пору все люди ходят в костюмах. В костюме он был и на приеме. Для этого и был устроен прием. Только в одном ты дьявольски рисковал, Гребле. Ведь кто-то другой тоже мог иметь вес 86 килограммов. Но тебе повезло. Даже полиции всего мира не пришлось бы в голову, как было совершено это преступление. При таком алиби. Ты же слепой, ничего не видишь. Но приготовил все сам. И тебе долго пришлось готовить.

— Да, долго, старик.

— Ты сказал, что завтра покидаешь Англию. И когда покинешь Англию, то оставишь на Острове еще одного британца, который любит кристаллы.

Перевод с польского
Вл. ГОЛОВЧАНСКОГО

В. РЫБИН

ЗЕМЛЯ ЗОВЕТ

Суперкорабль «Актур-12» сто тысяч лет носился по межгалактическим параболам, без конца фиксируя звездные облака, то свитые в спирали, то рассеянные неведомыми силами, то сдвинутые в плотные молочные сгустки. Иногда приборы нащупывали в глубинах галактик планеты, похожие на Землю. Тогда корабль вонзался в звездную кашу, находил планету, и люди долго жили там среди иных существ, как среди себе подобных.

Каждые сорок лет космолетчики запирались в аннигиляционные капсулы, переводили корабль на субсветовую скорость и там в беззвездном и бесцветном засветовом антимире, где все наоборот, возвращали себе молодость. А тем временем корабль проскакивал очередной межгалактический вакуум, и перед глазами обновленных людей вспыхивали новые звезды, возникали новые миры, ждущие исследователей.

На корабле уже не оставалось места для хранения информации: панели с кристаллами памяти, на которых были записаны собранные знания, стояли во всех переходах и жилых отсеках.

Пора, давно было пора возвращаться на Землю с этим уникальным грузом, способным преобразить не одну цивилизацию. Но и на обратном пути тоже попадались неведомые миры, и исследователи опять задерживались.

Сколько было исследованных ими миров? Тысяча? Или больше? Этого даже командир точно не помнил. Зато он умел безошибочно находить нужные кристаллы памяти. И, как старец, мучимый воспоминаниями, много времени проводил в объемной камере видений, перебирая эти кристаллы, заново переживая пережитое. Он снова ходил по ледяным куполам комет, собирал коллекции минералов на «диких» межгалактических астероидах. И тонул в живом океане загадочной планеты 926-Б-719. И умирал в заражающей беспричинным восторгом розовой атмосфере третьего гиганта четырнадцатой галактики. И отбивался от всепожирающих сгустков хищного тумана...

Но в последние годы командир редко посещал все эти миры. Их вытеснил из памяти мир тройной планеты под двумя солнцами, где так хотелось остаться навсегда и откуда они улетели, гонимы программой экспедиции и острой тоской по родной Земле.

Это был мир невообразимо, сказочно развитой цивилизации.

Они даже не сразу поверили в ее существование, так непонятна была там жизнь. Космонавты не нашли на тройной планете ни сети дорог, ни россыпей городов. Зато поминутно встречали загадочное, необъяснимое...

Это началось задолго до того, как была обнаружена тройная планета. «Актур-12» пересекал окраину очередной галактики, делая первый зондаж звездной спирали. Как-то, проходя через боковые отсеки реакторной секции, историк корабля Войл заметил в конце коридора голого человека. То есть он был не совсем гол: на ногах, бедрах, груди и на голове незнакомца было надето что-то светло-серое, серебристое.

— Здравствуй, Войл! — сказал человек, приветливо улыбаясь.

— Кто вы? — недоуменно спросил историк.

— Неважно.

«Хорошенькое дело», — подумал Войл, прижимаясь спиной к переборке. У него закружилась голова. Он пересилил себя, оттолкнулся от стены и пошел навстречу странному человеку. Но тот исчез так же внезапно, как и появился.

Случившееся было настолько необъяснимо, что товарищи приписали это неумеренному воображению историка.

Но вскоре таинственный человек появился вновь. Была объявлена общая тревога, первая за сто тысяч лет полета. В тот раз командир, как ему и полагалось, находился в своем наглухо заблокированном командном отсеке под защитой мощных силовых полей. Когда на пульте один за другим зажглись зеленые глазки и все космонавты доложили о готовности, командир включил «главную продувку». Полчаса по отсекам и переходам носился смерч

убийственной радиации. Но еще до того, как этого «беса смерти» выгнали в вакуум открытого космоса, командир увидел в двух шагах от себя человека с четырьмя широкими серебристыми полосами поперек голого тела.

— Давайте договариваться, — сказал незнакомец ясно и четко, будто годы общался с землянами.

— Кто вы? — спросил командир.

— Узн.

— Как вы сюда попали?

— Надо же с вами побеседовать, — ответил незнакомец.

— Но вы прошли через силовые поля...

— Разве? — улыбнулся он.

— Вы: — живой? — Командир хотел спросить о намерениях незнакомца, но промолчал: кто же сразу скажет о намерениях?

— Мы знаем о вас все. Но вам нечего опасаться.

Командир усмехнулся. «Можно ли знать всю бездну информации, хранящуюся в бесчисленных кристаллах памяти?» — подумал он.

— Да, там есть кое-что интересное, — неожиданно сказал незнакомец, заставив командира побледнеть. — Но в основном все это нам известно. Посудите сами: на десять парсеков мы можем переноситься даже без кораблей, а граница непосредственно исследуемой нами Вселенной простирается на тысячи световых лет. Конечно же, мы путешествуем не со световой скоростью, как вы, и даже не с субсветовой. И нет преград, через которые мы не могли бы мгновенно и безопасно проникать... Как видите, вам будет интересно побывать у нас...

Командир торопливо соображал. Он верил и не верил таинственному Узну. И боялся, что незнакомец видит его опасливые растерянные мысли. Впервые за сто тысяч лет он, посланец могущественной цивилизации, чувствовал себя робкой птицей в клетке, где некуда спрятаться от чужих глаз.

— Мы поможем вам преодолеть пространство, — сказал незнакомец. — Разумеется, если вы пожелаете быть нашими гостями.

— Нам нужно посоветоваться, — сдавленным голосом сказал командир.

Человек кивнул и исчез. Командир опустился в зыбкое воздушное кресло, положил голову на подушку биостимулятора. Мысли потекли ровнее, но это не принесло ожидаемого покоя. Сто тысяч лет он сам распоряжался судьбой корабля. Встречались опасные миры, встречались развитые цивилизации. Но всегда он, командир, имел возможность решать самостоятельно: оставаться или улететь. Правда, и здесь, как говорил незнакомец, они могут отказаться от

гостеприимства. Но тут действовали другие законы, в чем-то страшные и даже унижительные. Да, это было похоже на свободу в клетке, у которой открыли дверцу: хочешь оставайся, хочешь лети...

«Не за тем мы отправлялись с Земли, чтобы бояться неведомого», — решил в конце концов командир. Он дотянулся до пульта и нажал кнопку Общего сбора...

Это был странный мир. Идя по снижающейся орбите, командир видел дикие горные хребты в зеленых шапках непроходимых лесов, первобытные нетронутые степи, широкие песчаные отмели по берегам морей. Моря здесь пронизывали сушу частыми проливами, превращая пенную береговую черту в главную деталь ландшафта. С высоты казалось, будто планета закутана в причудливую разноцветную сетку голубых вод, белых пляжей, зеленых лесополос, коричневых горных хребтов.

Экспедиционная ракета землян опустилась на берегу одного из проливов. Высокие волны далеко в море вставали на дыбы и, потрясая пенными гривами, бежали по мелководью. Не пробежав двадцати метров, они плюхались на песок и униженно ползли к ногам оторопелых землян.

— Морем пахнет! — воскликнул Войл.

— Исккупаться бы! — слышались возгласы.

— Позагорать на песочке!

— Как на Земле!..

И тут все увидели на мокром песке цепочку следов. Будто бабник мальчишка только что пробежал босой по отмели перед отступившей волной. Но волна снова нахлынула, лизнула следы, смыла их. Звонкий веселый смех прозвучал в воздухе. Космонавты переглянулись.

— Всем в ракету! — приказал командир.

Семьдесят часов отсиживались они под защитой мощных силовых полей, отсекающих даже внешние излучения. Потом решили рискнуть и снова вышли на пустынную отмель, удивляясь шуму волн, влажному ветру, необыкновенно родным, как на Земле, запахам.

Постепенно проходило чувство настороженности. Иногда командир ложился на теплый песок, закрывал глаза и представлял себя вернувшимся домой, сбросившим с плеч вековой груз обязанностей. Но, открыв глаза, он видел два солнца в небе и два сверкающих негасимо полумесяца. И тоска по Родине — сильное чувство, которое ему удавалось подавлять так долго, — теперь захлестывала душной петлей, торопила в последнюю дорогу через бездну.

Им никто не мешал. Земляне свободно перемещались, забываясь в самые глухие горные ущелья, в самые непроходимые де-

ри. Летали на другие две планеты, почти ничем не отличающиеся от первой, исследовали множество мелких планеток, с удивительно одинаковыми расстояниями между орбитами, будто кто сознательно расставлял их, как километровые столбы, на дорогах, ведущих к Солнцам и в темные глубины Космоса. Но нигде — ни на планетах, ни на планетках земляне не нашли никаких признаков разумной жизни.

Время от времени загадочный Уэн навещал их. Всегда он был подозрительно нелюбопытен, но терпеливо и обстоятельно отвечал на все вопросы.

— Где вы живете? — однажды спросил его командир.

— В других пространствах, — ответил Уэн.

— В каких?

— Вы этого не поймете.

— Почему не поймем?...

— Не обижайтесь. Это, действительно, не объяснишь сразу. Мне пришлось бы убеждать вас в существовании законов природы, противоречащих тем, на которые опиралась ваша цивилизация. Затем — другие законы, исключаяющие первые. И так много раз. Существо, привыкшее мыслить логически, не в состоянии перенести столько потрясений. Истина может восприниматься только по этапам. Она должна вызреть, чтобы, отвергнув себя, родить другую истину...

— Но можно ведь понять и не принимая. По аналогии.

— Аналогия? — повторил Уэн и задумался. — Ну что ж, вот хотя бы радио. В глубокой древности оно было у нас широко распространено. Вы ведь не удивляетесь, что в одном и том же пространстве уместается множество радиоволн? В одном и том же месте, не мешая друг другу, одновременно существуют тысячи сигналов, несущих самую различную информацию...

— У вас волновые формы жизни?

— Не совсем так. — Уэн усмехнулся, но не снисходительно, как ожидал командир, а вроде даже дружески.

— А ваши дома, они тоже в других пространствах?

Уэн кивнул.

— Сколько же у вас этих пространств?

— Бесконечно много.

— Значит, и вас самих бесконечно много? Как же вы управляетесь?

— У каждого есть разум, — улыбнулся Уэн.

— Почему же никто не считает разумным жить в этом пространстве, среди этих лесов и полей. Здесь ведь так хорошо.

— В других — удобней, — сказал Уэн. — Кроме того, все эти леса и горы — заповедник или, если хотите, наш парк. Ну вроде как место отдыха и работы желающих...

И он исчез.

Эта странная манера обрывать разговор на полуслове удивляла командира. Но, поразмыслив, он понял, что все правильно, ибо нельзя назвать прерванным разговор, когда все сказано.

Как-то короткой ночью, когда одно солнце уже зашло, а другое только еще золотило морскую гладь, перед командиром, любившим гулять в эту прохладную пору, встал некто, очень похожий на Уэна.

— Почему вы не улетаете? — спросил он.

Командир насторожился.

— Кто вы?

— Уэн.

— Уэн — другой.

— Мы все — уэны. Это как вы — люди.

— Нам грозит опасность?

— Нет, нет, — быстро сказал незнакомец. — Вас все любят.

«Вот тебе и раз, — подумал командир. — Неужели из своих «других» пространств они все время наблюдают за нами?»

Он представил это и поежился. Человеку совершенно необходима уверенность, что он хоть иногда остается наедине с самим собой. Поэтому у всех разумных существ Вселенной есть свои дома или свои отсеки...

— Почему вы не улетаете? — снова спросил незнакомец.

— Кто этого хочет?

— Никто. Мы хотим, чтобы вы остались.

— Невозможно, — резко сказал командир. — Тогда вся наша экспедиция была бы бессмысленной. А что может быть хуже сознания бессмысленности сделанного. Мы улетим, но не раньше, чем поймем все ваше.

Незнакомец грустно улыбнулся.

— Для этого вам пришлось бы жить вечно.

— Состарившись, мы уйдем в Космос, — сказал командир. — Возвратим себе молодость и продолжим изучение ваших наук.

— Не догоните.

— Кого?

— Науки. Пока вы будете летать, науки уйдут вперед.

Командир задумался. Впервые за сто тысяч лет странствий он почувствовал беспомощность перед стеной времени.

— Вот, — вдруг сказал незнакомец. — Он протянул руку, как

фокусник, взял откуда-то из пустоты небольшой цилиндр и начал снимать с его торца тонкие гибкие диски.— Здесь все наши знания, век за веком. Мы верим, что вы не будете слепо копировать нас. Использование знаний, заложенных в этих дисках, потребует пересмотра убеждений. Вы, конечно, понимаете, что спешка в таких делах опасна?..

— Понимаем, — пробормотал командир, опешивший от такой невиданной щедрости.— Но как вы можете передавать чужому такую ценность?

— Это не ценность. Это, так сказать, мои кристаллы памяти, «моя личная библиотека», как говорили древние.

— И все же я хотел бы...— Командир замялся. Ему казалось неудобным вот так пользоваться доверием, тайно увозить этот бесценный цилиндр.— Надо бы сообщить тому Узну.

— Сейчас он видит и слышит нас.

Незнакомец снова дружески улыбнулся.

— Мы с вами очень похожи. Жаль, что между нами — бездна времени.

И вдруг совсем по-земному похлопал командира по плечу.

Розовое Солнце светило над чистым горизонтом. Тихо шумело море, ластилось к пологому берегу.

«Ну, все, — подумал командир, оставшись в одиночестве. — Больше нам здесь делать нечего.» Он представил, какую сенсацию произведет этот цилиндр там, на Земле, и заторопился к ракете...

...И еще семь лет мчался «Актур-12» в темных глубинах Космоса. Все космолетчики только тем и занимались, что непрерывно изучали бездну информации, хранившуюся в бесчисленных дисках узнцев. И часто эта информация была столь неожиданна, что рождала на корабле неистовые долгие дискуссии.

Постепенно командир привык к легкости, с какой наука жителей тройной планеты отказывалась от стройности взглядов в пользу парадоксальности. Он понимал, что легкость эта — лишь видимость, кажущаяся снисходительность дальних потомков к заблуждениям предков. И все же не мог отделаться от ощущения, что история их науки — длинная цепь единогласно и восторженно принимаемых сюрпризов.

«Должно быть, такова природа узнцев, — с завистью думал командир. — Недаром они так обогнали всех».

Он вспоминал Землю, жестокие схватки самолюбий на любом, даже самом незначительном повороте науки, и утешал себя надеждами, что за сто тысяч лет и люди, вероятно, достигли немого.

И вот случилось: очередной диск с информацией о древней-

ших временах уэнцев принес самый главный парадокс, невероятнейшую сенсацию.

Однажды командира разбудил тревожный вызов. Этим вызовом давно не пользовались, и командир, успевший забыть его назначение, не сразу понял, что делать...

— Пройдите срочно в объемную камеру, — позвали его.

— Войл? — удивился он. — Что случилось?

— Надо поговорить.

— Что за спешка? У нас впереди не меньше тысячи световых лет,

— Боюсь, что меньше.

— Вы хотите сказать: автоштурман ошибается?

— И это тоже. Мы летим не туда...

Командир сел в кресло биостимулятора, чтобы отойти от долгого электросна и успокоиться. То, что сообщил Войл, могло означать только одно: они заблудились. Превратиться в вечных скитальцев, в этиких «летучих голландцев», обреченных на бесплодные поиски своей пристани, — хуже ничего не могло быть...

— Ну, — сказал командир, входя в камеру видений. — Рассказывайте с самого начала.

— С начала? — почему-то переспросил Войл. — Пожалуйста.

Он сделал быстрый жест рукой, и сразу пропали стены. Вокруг до горизонта простиралась залитая солнцем бескрайняя степь. Вдали, в центре огромного черного круга, стоял космический корабль, похожий на острый конус с тяжелым широким основанием. От корабля в разные стороны быстро разбегались сотни машин, похожие издали на разноцветных букашек. Высоко в небе невидимый снизу гравилет огненным кругом очерчивал широкое пространство, предупреждая всех об опасности полета в этой зоне. Над степью тяжелым медным звоном гудел усилитель хронометра, отбивал секунды. В тот миг, когда затих последний удар, конус корабля бесшумно оторвался от земли и начал подниматься к центру горящего в небе кольца. Потом где-то там, куда ушла точка корабля, ослепительно вспыхнуло. И погасло. И опять голубела высота. Только опадающие лохмотья огненного кольца напоминали о буйстве сил, изливавшихся в небо...

— Ну и что? — сказал командир, когда камера видений снова приобрела свой обычный вид. — Это отлет нашего «Актюра». Сто раз я видел эту запись.

— Да? Ничего особенного? — Войл был необычно взволнован. — Так вот, эту запись я нашел на диске уэнцев.

Командир удивленно уставился на историка.

— Что вы хотите сказать?

— То, что отлет «Актур-12» — факт далекой истории уэнцев.

— Что вы хотите сказать? — недоуменно повторил командир, тряхнув вдруг отяжелевшей головой.

— Планета, на которой мы были — это наша Земля.

— Но она — тройная.

— Они перестроили планетную систему.

— А Солнце? Второе Солнце?

— Вероятно, оно им понадобилось..

Они долго молчали, думая каждый о своем. Откуда-то из глубин корабля доносился металлический стук. В углу прерывисто дышал преобразователь воздуха, напоминая не то всхлипывание, не то нервные смешки.

— Почему они нас не узнали? — устало спросил командир.

— Мы их тоже не узнали, — отозвался историк. — С чем и поздравляю. Мы теперь сами по себе. Нас никто не понимает и мы никого не понимаем. Прямо — самостоятельная цивилизация.

— Почему они нас не вернули? Похоже, что уже тысячи лет назад наша экспедиция стала бесполезной.

— Они нас искали. Здесь, на дисках, говорится об этом. Сейчас найду...

Командир жестом остановил его.

— Значит, мы были там, где еще не бывали уэнцы?

Он даже привстал, такой обнадеживающей показалась ему эта мысль.

— Всего скорей, что они тоже были там, но в другое время. Ведь они же говорят, что знания, записанные на наших кристаллах, им известны... Подумать только — сто тысяч лет, миллионы парсеков, сотни обитаемых миров — и все впустую!..

— Безрезультатных опытов не бывает.

— Послушайте, а может, найдем подходящую планету?

Командир отрицательно покачал головой.

— Или остаться вечными странниками, — не унимался историк. — Будем летать такими добрыми духами от галактики к галактике, устанавливая связи между мирами, сеять знания?..

— Благотворительство? От него столько же вреда, сколько пользы. Ценности ценятся, когда они добыты трудом. Своим трудом, заметьте. Нет, Войл, мы — земляне, летим домой.

— Будем жить как никому не нужные заморские дикивинки? Да сколько мы там протянем?

— Разве вы еще не поняли, что вечно жить — бессмысленно? Одного этого вывода довольно для оправдания всех наших трудов.

— Но ведь мы им не нужны! — закричал Войл. — Нельзя жить, когда ты никому не нужен!..

И тут рядом послышался тихий и мягкий голос:

— Все не так просто.

Командир и историк разом оглянулись и увидели у стены бледный силуэт человека с матово поблескивающими полосами на голове, на груди и на бедрах.

— Вы знали, кто мы? — спросил командир, опомнившись.

— Я говорил: мы им не нужны! — раздраженно сказал Войл.

— Все не так просто, — повторил узнец.

— Почему вы нам не сказали?

— Это было бы, как взрыв. Мы не могли лишать вас надежд. Это верно: нельзя жить с сознанием, что ты не нужен. Вам требовалось время, чтобы привыкнуть и понять.

— Ну вот, Войл, а ты говорил — ничего общего. Они мыслят как мы.

— Слабое утешение.

— Это лишь начало. Сколько еще найдется общего!

— Каково будет нашим, когда они узнают, что все труды напрасны! Нам нечего сообщить Земле, там и без нас все знают.

— Все знать нельзя, — сказал узнец. — Пусть знания, которые вы собрали, нам известны. Но есть информация и есть выводы из нее. Вы сами по себе — феномены. Новая информация в вас самих. Она не может быть не интересной. Но нас разделило время, и вы вправе решать свою судьбу.

— Вот именно, — сказал Войл.

— Вот именно, — сердито повторил командир. — Только «мы» — это не я да вы. Мы — это весь экипаж «Актюра». Всем и решать...

Командир опустился в кресло. Вот когда почувствовал он, что устал, смертельно устал от столетисюлетних забот. Он закрыл глаза и откинул голову. Потом медленно, очень медленно поднял отяжелевшую руку, дотянулся до приборной панели и нажал красную кнопку.

Во всех самых отдаленных уголках корабля, ввинчиваясь в сознание и спящих и бодрствующих, забились, застонали, засверкали частые прерывистые сигналы Чрезвычайного Общего Сбора...

ИГОРЬ РОСОХОВАТСКИЙ

УРАГАН

СТРАНИЦЫ ИЗ ПОВЕСТИ

В Большом космическом архиве об этой планете имелись только обрывки сообщения, принятого на искусственном спутнике Юпитера: «...следует остерегаться... аборигены... пещерах... особая опасность... ураганы...

Корабль, с которого было послано это сообщение, не вернулся на Землю.

Исследуя текст, паузы, длину волны и условия, в которых передача принималась, ученые предположительно восстановили фразы: «Следует остерегаться местных жителей. Аборигены ютятся в пещерах. Особую опасность представляют ураганы».

На планету был послан второй корабль. Его экипаж подробно познакомили с предупреждением и различными толкованиями текста. Командиром корабля был избран ветеран звездного флота Петр Колесов.

ПЕЩЕРА

Ураган приближался. Черные столбы колебались в фиолетовом небе. Все чаще они освещались изнутри молниями, напоминая земные домны, полные расплавленного металла. Но вот они стали ломаться, дробиться, извиваться гигантскими гусеницами.

Кровавое и черное. Сначала больше черного, потом — кровавого. Из вышины тянулись жадные огненные языки, с которых, шипя, капала слюна. Мохнатые гусеницы плясали в отблеске молний. Шум урагана переходил в однотонный нестерпимый вой. Казалось, барабанные перепонки не выдержат и лопнут.

Петр уже понимал, что не успеет добраться до корабля. Надо искать убежище здесь, в каменной пустыне, где растут лишь жалкие кустики антисирени — так называли это растение космонавты за мелкие пятилепестковые цветки с неприятным запахом.

Петр подумал, что, пожалуй, одному все-таки не стоило уходить так далеко, но теперь запоздалые сожаления не помогут. Он побегал, вглядываясь в расщелины между скалами, в нагромождения больших камней, надеясь найти пещеру.

Почему он остановился у этой скалы? Она ничем не отличалась от других скал. Но уходить от нее не хотелось. В чем дело?

Петр присмотрелся внимательнее, пристальнее — и увидел отверстие. Значит, глаз еще раньше заметил его и послал сигнал в подсознание. Космонавт без промедления направился к отверстию, приготовив на всякий случай лучемер.

Эта мера безопасности не была излишней. Из пещеры вылезло сине-зеленое чудище. С его головы и плеч свисала густая длинная шерсть, за ним, приросшие к ногам, тянулись тонкие зеленые нити, напоминающие земные лианы.

Зверь не позволил себя рассматривать. Рыча, он качнулся к человеку.

Петр успел отступить. Глядя в узкие глаза зверя, сказал миролюбиво:

— Убегай, глупыш, не будем ссориться.

Зверь щелкнул зубами, фыркнул и пошел на человека.

Петр все еще не стрелял. Он замахнулся лучемером, как дубиной. Удар пришел по носу зверя. Тот взвизгнул и упал на камни. Но и теперь не удрал, а поднялся и прыгнул на космонавта. Петр едва успел уклониться. Зубы зверя щелкнули совсем близко от его шеи.

За спиной Петра нарастал грохот и вой. Ураган не давал времени на раздумье. Единственное укрытие от него — впереди.

Ударом ноги Петр отшвырнул с дороги зверя. Тот завыл и пополз, волоча задние ноги. Но пополз не в сторону, а за человеком. Его глаза округлились и злобно горели. Он фыркал и рычал, не оставляя сомнений в своих намерениях.

«Выхода нет», — подумал Петр. Его палец автоматически нажал на кнопку лучемета.

Вспышка. Легкий дымок растворился в воздухе на том месте, где только что находился зверь.

Петр включил нагрудный фонарь и осветил в пещеру. Луч грошел по голой каменистой стене, затем наткнулся на зеленую жирную плесень.

Петр прислушался. Ни звука. Космонавт навалил очки, связанные проводом с фонарем, и передвинул рычажок на нижнее деление, включая аппарат инфразрения. Несколько движений, и он очутился в пещере. Увидел стены, покрытые плесенью, мхом, вьющимися растениями, подумал: «А ведь словом «аборигены» могли обозначаться не только животные, но и растения».

В глубине пещеры имелся выступ, напоминающий лежанку. Петр сел на него и только теперь по-настоящему почувствовал усталость. Болела правая нога. Он ушиб ее, когда упал на камни.

«Сколько же километров я отмахал?»

Посмотрел на часы. Он бежал около пятидесяти минут.

Вой урагана стал тоньше, пронзительнее. Петр на миг представил себе, что бы с ним стало, если бы он не нашел укрытия. Он поежился, потом улыбнулся, удобней оперся о стену. Ему показалось, что камень стал мягче. Может быть, все дело было в том, что он воспринимал пещеру по контрасту с происходящим снаружи, но она была удивительно уютной, как бы даже доброжелательной к нему, словно комната в родительском доме. Ему вдруг почудилось, что это и в самом деле детская, и он слышит шепот матери: «Отдыхай, дружок, тут тебе будет хорошо». Шепот звучал так настойчиво, что ему показалось, будто он и в самом деле слышится.

«Чепуха»,— подумал Петр.— Шуточки памяти...»

Он вытащил из пакета тубик с питательной пастой, подкрепился. Отхлебнул из фляги немного воды. Положив лучемет под руку, Петр прислонился к стене и постарался расслабиться. Полчаса полного отдыха — и он будет готов к любым неожиданностям. Петр расслаблялся очень старательно, по системе: сначала мышцы левой ноги, затем — правой руки, левой руки, шеи... Веки почти сомкнулись, между ними оставался узкий зазор. Аппарат инфразрения он выключил: следовало экономить батарейку. Глаза привыкли к темноте и даже сквозь узкую щель между веками видели светлое пятно там, где был вход в пещеру. Конечно, он не сможет услышать посторонних шорохов из-за воя урагана, но если в светлом пятне мелькнет тень, глаза пошлют в мозг сигнал опасности.

Минуты тянулись медленно. Петр подумал, что товарищи в корабле уже беспокоятся о нем. Передатчик вышел из строя, когда космонавт упал в расщелину: повредился стабилитрон, а запасного

не имелось. Если бы на месте Петра был Бен, он бы что-нибудь придумал...

Петр представил узкое лицо добряка Бена, когда тот узнает, что командир не сумел отремонтировать рацию. Бен, по прозвищу Антенна, был ворчун и мог до бесконечности наставлять, как следовало поступить в подобной ситуации. При этом он не забывал упоминать, как поступил бы лично он. Пожалуй, Бен начал бы так: «Когда мальчику говорят — ходи в радиокружок, а он вместо этого одурело гоняет мяч, его надо просто-напросто высечь. Скажи честно, что ты делал в то время, когда твои сверстники занимались в радиокружке?».

Петр улыбнулся. Бен даже не заподозрил бы, что попал в самую точку. Петр действительно недолюбливал технику и занимался ею лишь по обязанности...

Он почувствовал холодное скользкое прикосновение к ногам. Инстинктивно отдернул их, вскочил. На его ложе забрались две тоненькие зеленые змейки.

Первое побуждение — уничтожить их. Но он никогда не следовал первому побуждению. А через секунду уже готов был посмеяться над собой. Зеленые «змеи» оказались двумя длинными отростками растений, выходящих по стенам пещеры.

Впрочем, одной существенной детали Петр не заметил — каждая «змея» имела на конце несколько мощных чашечек-присосок...

Кодмонавт сбросил растения со своей лежанки и снова улегся на нее. Тотчас он услышал немой, но совершенно явственный приказ: «Вспоминай!».

«Кто ты?» — мысленно спросил Петр и услышал ответ:

«Зачем тебе это знать? Тебе здесь хорошо, приятно, безогласно».

«Если не скажешь, кто ты, я не буду вспоминать», — с раздражением возразил Петр.

«Дурачок, ты снова упрямишься».

Слова были ласковыми, в них чувствовались знакомые материнские интонации.

Петр вложил всю силу воли в нервное усилие, в приказ памяти «не вспоминать!». Ему показалось, что он чувствует свои нервные волокна, что они напряглись наподобие мышц. Так прошло несколько секунд. Он услышал тот же голос:

«Не знаю, как ответить на твой вопрос. Можно ли черным и белым выразить разноцветное?»

«Еще бы! — ответил Петр. — Не тяни!»

«Если все упростить, то можно сказать, что я состою из миллионов живых существ, подобно тебе, состоящему из клеток. Они

нуждаются в дополнении друг другом, в коллективной защите. Достаточно ли тебе того, что ты узнал? А теперь вспоминай... Ну, вспоминай же!».

Петру почудилось какое-то движение в темноте, показалось, что он здесь не один. Но это ощущение не испугало, а почему-то даже успокоило его.

Он вспомнил Дом, который оставил на Земле. Уютный Дом на колесах с мощным двигателем, способным за короткое время доставить его из леса на побережье моря, где с шумом катились зеленые валы и каменными волнами застыли горы. Жаль, что сюда нельзя было взять Дом, который как бы сросся с хозяином, стал его панцирем. В трудную минуту Петр всегда мог укрыться в нем. Собственно, это только так казалось, что всегда. До прошлого года, точнее — до апреля, еще точнее — до семнадцатого апреля, когда в своем Доме рядом со своей женой он увидел Виктора. Петр ушел тогда, хотя мог бы не уходить: они сами могли уйти. Но дом, в котором пахнет предательством,— это уже не Дом.

«Помнишь его?»

Петру показалось, что голос прозвучал на самом деле. Почудилось? Но почему кому-то так необходимо, чтобы он вспоминал Дом? Что здесь может быть связано с Домом? И что именно надо вспоминать, ведь Дом — это не просто комнаты, письменный стол, стереокартина с кусочком моря, раструбы кондиционеров в нишах...

Петр протянул руку. Ему вдруг показалось, что он находится у себя дома и может прикоснуться к стене, на которой висит картина. Он действительно коснулся стены — гладкой, теплой, упругой, неотличимой от стены Дома...

Он вглядывается в полумглу пещеры — и видит там нечто, похожее на письменный стол — точно такой, какой оставил в Доме. Петр медленно встает и направляется к этому предмету. Но еще раньше, чем успевает рассмотреть его, он уже знает: предмет ничем не угрожает ему, это выступ, образовавшийся здесь, чтобы стать его столом.

Петр садится у «стола» на другой выступ со спинкой — «кресло». Он достает пакет и высасывает остатки питательной пасты из тюбика, допивает воду из фляги.

Петр знает: выходить не следует. Опасность там, спасение — здесь. Он понял это, когда нашел дом, в котором можно жить и ощущать его частью себя, и чувствовать его стены, как свою кожу.

Петр опять укладывается на лежанку, вытягивает ноги — он и не замечает, что она приняла форму, наиболее удобную для его тела. Он вспоминает небо Земли в тот день, когда стартовал ко-

рабль. Он чувствует, что кому-то здесь необходимы его воспоминания, кому-то нужно, чтобы он вспоминал все новые подробности, чтобы заполнял чью-то сосущую пустоту. Петр не противится. Он снова видит облака, плывущие в синеве, кувыркающихся птиц, слюдяные блестки солища на скалах. Он видит совершенно ясно каждую мелочь, но не может определить, с кем это происходило, кто там находился и передал свое видение ему.

Как мог тот человек вести корабль в угрожающие мрачны просторы? Зачем?

Существам из Солнечной системы понадобились новые места для размножения?

Нет, не в этом дело. Вернее, не только в этом. Планету для колонизации можно было найти ближе. Можно было бы избежать лишних парсеков смертельной опасности: магнитных и гравитационных ловушек, ям искривленного пространства, метеоритных шквалов, жестких излучений, просачивающихся сквозь обшивку. А ведь были еще опасности и другие — те, которые они несли в себе и в своем огнедышащем доме. Эти опасности скрывались в самих конструкциях механизмов, в конструкциях их тел, в незащищенности, в работе и взаимодействиях организмов, в отношениях со средой.

Зачем же они шли на все это, оставив свои Дома? Ради чего? Неужели ради познания? Но познание нужно лишь для жизни, существу необходимо знать, как лучше передвигаться, находить пищу, укрываться от опасности. Для этого природа снабдила человека мозгом — вычислительной машиной, способной рассчитать, как найти убежище, пищу, самку. Лишние знания никакому существу не нужны. Природа предназначила своим детям вполне определенную роль: жрите и размножайтесь. Поедайте друг друга — пусть победит сильнейший. А что будет дальше, к чему приведет отбор, тебе, человек, не надо знать. Это не твоего ума дело. Эти пути для тебя несповедимы. Точка. Табу.

Куда же ты прешь, сумасшедший? Ведь с тобой это уже случилось, у тебя есть горький опыт. Познание ради познания? Может быть, тебе хочется узнать и то, что скрывается за Табу? На этом пути ты найдешь только муку и неудовлетворенность, тоску и одиночество.

Золотой век уже был — он назывался еще пещерным. Не надо было тебе на заре цивилизации выходить из пещеры. Яркий свет ослепил тебя и создал миражи. Вернись обратно в пещеры, назови их уютными гнездышками или как там хочешь, но поскорее вернись! В этом твое спасение и твое счастье. Создай там все, чтобы наилучшим образом выполнять предначертания природы: укрась

самку — и она вызовет желание, образуй в пещере комфорт, на-тащи туда побольше пищи. И ни за что не вылезай на свет. Ибо сн для тебя опаснее яда. Он отравит твой ум, вселив в него несбы-точные надежды. Ты помчишься за иллюзией и не заметишь про-пасти на своем пути.

А ведь как хорошо жилось в пещере...

Петр закрыл глаза. В синем тумане возник длинный стол, ус-тавленный бутылками с узкими длинными горлышками и блюдами с яствами.

Бесшумно работали кондиционеры, создавая в комнате то аромат ковыльной степи, то озонированный воздух послегрозя.

Ждали гостей откидные кресла, принимающие форму тела.

Постой! Но ведь все это есть и здесь! Он нащупал локтем углубление для локтя, ногой — углубление для ноги. Ему было так хорошо, как никогда. И он не отдернул ног, когда их коснулись холодные скользкие щупальца лиан. Он знал: так нужно. Отныне ему не придется искать пищу и воду — Дом сам накормит и напоит его через эти зеленые артерии.

Как только щупальца прикрепилась к ногам, Петр тотчас почувствовал во рту вкус изысканных блюд, которые перед тем вспоминал, и вкус новых блюд, еще более изысканных и прият-ных. Он подумал, что, по сути, никогда не знал настоящего вкуса пищи и воды, не мог себе представить вершин наслаждения. На-стоящий вкус он узнал только здесь, в своем идеальном Доме.

Он почувствовал на плечах легкие ладони. Прикосновение было знакомым, привычным, но волновало, как в первый раз. Его губы прошептали имя.

Она опять была с ним — больше, чем она живая, из плоти и крови, которые часто властвуют над разумом. Сейчас с ним было ее прикосновение, ощущение ее, которое не предаст и не обма-нет. У него было все, что ему нужно от нее, и не было того, что не нужно. Он обманул судьбу, укравшую ее, унесшую ее руки и стан.

«Неужели, Дом, тебе удалось обмануть инстинкты, само мое естество? Насколько же простирается твоя власть?» — вопрошал Петр, и услышал ответ. Он не знал, кто отвечает ему — он сам или Дом. Ответ раздавался в его мозгу, и Петр решил, что сам отвечает себе: «Ну, это не так уж трудно. Немножко больше или немножко меньше какого-нибудь вещества: фермента, гормона, витамина — и твоя вычислительная машина, помещенная в череп-ную коробку, начинает искать, как восполнить недостаток или изба-виться от излишка. Поскольку ты сапиенс, то стараешься не призна-

ваться себе, что именно командует твоей мыслью. Ты называешь свои поиски и метания красивыми словами вроде грусти и нежности, а о микродозах вещества, толкающих тебя на поиски, говоришь: «самое сокровенное». И тебе кажется, что ты перехитрил кого-то, а перехитрил-то ты лишь самого себя.

Но все же ты невероятно усложнился, человек. Ты создал над древней программой, записанной в тебе, столько новых программ — психологических, чисто человеческих, что иногда можешь заглушить первую — самую древнюю и самую жесткую. Тогда иллюзии превращаются в реальность, более важную для тебя, чем сама жизнь.

А потом начинаются мучительные поиски, для которых природа не предназначала тебя, — поиски Знания...

Петр почувствовал, как в нем столкнулись две силы — мятежный дух, пробужденный воспоминаниями, и нечто спокойное и стоячее, как болото, убаюкивающее и засасывающее.

«Угомонись, дурачок, — зашептал голос матери. — У тебя достаточно знаний. Зачем тебе новые? Ты наконец обрел идеальный Дом. Цени его. Он принял тебя в качестве мозга. Взамен твоего предшественника в этом Доме»...

«Предшественника? — подумал Петр. — Чудовище, которое я уничтожил?»

«Может быть, так, а может быть, нет, — раздался голос. — В любом случае ты интереснее его. Твои воспоминания оригинальнее. А ведь это для меня самое главное. Ощущения исчезают, когда насыщаются потребности, а воспоминания остаются навсегда в живом существе. Это все, что оно приобретает. И неважно — короткой или долгой была его жизнь. Важны только воспоминания. В них — смысл жизни. Если воспоминания стоящие, я беру их в свою копилку и храню вечно».

«Где же находится копилка?» — спросил Петр.

«Вокруг тебя, как черепная коробка вокруг мозга. Но достаточно вопросов! Почему ты, частица, требуешь ответов от целого?»

«Я — мыслящая частица.»

«Ты — дерзкая, упрямая частица. Но во мне ты нашел свой покой. Ибо во мне ты — частица из частиц, равноценная другим, такая же, как другие, как стены и крыша, которые защищают тебя, как мох и плесень, готовящие для тебя пищу...»

«Вот и ответ на загадку планеты, — думает Петр. — Не «aborигены в пещерах», а «aborигены-пещеры». Подобие кораллового рифа — симбиоз различных существ. И я включен в это содружество, как клетка в организм. Более того, я стал мозгом организма, мозгом пещеры. Не к этому ли стремится человечество? Не меч-

тает ли оно стать мозгом гигантской пещеры, называемой Вселенная? Чем же я недоволен?»

Он чувствовал, что эти мысли не полностью принадлежат ему. Что-то постоянно вторгалось в его мозг, пыталось направить его работу. Может быть, оно желало счастья ему, но чужого счастья.

«Опять ты упрямисься? — раздался ласковый голос. — Брось это. Единый организм, частицей которого ты стал, отторгнет тебя, извергнет в неустойчивость, в пасть смерти. Помнишь ураган, сметающий все на своем пути? Может быть, ты хочешь испытать его силу? Ага, испугался! Ну вот, перестань бунтовать, смирись...»

Нечто огромное и темное, мягкое и усыпляющее надвинулось на Петра, стало уговаривать: «У тебя есть теперь все, что нужно. Это я накормила и напоила тебя, удовлетворила твои желания. Это я помогла тебе вернуть то, что не возвращается. Я — это ты, и больше, чем ты, — твой Дом, уютный домик, надежный домишко, несокрушимый домище...»

Пахло травой и сыростью. Он забыл о поисках и метаниях. Он стал простым, как трава, как мох, покрывающий стены, как плесень. Он стал бесполом существом, не знающим даже разности...

Им овладело состояние полной удовлетворенности. Только одно совсем крохотное, как булавка, воспоминание иногда кололо его: когда-то он сидел на коленях бабушки, и она говорила: «Молнией убить может...» А что было перед этим? Перед этим? Перед этим?..

Петр опустился на ложе. На его губах бродила блаженная улыбка. Дом давал ему радость, счастье, покой. Дом служил ему. И он служил своему Дому. Он и Дом — одно целое. Он и Дом, и все, что в нем находится: дрожжи, живущие во мху; плесень, покрывающая стены; бактерии, населяющие растения. Даже кристаллы камня. Он — в них, они — в нем. Полная гармония...

Где-то бродят бури, мечутся бедные существа, ищут что-то... Суета сует... А здесь — блаженство, благодать...

Слабая приятная пульсация...

Тепло...

Покой...

И вдруг, как удар током: Тревога! Тревога!

Непосредственно в мозгу: Тревога! Опасность!

Он вскочил. Рука нащупала оружие.

«Смотри, вот там — враг. Приближается. Страшный, неведомый. Нет, в нем есть что-то знакомое. Он похож на... Стоп! Тебе незачем вспоминать, на кого он похож. Главное, что ты знаешь, как

порезить его, сделать неподвижным и неопасным. Стреляй отсюда, из укрытия, из своего Дома. Не выходи!»

Петр не соглашался с Голосом, даже отрицательно замотал головой. Нет, он должен выйти. Только так он сможет распознать врага.

«Зачем тебе это нужно? Достаточно того, что ты знаешь: это — враг. Убей его!»

Он почувствовал, что не может сопротивляться приказу, волне ненависти, бушующей в нем, заполнившей его всего, паутине, опутавшей его волю. И тогда он схватился за тоненькую ниточку, блеснувшую в паутине. Ладно, он подчинится, он убьет врага. Но убьет не из лучемета. Он внесет самый весомый вклад в Копилку, покажет, как убивали на Земле в древние времена. Он не может этого просто вспомнить, ведь сам никогда не убивал голыми руками и клыками. Но в его организме, в наследственной памяти зверя, каким был его предок, наверняка хранится запись. Стоит только начать действовать, и она сама заговорит, расшифруется в действии. Он, Петр, не применит лучемет, а пустит в ход руки и зубы. О, когда хрустнут кости врага, когда он увидит дымящуюся кровь, только тогда Копилка узнает настоящую радость победы!

Он почувствовал, что уловка удалась. Голос, запрещающий выходить, стал глуше.

Петр вылез из пещеры и угрожающе зарычал, ожидая услышать в ответ рычание врага и определить по его громкости и свирепости силу противника.

Но враг не зарычал в ответ, а отступил, изготовившись к бою.

Петр прыгнул к нему, враг сделал маневр — и отрезал путь к пещере. Его движения были знакомы. Петр знал: сейчас произойдет страшное. И чтобы этого не произошло, он вскинул лучемет...

ПОИСКИ

Радиостурман Бен — его еще называли Бен Радио, Бен Антенна и Добрый Бен — взглянул на часы и послал сигнал на корабль: «У меня все в порядке, продолжаю поиски». Прошло уже почти шестнадцать часов, а он не отыскал даже следов командира. Штурману было известно, что Петр направлялся к озеру, замеченному при посадке. Космонавтам удалось рассмотреть, что берега озера покрывали темные пятна растительности. Ее и собирался исследовать Петр.

Особых возражений против его похода не было. Космонавты к тому времени уже набрали некоторую информацию о планете; до озера было недалеко. Ничто не предвещало опасности. Если бы

только не предупреждение о космическом архиве! Но оно могло возникнуть в результате любой из трех ошибок: искажение при посылке сообщения, неточность при приеме, неправильная расшифровка. Во всяком случае приборы на корабле и на зондах-разведчиках были достаточно чувствительными, но они не обнаружили абсолютно ничего, что бы подтверждало предупреждение из архива. Вывод был один: на планете нет существ, которые могли бы представить угрозу для землян. Из крупных животных здесь астрелялись только удавы.

Бен дошел уже до того места, с которого в последний раз был получен сигнал от Петра. Он исследовал небольшое плато и наконец-то наткнулся на следы командира — клочок пластиковой обертки от шоколада с орехами — любимого лакомства Петра.

Бен тщательно осмотрел расщелину между камнями, около которой нашел пластик. Вскоре он обнаружил куст антисирени с обломанными ветками. А вот и вывернутый камень, обросший скользким мхом. Похоже, что Петр поскользнулся здесь и упал. Скорее всего, он падал на правый бок, иначе камень был бы вывернут в другую сторону. А на правом боку — рация.

Конечно, Бен понимал, что все эти его заключения могут оказаться ложными, если хоть одно наблюдение истолковано неправильно. Он просто разрабатывал оптимистический вариант ситуации, при котором Петр не послал сообщения на корабль только потому, что повредил рацию. Если поломка была серьезной, то вряд ли Петр сумел ее устранить. Бен не раз удивлялся нелюби Петра к технике: он хорошо знал в ней только то, что ему, как командиру, нельзя было не знать.

Рассуждая так, Бен между тем дошел до мягкого грунта. Здесь имелись яственные отпечатки рубчатых подошв. На лице Бена расплылась обычная рассеянная улыбка: он не ошибся в своем предположении, и рация его товарища замолчала лишь потому, что он не сумел починить ее. А потом начался ураган.

«Командир вынужден был искать укрытие,— подумал Бен.— Но ураган давно кончился, а его все нет. Вполне можно предположить, что он наткнулся на нечто очень интересное...»

У Бена крепла уверенность, что очень скоро он найдет своего командира и получит повод заслуженно отругать его. Что ж, такое случалось и раньше. Он скажет: «Когда у человека глиняные руки, он не должен ходить в одиночку...»

Бен настраивал себя на бодрый лад, но тревога не оставляла его. Она шептала свое, и чтобы заглушить ее голос, он думал о разном, но мысли возвращались к одной точке: «Лучше бы тогда пошел я. Во-первых, я бы починил рацию. А самое главное —

пусть бы лучше Командир организовывал поиски; если бы захотел тратить время на такого ворчуна, как я».

Следы привели Бена к пещере. Он понаблюдал некоторое время за черным прямоугольником створстия, вызвал по радио корабль. Оставив радио включенным, он стал медленно приближаться к пещере.

Ему почудилось, что там, в темноте происходит какое-то движение. Это мог быть Петр или тот, кто его пленил. Бен не хотел думать: «убил». Однако на всякий случай приготовил сружия.

Из пещеры вылезло сине-зеленое чудище. С его головы и плеч свисала густая длинная шерсть, за ним, приросшие к ногам, тянулись тонкие лианы. Чудище тащило их за собой, будто каторжные цепи, второй конец которых был привязан за что-то в пещере.

Бен мгновенно вспомнил о предостережении: «Аборигены кстаются в пещерах». Выходит, сообщение было принято и расшифровано правильно!

Чудище прыгнуло к нему. Бен отступил и укрылся за большим камнем. Чудище зарычало и остановилось. Оно стояло на двух задних конечностях, а в одной из передних держало короткую дубинку. Веки чудища были прикрыты, и Бен не мог определить, видит ли оно его.

Вот чудище подняло дубинку, из нее ударил луч, задымилась камин совсем близко от радиостурмана, полыхнуло жаром.

«Да у него же в лапе — лучемер. Отнял оружие у Петра? А что стало с Петром? Только бы он был жив! Но каким образом оно научилось обращаться с лучемером? Петр показал? Зачем?»

У Бена закружилась голова. Он услышал тихое повизгивание.

«Раз оно научилось обращаться с лучемером, то обладает разумом. Попробую поговорить с ним».

Бен установил на камне маяк-мигалку с набором программ и быстро отполз в сторону.

Маяк работал недолго. Чудище сожгло его лучом. Оно рычало и бесновалось, из его пасти обильно летела слюна. Оно искало противника, но живые канаты, приросшие к лапам, не давали ему свободно передвигаться.

«Бен, немедленно возвращайся на корабль, — заговорило радио. — Надвигается ураган. Возвращайся.»

Бен осмотрел горизонт. Небо было ясным, чистым. Ничто не предвещало ненастья. Может быть, на корабле ошиблись?

Повизгивание звучало громче, переходило в шепот. Уже можно было разобрать:

«Не бойся, не бойся...»

«А если это оно так разговаривает со мной?» — думал Бен. У него созрел план действий.

Чудище подошло к тому месту, где раньше стоял маяк. Оно вертело головой, пытаясь обнаружить противника.

В эти мгновения Бен, извиваясь, как ящерица, прополз между камнями и юркнул в зияющую пасть пещеры. Он сразу же услышал совершенно явственно голос Петра: «Вот ты и вернулся! Наконец-то вернулся в свой дом...»

— Петр! — позвал он.

«Отдохни, — звучало в ответ. — Здесь есть все, что тебе нужно. Раньше ты старался для других. Получай же награду. Здесь тебя ждут.»

— Что это за шуточки, Петр? — закричал Бен. — Иди ко мне!

«Алло, Бен, ты нашел командира?» — спрашивало радио.

— А вы разве не слышали его голос? — огрызнулся радио-штурман.

«Мы слышим только твои крики. Где ты находишься?»

Он включил фонарик. В пещере, кроме него, никого не было. Но он уже знал, что ему никто больше и не нужен. Он погасил фонарь и покорно опустился на камни. Сначала сел, потом лег. Он знал, что поступает правильно.

«Алло, Бен, почему не отвечаешь? Где ты? Надвигается ураган!» — предостерегало радио.

Бен выключил его. «Ураган мне не страшен. Я пришел в свой Дом, в свою крепость. Здесь я в полной безопасности.»

Он был уверен, что наконец-то нашел свое счастье. Он искал его всю жизнь, исправно неся службу, повинаясь командирам. Он приходил на помощь незнакомым людям. Он помогал им не для того, чтоб заслужить благодарность, и не для того, чтобы обрести чувство выполненного долга. Он просто делал то, что мог, да, пожалуй, ему еще доставляло удовольствиековыряться в проводах, гайках, рычагах. Но никогда он не представлял, что можно обрести такое удовольствие покоя, воротясь в свой дом. Если бы только не прорывалось щемящее чувство тревоги. Почему оно возникает?

Бен узнал: враг приближается к его дому.

Вскочил. Схватил лучемер и бросился к выходу. Увидел фиолетовое низкое небо, исчерченное кровавыми сполохами. Завывали черные смерчи. Шел ураган.

Но не это было самым страшным. К его Дому приближался враг. Оглядывался туда, где кружились смерчи. Спешил.

Бен нацелил лучемер. Он четко знал, что надо делать. Здесь, в его Доме — уют, тепло, спокойствие. Там, снаружи — бушевание

яростных стихий, неустойчивость. Враг хочет овладеть Домом и выгнать его в ураган.

Бен уже приготовился нажать на спуск, но что-то удерживало его. Крохотный огонек оставался в нем от прежнего, от Доброго Бена. И он сумел заметить, что шерсть чудища — вовсе не шерсть, а наросшие на кожу растения, мох. Штурман предостерегающе крикнул и черкнул лучом по камням. Луч задел лианы, из них брызнула зеленая жидкость.

Чудище зарычало и попятилось.

— Уходи! — закричал Бен. — Уходи, кто бы ты ни был, или я уничтожу тебя! Прочь из моего дома!

Луч выжег еще одну полосу. Чудище перестало рычать, подняло голову, прислушалось. Неужели оно что-то понимает? Его движение, поворот головы кажутся знакомыми Бену. Штурман не хочет его смерти, он бы даже спас его от урагана, пустил с собой. Дом, если бы в Доме было место для двоих.

Ураган придавился почти вплотную к чудищу. Сейчас огненные сполохи обожгут его — и все будет кончено. Бен повел стволом лучемета, ожидая, что чудище бросится в пещеру.

«Бедный зверь. Огонь сзади, огонь спереди», — подумал он.

Случилось непредвиденное. Чудище повернулось к нему спиной и шагнуло навстречу урагану...

«ОСОБАЯ ОПАСНОСТЬ...»

Петр бил лучом, сжигал камни, искал противника, и все время ему казалось, что он уже когда-то видел этого врага — высокого и тонкого, как жердь. Пещера вопила: «Убей! Иначе он вторгнется в Дом, отнимет блаженство». По зеленым артериям, связывающим его с Домом, безостановочно приходили и питание и приказы одновременно — мощь и ненависть.

Снова и снова Петр нажимал кнопку на рукоятке лучемета, и дрожащий от нетерпения луч устремлялся вперед, сжигая кусты и почву на своем пути. Но враг успел куда-то скрыться. Петр поискал за ближайшими камнями и не обнаружил противника. Глаза резал беспощадный дневной свет, проникающий под полуопущенные ресницы. Петру хотелось поскорее вернуться в свой дом, но он не мог этого сделать, пока враг не найден. Он вынужден был находиться в чуждом открытом пространстве без стен, где не на что опереться, где со всех сторон больно жалят стрелы лучей.

«Довольно, возвращайся!» — потребовал голос.

Петр охотно подчинился бы ему, но ведь надо узнать, почему враг казался таким знакомым.

«Возвращайся! — молил голос. — Надвигается ураган!»

Ураган?

Небо на горизонте уже было черным...

Петр чувствовал жжение в ногах — там, где приросли зеленые артерии. Голос угрожал: «Вернись, или я отрекусь от тебя и возьму себе иной мозг».

Уже можно было различить смерчи. Они казались тонкими дымками, поднимающимися из труб. Трубы росли, сливались с дымом, вращались. Долетал вой. Там работали гигантские воронки, всасывающие все, что попадалось на пути.

Петр повернул к пещере. Еще не доходя до нее, узнал, что в пещеру проник враг.

«Донгрался? — говорила пещера. — А ведь я предупреждала тебя.»

Он почувствовал удар по ноге. Силы начали быстро убывать.

Враг, проникший в пещеру, зарычал, и его рычание было знакомым Петру. Когда-то он уже слышал его, понимал, что она означает...

Голос пещеры стал почему-то слабеть, перешел на шепот: «Последнее, что я могу сделать для тебя — это лишить твоего врага оружия. Убивайте друг друга руками и зубами, как ты обещал Копилке. Мне очень хочется знать, как это бывает...»

«Знать? Тебе хочется знать. А мне? Я ведь еще не узнал, почему враг казался таким знакомым. Но самое главное, что мне предстоит выяснить — почему бабушка предостерегала: «Молния убить может»? Что было перед этим?»

«Иди же сюда. Видишь, враг уронил оружие. Убей его — и опять у тебя будет Дом и все остальное. Помнишь, как хорошо тебе было?»

— Нет! — закричал Петр. — Сначала я кое-что выясню!

Он требовал от своей памяти полной ясности прежде, чем вернуться в Дом навсегда.

Смерчи кружились за его спиной, дышали ему в затылок. Петр обернулся. Черно-кровавые гусеницы угрожали с небес. И вдруг именно в эту минуту ужаса он вспомнил...

Вспомнил, что было перед тем, как бабушка пыталась его пугать. Ничего нового. Она пугала его и раньше: «Нельзя гулять в грозу. Молния убить может». Но он хотел проверить ее слова. Он выскочил на улицу под косые мощные струи, в громыхание и сверканье огня. И его не убило, он жадно вдыхал удивительно свежий воздух, он прыгал на одной ноге, хохотал и пел.

Петр уже предчувствовал, что сейчас сделает, не может не сделать. Смертельный страх каменил тело, в ушах выстукивала

фраза из предупреждения: «Особую опасность представляют ураганы». Особая опасность. Особая опасности!

Но Петр отвечал: «Сначала я испробую».

Он повернулся лицом к урагану.

«Что ты делаешь? Пропадеешь!» — послышался вопль пещеры.

Петр шагнул навстречу урагану. Его ослепило сверкание, он почувствовал страшный удар, успел подумать: «Конец». Но мучения продолжались. На него посыпался град ударов, кожу жгло так, что он застонал. Жжение внезапно сменилось холодом, будто его скунули в ледяную ванну. Это молнии обожгли мох на его ксже, и мощные струи воды ударили по ней, как очистительный душ.

У него подкосились ноги, и он бы упал, но в этот момент, есронка смерча всосала его, закружила, подняла ввысь. Петр взлетел, раскинув руки. Послышался громкий чавкающий звук, будто болото неохотно выпустило жертву.

Перед глазами Петра мелькали полосы, огненные зигзаги. Бешеный ветер обдувал кожу, срывал остатки мха. Петра словно выворачивало наизнанку, что-то рвалось внутри, лопались мелкие сосуды. Ему казалось, что он умирает, и хотелось, чтобы все кончилось поскорей.

Но он не умер. Он летел на столбах, наперегонки с ветром. Тяжесть спала с его век, и они смогли открыться. Навстречу мчались огненные кольца, не причиняя ему вреда. Он проходил сквозь них беспрепятственно и чувствовал, что с каждым новым кольцом силы возвращаются к нему, и он становится сам собой, прежним человеком.

...Он упал у самого входа в пещеру, увидел в темноте за камнями удивленно раскрытые знакомые глаза, глядящие на него со страхом. Петр легко вскочил на ноги и закричал:

— Эй, Бен, старина, выходи!

АЛЕКСАНДР ГОРЬОВСКИЙ

МЕТАМОРФОЗЫ

Вечером, часу в шестом у дверей раздался звонок. «Наде же, — подумал я, — звонят». Не прошло и минуты, как зазвонили опять. Видно, нетерпеливый кто-то, настырный. Когда зазвонили снова, мне даже любопытно стало, кто бы это? Я надел левый тапочек на правую ногу и пошел открывать.

На площадке стоял А. С. Пушкин.

— Приветствую, — сказал он благородным голосом. — Я к вам. Разрешите?

— Конечно, — обрадовался я. — Милости просим!

Стихи-то его мне еще в школе читать случалось, но чтобы видеть или разговаривать лично — этого не приходилось. Да и думал ли я когда!

— Милости просим, — говорю, — заходите, пожалуйста.

Поэт шагнул через порог, снимая на ходу с курчавой головы цилиндр.

— Очень мило у вас, — заметил он, отставив трость и опускаясь в кресло, — мебель, смотрю я, изволили уже расставить?

Я, и правда, переехал всего пару дней назад, поменявшись с профессором Волобуевым. Как только узнал он об этом? Вот что значит — писатель. Проницательный взгляд. Наблюдательность.

Откуда-то из жилетного кармана достал он лорнет, привычным жестом поднес к глазам и обвел все взглядом.

— Гарнитур-то у вас, кажется, чешский?

— Польский, — поправил было я, но тут только спохватился с кем это я спорю, кому возражаю! — Впрочем, — говорю, — конечно, чешский. Совершенно верно, заметили. Чешский.

— Очень мило у вас, — повторил он, — Даже несколько ко- тильонно. Я бы сказал, напоминает Фурше. Вам нравится Фурше? Нравится ли мне Фурше?

— Ну да, что ж это я! — Подосадовал он на себя и рассмеялся сердечно. — Экий я, право! И то, откуда вам знать Фурше? Не считите мою неловкость обидной для себя. Впрочем, я к вам по делу...

Выразительное было у него лицо. Когда он говорил, на нем отражался, казалось, каждый нюанс, каждое движение его души. Не зная я даже, кто сейчас передо мной, я все равно почувствовал бы, что говорю с человеком необыкновенным.

Одно было обидно. Видели бы Новиковы, с кем сижу я, с кем разговариваю.

— Дело-то у меня к вам, право слово, пустяковое, — развел он руками. — Волобуев, давнишний мой приятель, съезжая, запомнил оставить мне адрес новой своей квартиры. А поскольку вы здесь, как бы вместо него, я и подумал...

Это надо же! Сижу вот и разговариваю. И с кем!

— Так что не сообразовали ли сообщить мне новый его телефон? Весьма одолжите, — сказал я руки на груди скрестив, как на известной картине. Это-то, наверное, и навело меня на мысль.

Книгу я нашел в передней, на полке — старый экземпляр «Евгения Онегина», невеста как сохранившийся еще со школьных лет.

— В память о нашей, так сказать, встрече, — говорю, — не откажите, некоторым образом, подписать.

По лицу его снова прошла гамма чувств. Откуда-то из глубины сюртука извлек он белое гусиное перо, пальцем потрогал кончик, потом достал пузырек с чернилами, занес руку над страницей, задумался, зажмурился и размахисто подписал. Потом еще задумался и поставил дату.

— Вот, милостивый государь, получайте.

И стал помахивать книжицей, чтобы просохли чернила.

— Не примите меня за ретрограда, — пояснил он, как бы извиняясь, — но все эти новомодные ручки страх как меняют почерк. Праго...

Я так был рад, что даже, кажется, не поблагодарил его. Ка-а-кой вид будет у Новиковых, когда узнают! Это им за цветной телевизор. Тоже мне, цветной телевизор!

Спрятал он перо, убрал пузырек, но почему-то все не уходил. Я подумал, может, чаю ждет. Мне-то не жалко.

— Так я насчет Волобуева, — напомнил он, — не обессудьте уж...

Дал я ему телефон, и он сразу стал прощаться.

— Разрешите откланяться. Не смею злоупотреблять более вашей любезностью...

Чаю ждать так и не стал. Да я и не предложил ему — может, спешит человек куда, может, новое произведение писать торопится.

А на другой день мне позвонил Волобуев. Я знал, что он непременно позвонит мне. И будет жаловаться насчет обмена. И нудеть своим старческим голосом. И говорить, что я сбманул его. И скандалить.

Правда, по телефону скандалить он не стал. Проскрипел только, что должен, мол, срочно повидать меня. И голос у него был, как у капризного ребенка. Я даже обрадовался — пусть приезжает. Покричит, попрыгает. Цирк будет.

Заявился он и, правда, злой. А мне-то смешно. Потому что я свои права знаю. И обратному размену все равно не быть.

Но начал он не по делу. Начал с того, что зачем, мол, я его телефон даю. Он меня не просил и разрешения такого мне не давал.

Я удивился даже. «Ну!» — думаю.

— Ведь, это же Пушкин, — говорю, — классик!

Это ж надо. Пушкина не узнал. А еще профессор. За что таким только деньги платят!

— Очень, — говорю, — стыдно вам быть должно, товарищ Волобуев.

Тогда он посмотрел на меня. Нехорошо так посмотрел, обидно. Будто вместо лица у меня что-то совсем другое увидел. Увидал и засмеялся. Мерзко так засмеялся, захихикал: «хе-хе-хе, хе-хе-хе!»

— Значит, и правда, решили, что это Пушкин? Хе-хе-хе!

Отсмеявшись, даже слезинки мутные смахнул ладошкой. И, подкудахтывая и успокаиваясь, принялся растолковывать. Я и то не сразу понял — о чем он это.

— У нас, у психиатров...

У них, у психиатров, считается, что поведение человека есть результат характера. Если кто-нибудь, скажем, храбр, он будет вести себя соответственно. Если трус, то — совершенно иначе. Меняется характер, меняется и поведение. Это понятно. Но только к чему бы это?

То же и с почерком. Почерк тоже ведь результат характера. По почерку можно узнать характер. А когда характер меняется, то меняется и почерк. Почему в юности он один, в зрелые годы — другой, в старости — третий?

Но тут начинается главное.

— А раз, так, то должна быть и обратная связь. Понимаете? Обратная связь, — и даже пальчик поднял, чтобы до меня дошло, что он сказал что-то очень умное.

Скажем, человек — трус. Бойтся ночью ходить по лесу. Но если он все-таки будет ходить ночью по лесу, то в конце концов он перестанет быть трусом. Изменив поведение, можно менять характер. То же и с почерком.

— Мы делали так. Брали группу испытуемых с чертами нерешительности. И заставляли их разучивать почерк какой-нибудь волевой личности. Две-три недели они занимались только этим, переписывали тексты и т. д. И знаете, что происходило потом?

И он посмотрел на меня, торжествуя заранее. Предвкушая мое удивление и восторги. Я зевнул и посмотрел на часы. И, видно, правильно сделал, потому что он обиделся.

— Так вот, что происходит потом, — все-таки продолжал он, заметно сникнув. — Неуверенные становятся решительными. Очень решительными. Нечто вроде перестройки личности. Впрочем, мы только повторили известные эксперименты Луазье-Лекарпа. Вы, возможно, слышали о них?

Еще бы. А даже если и нет?

Я терпел всю эту его болтовню только потому, что ждал, когда же он заговорит об обмене. Не мог же он до сих пор ничего не обнаружить и ни о чем не догадаться. А, может, он просто притворяется сейчас, когда говорит все это?

— Значит, решили, что Пушкин? — Он еще похихикал. Но уже без удовольствия и на этот раз немного.

Оказывается, дело было так. Зашел как-то, по какому-то делу к нему дальний его знакомый. Между прочим, ответственный работник одного министерства. Услышав все это насчет почерка, он даже обиделся.

— Это что ж получается? Если кто разучил, скажем, почерк вышестоящего товарища, то он, что же, становится вроде таким же, как он? Вроде него? Этак, знаете ли, можно далеко зайти. Этак можно, бог знает, до чего договориться. Это, товарищ Волобуев, вредная теория. И напрасно вы пытаетесь протащить ее.

Так он сказал, потому что всегда говорил то, что думал. А думал он всегда только правильные вещи.

Волобуев даже на месте запрыгал от злости. Я, говорит, не прстаскиваю. Мы, говорит, людей лечим. У нас, мол, научный метод. Короче, вместо того, чтобы честно признать свои ошибки, занял неправильную позицию. Непринципиальную. Незрелость свою показал.

Но ответственный товарищ даже не стал спорить с ним. Он не слушал его. Какая-то мысль, видно, пришла ему в голову и целиком завладела им.

— А что,— спорил он вдруг,— если взять какого-нибудь великого человека, скажем, гения... Я это, конечно, только так, в виде шутки...

Больше к этому они не возвращались. Но выражение легкой задумчивости на лице его осталось и не проходило весь вечер.

Когда какие-то недели спустя они встретились снова, Волобуев заметил в нем некую тонкую, неуловимую еще перемену.

— Помилуйте,— возразил тот,— с чего бы? — И развел руками каким-то особенным, несвойственным ему жестом.

Так это началось.

Ко времени, когда он кончил переписывать «Руслана и Людмилу», перемены коснулись уже не только его манер и речи. Закурчавились и потемнели волосы, обозначились вдруг бакенбарды, которых раньше не было, и сквозь привычные черты лица начало, казалось, просвечивать лицо другое и хрестоматийно знакомое.

Но потому ли, что перемены эти происходили медленно, постепенно и изо дня в день, те кто видели его постоянно, не замечали их и думали, что так и надо, что таким он и был всегда. И только один человек — его Начальник, подолгу пребывавший в командировках, возвращаясь, всякий раз вглядывался в него и хмурился все больше.

И неизбежно должен был прийти день, когда сходство превысило, наконец, меру допустимого и приблизилось к той черте, за которой таилась уже некая дерзость и вызов. В этот день Начальник вызвал его к себе.

— Вот что... — сипло сказал Начальник и зорко посмотрел поверх и мимо него.

Как гоголевский колдун, Начальник больше всего боялся, чтобы кто-нибудь не стал тайно над ним смеяться. Когда же человек выдумывает себе такую внешность, для чего это, как не затем только, чтобы втайне и одоволь посмеяться над ним, над Начальником?

— Вот что..., — повторил он и на этот раз голос его исполнился, наконец, той гулкости и хрипlosti, которая требовалась. — Ты это дело кончай!

И, правда, пора было кончать. Станный слух прошел уже из отдела в отдел, и некоторые приходили даже с других этажей, чтобы как бы случайно посмотреть на него. Не говоря уже о посторонних, которые, встретив его в коридоре, замирали и долго, перешептываясь, изумленно озирались ему во след.

В последний день, когда он уже сдал дела и сидел, машинально перебирая какие-то бумаги у себя на столе, он сам удивился, что не чувствует ни досады, ни сожаления. Правда, с некоторых пор привычные стены уже тяготили его. То новое и иное, что проснулось в нем, не вмещалось уже в рамки прежнего бытия и влекло его куда-то за пределы того, что было привычно. Какой-то частью этого нового было то, что последнее время он сам начал писать стихи.

Правда, их не печатали. Почему-то их не печатали.

Тогда же как-то так получилось (и этого не могло не случиться), что новая внешность открыла ему дорогу к сцене. При виде его режиссер зашелся в восторженном вопле:

— Даем пробу! Даем пробу! — И с хрустом принялся заламывать над головой тонкие кисти рук.

Но, как и со стихами, дальше этого дело почему-то не двинулось.

Правда, сам он не очень жалел об этом. «Интриги, — пожимал он плечами, — интриги», — и порхающими движениями, маникюрными ножницами подравнивал перед зеркалом бакенбарды, угрожавшие нарушить ставшее столь привычным сходство.

«Наверное, Пушкину тоже приходилось делать это», — меланхолично думал он, сдувая крохотные волосинки с узких бортов куртука. С тех пор как обрел он недолгую причастность к театральному миру, он стал позволять себе несколько своеобразную манеру одежды. И странное дело, все эти куртки, пелерины и узкие брюки в полосочку, которые шил он себе у театральных портных, не выглядели на нем ни искусственно, ни нарочито. Нарочитым скорее было бы, если б он стал одеваться, как все.

— Ну ладно, — перебил я Волобуева, — это все мы уже слышали. Сейчас-то он что делает? — Потому что не перебей я его, он так и говорил бы, и говорил бы.

— В смысле — где служит?

— Да, — передразнил я, — в смысле, где служит.

Дела у любимца муз оказались плохи и печальны. Правда, последнее время его приглашают иногда на утренники в детские сады и школы. Там он читает детям стихи «дедушки Пушкина», своим появлением своим вызывая смятение в их слабых умах и душах.

Не об этом, наверное, думал он, когда затевал все это, жалеет, небось, раскаивается, да поздно. Я посмотрел на Волобуева, и мне стало вдруг ясно, почему так не хотел он, чтобы я давал его телефон. Сам же затеял все и сам теперь в сторону! Но я вспомнил, что дал уже его телефон, и на душе у меня сразу стало тепло и весело.

— А что,— спросил я сладким голосом,— доволен он, наверное? Благодарит вас, кланяется?

Приятно бывает смотреть иной раз, какое у человека становится лицо.

Надо было бы мне заодно и адрес волобуевский дать, не то, то телефон.

Но главное — Волобуев, оказывается, как ни хотел бы, все равно не может ничего для него сделать. Не может помочь ему возвратиться в прежнее состояние.

— А почерк-то,— удивился я,— прежний-то его почерк!

И правда, все ведь так просто. Пусть напишет теперь прежним своим почерком, и все тогда станет на место. Но в том-то и была проблема. Много лет уж, как сам он ничего не писал. Что нужно — справки, доклады — готовили ему референты. А если и брал он когда ручку, то только затем, чтобы поставить подпись. А одной только подписи было мало, было совсем недостаточно, чтобы мог он снова сделаться прежним.

Впрочем, так ли уж хотел он вернуться к прежнему своему бытию? Не знаю. Потому что, получив тогда телефон Волобуева, больше он у меня не показывался. Несколько раз, правда, мы встречались с ним на улице. И здоровались. Не то, чтобы как большие приятели, но как знакомые. Прохожие смотрели на него, и что бы уж я, казалось, но, мимоходом пожав ему руку, я чувствовал всякий раз устремленные на меня взгляды. Конечно, стыдно признаться, но это было приятно.

А недавно, встретив его опять, я несколько удивился. Какой-то был странный он. Мне подумалось, утомленный или не выспался. Заметив в руке у меня книгу, он выхватил ее и, пробежав название, так же порывисто сунул ее мне обратно. Казалось, он был раздосадован, то это «не его» книга и сч не может опять надписать мне ее на память. А может, я ошибся и мне показалось это.

— Скоро,— поведал он вдруг и поманил меня пальцем, чтоб я склонился к нему поближе,— скоро будет все по-другому. Я ведь теперь...— и он сделал рукою пишущий жест в воздухе...

Значение этого жеста нельзя было не понять. Только тогда до меня начало доходить то новое и непонятное, что, заметил я, было

в нем. Я не стал даже спрашивать его — кто? Кто теперь был его прототипом.

Он энергично пожал мне руку и, кивнув каким-то чужим, непривычным ему движением, быстро пошел прочь.

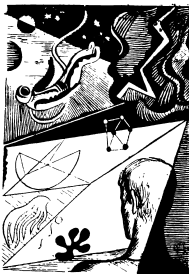
На днях я встретил его снова. Разительная перемена начала уже происходить в нем. Сквозь привычные черты стало, казалось, проступать другое лицо, тоже хрестоматийно знакомое. Мне показалось, я догадался чье.

Что-то будет!

РАЗМЫШЛЯЯ О ФАНТАСТИКЕ...

Ю. КАГАРЛИЦКИЙ

УЭЛЛС, ДАРВИН,
ХАКСЛИ

Откуда идет фантастика? Та во всяком случае, которую мы называем научной? Казалось бы, сам термин подсказывает ответ на этот вопрос — от науки! Увы, при таком подходе к делу, без понимания того, что отношения фантастики и науки тоже достаточно сложны и что научная фантастика — не популяризация, а литература и поэтому подчиняется законам художественного творчества, легко впасть в вульгаризацию, начать прилагать к научной фантастике те же требования, что и к науке, добиваться от писателей доказательности научной (в узком смысле слова), а не художественной.

Такой подход к фантастике был очень распространен в минувшие десятилетия, и он, естественно, породил реакцию против себя. Начали доказывать, что фантастика вообще никак не сродни науке и использует научную терминологию лишь для того, чтобы вовлечь читателя в некую игру, по сути своей отношения к науке не имеющую. Такие разговоры особенно усилились на Западе с начала шестидесятых годов, когда стало ясно, что старый период развития фантастики завершается и в новых вещах заметно возобладало влияние романтизма. Поэтому, если не так давно в спорах о научной фантастике приходилось отстаивать мысль о специфике художественного творчества, теперь приходится заново

доказывать, что научная фантастика — это та область художественного творчества, специфика которой состоит в связи с наукой. Связи очень непростой, порою парадоксальной, но при этом посвоему очень крепкой.

Один эпизод из истории научной фантастики дает представление и об определяющем значении этой связи, и о том, насколько она порой бывает сложна. Речь идет о формировании Герберта Уэллса и других писателей, заложивших основы научной фантастики нового периода, и о том, какое влияние на них оказали Дарвин и Хаксли.

Уэллс начинал свою житейскую карьеру с места ученика в мануфактурной лавке. Как торжествовала его мать, бывшая горничная, когда удалось таким образом заложить прочные основы будущего его преуспевания! «Моя мать верила в бога и мануфактурную торговлю», — вспоминал потом знаменитый писатель. Но сам он уже тогда мечтал о чем-то большем. Во всяком случае — ином. Ему удалось устроиться помощником учителя в школу, а потом он получил стипендию на педагогическом факультете Лондонского университета. Так он попал в «Южный Кензингтон», как называли этот факультет по месту расположения (Лондонский университет разбросан по всему городу). Это было в те годы замечательное учебное заведение. Там работал Чарлз Дарвин, и всего только за два года до прихода Уэллса его сменил любимый его ученик Томас Генри Хаксли (Гексли). Из «Южного Кензингтона» вышло немало крупных ученых. Чуть ли не все одноклассники Уэллса добились научных отличий и заняли видное положение в ученом мире. И только он один стал писателем. Не был ли он в таком случае исключенным? Не случайность ли, что этот питомник ученых породил еще и писателя?

Нет, ни в коем случае.

Приход Уэллса в Южный Кензингтон означал его приобщение не только к миру науки, но и к миру литературы. В этом смысле не всегда можно было найти заметные различия. От Дарвина шла та гуманитарная традиция, которая с успехом была воспринята Хаксли, а затем и Уэллсом.

Широко известны строки из автобиографии Дарвина, где он сетует, что уже много лет не может заставить себя прочесть ни одной стихотворной строки, потерял вкус к живописи и музыке. Но это было следствием колоссального перенапряжения — природа мстила Дарвину за раскрытие одной из ее величайших тайн — и воспринималось им самим как огромная потеря. До того все было иначе. Дарвин не только писал о законах природы. Он наслаж-

дался ею. Она открывалась ему, как открывается только поэтам. Он умел ценить ее красоту и красоту подлинного искусства.

К. Тимирязев в статье «Кембридж и Дарвин», где он рассказывает о своей поездке на празднование пятидесятилетия со дня выхода в свет «Происхождения видов» (22—24 июня 1909 г.), приводит интересные отрывки из речи сына Дарвина, Вильяма.

...Его воображение находило себе пищу в красоте ландшафта, цветов или вообще растений, в музыке, да еще в романах, чтение которых вслух, равно как и выбор, взяла на себя всецело моя мать... — рассказывал Вильям Дарвин. — Я думаю, — продолжал он, — что некоторых страниц «Происхождения видов» или того известного письма к моей матери из Мур-парка, в котором, описывая, как, задремав в лесу и внезапно разбуженный лением птиц и прыгающими над его головой белками, он был так всецело поглощен красотой окружающей картины, что ему в первый раз в жизни, казалось, не было никакого дела до того, как создались все эти птицы и зверушки, — всего этого не мог бы написать человек, не обладавший глубоким чувством красоты и поэзии в природе и жизни. Любовь к предметам искусства никогда его не покидала... Он был знатоком и строгим судьей гравюр и нередко посмеивался над современным декоративным искусством. Однажды, когда он гостил у нас в Саутгемптоне, воспользовавшись случаем, когда ни меня, ни жены не было дома, он обошел все комнаты и снес в одну из них все фарфоровые, бронзовые и другие художественные произведения, украшавшие камин и т. д., которые казались ему особенно безобразными, а когда мы вернулись — с хохотом пригласил нас в эту, как он выразился, «комнату ужасов».

Поэтому «Происхождение видов», как и другие вещи Дарвина, нередко обращало на себя внимание не только как научное, но и как литературное произведение. Джордж Сентсбери называет Дарвина человеком настоящего литературного таланта, а может быть, и гениальности. «Литературная экипировка Дарвина совершенно блестяща, — пишет другой историк английской литературы Колтон Рикет. — Он — почти всегда замечательный мастер». Действительно, книги Дарвина обладали огромными достоинствами стиля. О. Манделштам в своих заметках очень точно отметил многие черты Дарвина-литератора. Огромный успех «Происхождения видов» у широкого читателя, равный успеху «Вертера», он справедливо объясняет не одними лишь открытиями, заключенными в этой книге, но и тем, что «ее приняли как литературное событие, в ней почуяли большую и серьезную новизну формы». «Естественнонаучные труды Дарвина, взятые как литературное целое, как грома-

да мысли и стиля, — не что иное, как кипящая жизнью и фактами и бесперебойно пульсирующая газета природы». При этом «в «Происхождении видов» животные и растения никогда не описываются ради самого описания. Книга кишит явлениями природы, но они лишь поворачиваются нужной стороной, активно участвуют в доказательстве и сейчас же уступают место другим». Тональность научной речи Дарвина Мандельштам определяет как тональность научной беседы. Он отмечает особую «открытость, приветливость его научной мысли и самого способа изложения». По его мнению, «Происхождение видов» как литературное произведение, — большая форма естественнонаучной мысли, и в нем он находит, кроме всего прочего, «элементы географической прозы, начатки колониальной повести и морского фабульного рассказа». «Происхождение видов», по его словам — «такой же точно путевой дневник, как «Путешествие на Бигле». Но основной литературный жанр Дарвина, согласно Мандельштаму, это «научная публицистика».

Еще одно духовное качество Дарвина оказало немалое влияние на его учеников. «Той чертой его характера, которая всего ярче запечатлелась в моей памяти, было какое-то напряженное отвращение или ненависть ко всему, сколько-нибудь напоминавшему насилие, жестокость, в особенности рабство, — рассказывал Вильям Дарвин. — Это чувство шло рука об руку с восторженной любовью, с энтузиазмом к свободе — к свободе ли личности или к свободным учреждениям».

В еще большей мере был литератором Томас Хаксли. Авторитет его в этом отношении был неоспорим, некоторые его эссе при его жизни вошли в круг обязательного чтения по литературе для гредней школы. «По-моему, лучшую современную прозу создали не профессиональные стилисты, а люди, подобные Хаксли и Ньюмену, единственная цель которых состояла в том, чтобы как можно яснее сказать, что думаешь, и этим ограничиться», — говорил в 1930 году председатель ассоциации преподавателей английского языка и литературы Джон Бачен. «Никто лучше него не подтверждал своим примером афоризм Бюффона «Стиль это человек», — писал сын знаменитого натуралиста в книге «Жизнь и письма Томаса Генри Хаксли». — Литература и наука, которые так часто оказываются разлучены, в нем снова соединились; литература обязана ему тем, что он внес в нее столь многое от высокого научного мышления и показал, что правда отнюдь не всегда бесцветна, и что настоящая сила заключена скорее в исчерпывающей точности, чем в цветистости стиля».

Стиль Томаса Хаксли — это снова стиль научной беседы, в которой еще больше, чем у Дарвина, поражает «открытость, при-

ветливость... научной мысли и самого способа изложения». Это всегда — разговор о науке, но разговор, затеянный человеком, уверенным, что наука проникает собой весь мир и что не должно быть резко очерченных границ между литературой и наукой.

Принято считать, что наука относится к области разума, а искусство, в отличие от него, — к области чувства, пишет он в статье «О науке и искусстве» (1882). Это не так. Ученый нередко получает эмоциональное и эстетическое удовольствие от своей работы, и математики с полным правом называют самые остроумные решения «красивыми». С другой стороны, подавляющее большинство форм искусства несколько не принадлежит к области «чистого искусства». Они приобретают свойства искусства в значительной мере «за счет одновременного, пускай даже бессознательного упражнения интеллекта». Чем больше искусство соответствует природе, тем значительнее его интеллектуальный элемент. Без него верность природе вообще невозможна. При этом «чем выше культура и осведомленность тех, к кому обращается искусство, тем определеннее и точнее должно быть то, что мы называем «верность природе». Собственно-эмоциональная сторона искусства никогда не вытеснялась у Хаксли его познавательной стороной, а наука не «разрушала» искусство. «Я всю жизнь испытывал острое наслаждение, встречаясь с красотой, которую предлагают нам природа и искусство, — писал он в 1886 году в статье «Наука и мораль». — Физика, надо думать, окажется когда-нибудь в состоянии сообщить нашим потомкам точные физические условия, основные и сопутствующие, при которых возникает это удивительное и восторженное ощущение красоты. Но если такой день и придет, наслаждение и восторг при созерцании красоты по-прежнему пребудут вне мира, истолкованного физикой». Искусство не было для Хаксли способом передачи истины, найденной наукой. Оно само по себе было средством исследования мира и нахождения истины. Но столь же твердым было убеждение Хаксли в том, что художник, чей разум развился в общении с современным знанием, всегда имеет преимущества перед художником, безразличным к науке. Художник, отвернувшийся от науки, для него художник, отвернувшийся от современности, не желающий мыслить в ее масштабах, принять ее взгляд на вселенную, задуматься о человеке и мироздании.

Сама наука для Хаксли входила как часть в целое в более высокое понятие культуры. Она тем более приближалась к культуре как таковой, чем больше ставила себе общие, мировоззренческие задачи. «Культура, — говорил он в статье «Наука и культура» (1880), — безусловно, представляет собой нечто совершенно

стличное от знаний и технических навыков. Она включает в себя обладание идеалом и привычку критически осмыслять, в свете теории, ценность вещей. Совершенная культура должна дать законченную теорию жизни, основанную на ясном знании о всех ее возможностях и пределах».

Наука и искусство тем больше сближаются, становятся проявлениями общей культуры, чем более они помогают объяснить общефилософскую проблему, «которая лежит в основании всех остальных и представляет более глубокий интерес, чем все остальные — вопрос о месте человека в природе и его отношении к Вселенной. Как произошло человечество; каковы пределы нашей власти над природой и власти природы над нами; к какой конечной цели все мы стремимся — вот проблемы, которые всякий раз заново и с новой значительностью встают перед каждым, кто появился на свет».

Одна из наук, по мнению Хаксли, помогала объяснить этот вопрос больше, чем любая другая. Это — биология и, в частности, центральная ее отрасль — физиология. Она, по словам Хаксли, «занимает центральное место в системе человеческого знания. Нет ни одной стороны человеческого разума, которую не могла бы развить физиология. Связанная бесчисленными нитями с отвлеченной наукой, она в то же время имеет самое близкое отношение к человеку».

Это были положения новые, яркие, звучавшие вызовом по отношению к викторианской Англии с ее догмами и предрассудками. Ревнители старины поносили Хаксли, у молодых людей, подобных Уэллсу, он вызывал поклонение и восторг. В те годы, писал позднее Уэллс, «наука бросила вызов традиции и догме, и разыгравшаяся в умах людей война была эпической войной. Именно в это время была завоевана теперешняя свобода мысли».

Само слово «биология» было тогда таким же синонимом слов «новая наука», как в пятидесятые годы нашего века — слово «кибернетика». Правда, впервые этот термин употребил Ламарк в 1801 году, но еще в семидесятые годы он воспринимался как неслогизм по отношению к словам «естественная история». Биология действительно олицетворяла новую науку. Эволюционные взгляды, постепенно вызревавшие во второй половине XVIII — начале XIX века в естественной истории (важным рубежом была работа Ламарка «Философия зоологии», 1809) и некоторых других науках, прежде всего в геологии, получили в «Происхождении видов» (1859) такое прочное подтверждение, что это оказало огромное влияние на духовную жизнь нескольких поколений. «Эволюция в науке означала революцию в религии», — остроумно заметил

американский литератор Лео Хенкин. Это был страшнейший удар по устоявшимся, санкционированным религией представлениям о происхождении человека и его месте в мире, причем не последнюю роль в этой революции сыграл Томас Хаксли.

Как известно, Дарвин в «Происхождении видов» не решился отчетливо сформулировать вопрос об эволюции человека и ограничился фразой, что его труд может «бросить свет на происхождение человека и его историю». Однако вслед за этим появилась публикация Геккеля по этому вопросу и труд Томаса Хаксли «Свидетельство о месте человека в природе» (1863). Когда в 1871 году вышло в свет «Происхождение человека» Дарвина, это вновь подняло интерес к его теории, но не произвело уже большой сенсации — все данные, приведенные Дарвиным, были еще раньше сообщены Хаксли и Геккелем.

Именно Хаксли принял на себя в Англии основной удар церковников. В течение многих лет он, подобно просветителям XVIII века, отстаивал знание против предрассудка. В этой борьбе ему пришлось затрагивать все более широкие области. Полем битвы для Хаксли стали не только наука, но и искусство, история, философия, педагогика. Целью Хаксли было внушить своим слушателям и читателям научный взгляд на мир, заставить их увидеть Вселенную во взаимосвязи ее частей. Унаследовать его задачу значило унаследовать его универсализм.

Можно без большого преувеличения сказать, что воспитывая из Уэллса ученого, Хаксли воспитывал из него писателя и просветителя. И то, что предметом занятий Уэллса оказалась именно биология, эта «новая наука» второй половины прошлого века, сыграло здесь огромную роль. Десятки аспектов идейной борьбы на протяжении нескольких десятилетий были отмечены влиянием дарвиновской теории эволюции, порой решающим. Теория эволюции казалась ключом современного знания, а биология, носительница этой теории — царицей наук, отрешившихся от своей былой замкнутости. «Широкое просветительское значение биологических и геологических исследований наполняло мое поколение надеждой и верой», — писал много лет спустя Герберт Уэллс. Биология была для него еще более гуманитарным знанием, чем для его учителя. «Биология, бесспорно, гораздо больше принадлежит по материалу и методу к тому, что мы называем историей и общественными науками, чем к наукам физического ряда, с которыми ее обычно ассоциируют», — говорил он. Однако для Уэллса, как и для Хаксли, биология вносила свой вклад в культуру, несколько не отказываясь от своих научных методов, а напротив — постольку, поскольку она ими располагала.

Вспоминая о Южном Кенсингтоне, Уэллс всегда подчеркивал, что именно тогда, научившись мыслить как ученый, он нашел себя и как личность. «Изучение зоологии в то время, — писал он в «Опыте автобиографии», — складывалось из системы тонких, строгих и поразительно значительных опытов. Это были поиски и осмысление основополагающих фактов. Год, который я провел в ученичестве у Хаксли, дал для моего образования больше, чем любой другой год моей жизни. Он выработал во мне стремление к последовательности и к поискам взаимных связей между вещами, а также неприятие тех случайных предположений и необоснованных утверждений, которые и составляют главный признак мышления человека необразованного, в отличие от образованного». И вместе с тем, по словам Уэллса, еще не раскрытый механизм эволюции оставлял свободу для самых смелых и неожиданных гипотез. Сочетание интереса к фактам, стремление охватить их в наибольшем количестве, быть скрупулезно им верным, с очень широким их осмыслением, со смелостью предположений — вот что приобрел будущий писатель, слушая курс профессора Хаксли. Тип мышления, которому помогло выработаться учение у Хаксли в колледже, чтение трудов Дарвина и Хаксли (в том числе и тех, что были написаны после ухода Уэллса из Южного Кенсингтона) определили впоследствии многие стороны взглядов и эстетики Уэллса. Именно в это время он научился мыслить вне предписанных схем. Тогда же он почувствовал потребность самостоятельно изыскивать факты и приводить их в систему, далеко простирающуюся за пределы отдельной науки. Он «нашел подход» к миру, и этот общий подход будет чувствоваться потом всегда — к какой-бы области знания ни обратился Уэллс. Это же единство подхода определит собой совпадение или преемственность взглядов Уэллса по отношению ко взглядам Хаксли. Будут и разногласия, но они определятся не столько прихотью индивидуальной мысли Уэллса, сколько новыми фактами и решениями, принесенными в мир реальным развитием. Хаксли был ученым дарвиновской школы, как Уэллс — хакслиевской. Но и Хаксли и Уэллс были еще Хаксли и Уэллсом — просветителями каждый своего поколения.

Расходились они, в частности, в вопросе об отношении науки и той отрасли литературы, которая именуется фантастикой.

У Хаксли нет прямых заявлений о фантастической литературе, но, судя по всему контексту его высказываний, она не могла быть предметом его особой привязанности. Фантастика неизбежно связана с неполным знанием (иначе не остается места для фантазии), а Хаксли — горячий сторонник литературы, основанной на прочном и все расширяющемся знании. Именно с проблемой знания свя-

зана у него и проблема верности природе. «Чем выше культура и осведомленность тех, к кому обращается искусство; тем определеннее и точнее должно быть то, что мы называем «верность природе». И если в вопросе об отношении литературы и науки Хаксли сумел подняться над ограниченным раннепросветительским противопоставлением чувства здравому смыслу (во избежание недоразумений следует иметь в виду, что при нечеткости тогдашней терминологии здравый смысл часто именовался разумом), то в суждениях о литературе как таковой он нигде не показал, что достиг такой же меры диалектичности.

Разумеется, Хаксли — первооткрыватель и просветитель, не мог не строить порой мыслительных схем, которые по праву следует назвать научно-фантастическими. Но он же сам решительно их отвергал и предостерегал против них своих слушателей: Подобные построения, по его словам, не обладали одним из важнейших атрибутов научности — доказательностью. Поэтому внутренний смысл фантастических построений Хаксли состоит в том, чтобы отвести своих слушателей от фантастики. Бездоказательная экстраполяция научных предположений это, по его мнению, вернейший путь от науки к поповщине.

Прекрасный пример этого — рассуждения Хаксли о возможности и характере жизни на других планетах.

Утверждая, что ввиду бесконечности Вселенной среди обитателей других планет не могут не оказаться существа, многократно нас превосходящие во всех отношениях, Хаксли продолжает: «Не выходя за рамки известных нам аналогий, легко населить космос существами все более, по возрастающей шкале, совершенными, пока мы не достигнем чего-то практически неотличимого от всемогущества, всеприсутствия и всеведения». При этом, если бы признание того, что некий предмет может существовать, было равнозначно доказательству того, что он действительно существует, подобная аналогия могла бы оправдать построение натуралистической теологии и демонологии, не менее удивительной, чем ныне существующая сверхъестественная, а также, равным образом, помогла бы населить Марс или Юпитер живыми формами, которым земная биология не может предложить никаких соответствий». Однако, завершает свои рассуждения Хаксли, всякий разумный человек примет по отношению к этой «натуралистической геологии» вердикт «не доказано» и не станет за отсутствием фактов, краткостью человеческой жизни и достаточным количеством серьезных дел ею заниматься.

Это рассуждение Хаксли замечательно прежде всего тем, что он сумел предсказать многие линии, по которым действительно

развивалась последующая фантастика. Не говоря уже о том, что Хаксли, обратив внимание на многообразие форм жизни на других планетах, по-своему подготовил «Войну миров» и ряд других романов подобного рода, он весьма точно предсказал направление мысли фантастов, живших после него. Именно в последние несколько десятилетий фантасты особенно внимательно перебирают и исследуют возможности, трудности и опасности, которые встанут перед человеком при встрече с чужими мирами, где могут обитать примитивные существа, только вступающие на путь цивилизации, или существа, во много раз превосходящие нас силой ума. Порой эти нарисованные фантастами существа настолько выше человека, что речь действительно идет о чем-то подобном «всемогуществу, всеприсутствию и всеведению». Этим существам человек кажется созданием столь примитивным, что он может очутиться в зоопарке, среди других неразумных тварей, как это, например, происходит в рассказе современного американского фантаста Роберта Сильверберга «В поисках образцов». Предугадал Хаксли и появление религиозной фантастики. Она очень невелика по объему, но все же существует. Признанным ее образцом считается созданная в годы второй мировой войны трилогия профессора литературы Средних Веков и Возрождения Оксфордского университета Клайва Степлса Льюиса «С молчаливой планеты», «Переландра» и «Уродливая сила».

Иными словами, Хаксли, желая противопоставить науку фантастике, на самом деле предсказал несколько форм фантастики — и не только религиозно-философской, но и научной. Однако произошло это не по его воле и не в последнюю очередь благодаря тому, что среди его учеников оказался один, способный пойти дальше учителя и слова «умейте мыслить самостоятельно» применивший к себе самому.

Любопытную параллель взглядам Хаксли представляет позиция Бульвер—Литтона. Пренебрежительное и враждебное отношение Хаксли к фантастике объясняется тем, что, по его мнению, наука и прежде всего дарвинизм могут остаться наукой, лишь оградив себя от фантастики. Для Бульвера наука и фантастика тоже достаточно далеки друг от друга. Но потому-то он и обращается в своей фантастике к дарвинизму, «который кажется ему антинаучным». Бульвер, как это явствует из «Кенельма Чилингли» — враг дарвинизма. Однако в вышедшем за два года до этого романе «Грядущая раса» (1871) он использует многие положения теории эволюции.

Дарвинизм, эта новая теория, распространявшая свое влияние далеко за рамки отдельной науки и естественных наук, взятых в

целом, не мог не оказать огромного влияния на формирование новой фантастики. Он помогал ей возникнуть даже тогда, когда проходил через руки врагов фантастики и врагов дарвинизма.

Определяющее влияние новая биология оказала и на Сэмюэля Батлера, автора романов «Эрево́н» (1871) и «Снова в Эрево́не» (1901), сыгравших немалую роль в истории современной фантастики.

Батлер в чем-то совмещает позиции Хаксли и Бульвера. Он начал как горячий сторонник дарвинизма и кончил как яростный его противник. И все же он всегда питался — развивая ли их, споря ли с ними, — тем комплексом идей, который породило в нем знакомство с «Происхождением видов».

Эта книга попала в руки двадцатичетырехлетнего Батлера, незадолго до того пережившего религиозный кризис, почти сразу после выхода в свет и поразила его. Он написал на эту тему философский диалог, который в 1863 году прочитал Дарвин (подозревают, что Батлер сам послал его от чужого имени). Дарвин высоко оценил писательский дар Батлера и помог опубликовать этот диалог. Они вступили в переписку, и Батлер не устал высказывать Дарвину свое восхищение.

Центральная часть «Эрево́на» — «Книга машин» готовилась долго и тщательно. В 1863 году Батлер опубликовал очерк «Дарвин среди машин», в 1865 — еще два очерка: «Размышления пьяного» и «Механическое создание». Все эти очерки, как и окончательный их вариант — «Книга машин» были попытками приложения теории Дарвина к истории техники.

Чрезвычайно специфический характер этой задачи и придал рассуждениям Батлера качества научной фантастики. Батлер стремился выявить всеобщее значение теории эволюции, показать, что она далеко выходит за рамки биологии, касается всех дел человеческих и всех сторон его практического и духовного опыта. Его основная цель — поднять дарвинизм от научной теории, приложимой к истории развития органического мира, до положения универсального метода мышления, показать дарвинизм в том виде, в каком он явился ему, восторженному поклоннику Дарвина. Способ, который Батлер для этого избирает, не может не поразить своей парадоксальностью. Если дарвинизм — это имеющий всеобщее значение метод мышления, значит, он приложим даже к тем областям жизни, которые прямо противоположны сфере, описанной Дарвином. Если Дарвин описал, пользуясь своим методом, историю развития органического мира, то прямо противоположной сферой, к которой следует приложить теорию Дарвина, оказывается история

мира неорганического и притом обязанного своим происхождением рукам человека — «машинной цивилизации».

Разумеется, этот парадокс призван был лишь с наибольшей наглядностью подкрепить положения Дарвина. Сила его теории должна была выявиться на этот раз не столько во вскрытии реальных закономерностей жизни, сколько в том, что с ее помощью удастся доказать даже невозможное. Однако это оказалось плохой услугой дарвинизму, и в предисловии ко второму изданию «Эрэвона» Батлеру пришлось объяснять, что в его немерения отнюдь не входило, как многие подумали, привести Дарвина к абсурду. Если он последовательно приложил теорию Дарвина к миру машин, то исходил при этом из того, что Дарвин не потерпит никакого ущерба.

В некотором смысле Батлер был прав. Две идеи теории эволюции оказались одинаково (хотя, разумеется, и с необходимыми поправками) приложимы и к истории органической жизни, и к истории техники — тезис о развитии от низших форм к высшим и положение о развитии, подчиненном собственным законам. Универсальность последнего тезиса, очевидно, особенно поразила Батлера и стала основой его рассуждений. Внутренние законы развития техники были описаны в терминах биологии (что должно было подчеркнуть всеобщность учения Дарвина), и, поскольку Батлер следовал строгой логике, «мир машины» в конечном счете гребрел сознание.

Этот последний пункт и был той точкой, где пропаганда дарвинизма совершенно явно переходила в пародию на него, и сам Батлер в какой-то момент это понял. В письме Дарвину от 11 мая 1872 года он писал, что не имел в виду ничего серьезного и желал только привести пример того, как легко с помощью некоторого остроумия и логики доказать любую чепуху. Но хотя искренность его нельзя поставить под сомнение, именно вопрос о сознании предопределил последующий разрыв Батлера с Дарвином.

Ход рассуждений Батлера после «Эрэвона» по-своему очень прост. Батлер открыл для себя существование определенных закономерностей развития техники, подчиненной, по видимости, тем же законам, что и органический мир, и попытался их выяснить, минуя при этом всю общественную сторону вопроса. Вывод, как легко догадаться, получился абсурдный — машины обладают сознанием. Вместе с тем причина ошибки была от Батлера скрыта. Он не обладал ни знанием общественных наук, ни интересом к ним. Устранить абсурд, оставаясь в рамках биологии, можно было поэтому лишь одним путем — открыто признать свой вывод в

отношении машин нелепым (что он и сделал в своем письме Дарвину), а эволюцию машин нецеленаправленной, подчиненной слепым законам естественного отбора. Но тем самым абсурд только усугублялся — именно машины оказывались подчиненными теории Дарвина в ее наиболее последовательном выражении. В чем же тогда специфика развития органического мира? Не значит ли это, что если у машин эволюция бессознательна, у животных она сознательна? Не значит ли это, что теория Дарвина верна для машин, а не для животных?

Эта мысль и легла для Батлера в основу различия органического и неорганического потоков эволюции. В работах «Жизнь и привычка» (1877), «Старая и новая эволюция» (1879), «Бессознательная память» (1880) и «Случайность или хитрость как главный источник органических изменений» (1886) он доказывает, что в процессе биологической эволюции активно участвует сознание, и поэтому она носит целенаправленный характер. Книги его приобрели подчеркнутый антидарвинистский смысл, и если к публикации его первой книги имел некоторое отношение Дарвин, то изданию ее второй части способствовал Бернард Шоу — один из самых горячих английских противников Дарвина.

Для такого преданного дарвиниста, как Герберт Уэллс, Сэмюэля Батлера всегда был однозной фигурой. Неприязнь Уэллса к Батлеру еще усугублялась тем, что, по справедливому его мнению, именно у Батлера заимствовал свои антидарвинистские идеи его постоянный оппонент по этому вопросу Бернард Шоу. В «Опыте автобиографии» Уэллса Батлер не упомянут ни разу, и с его именем мы встречаемся у Уэллса лишь тогда, когда, обличая Шоу-антидарвиниста в статье «Иван Павлов и Бернард Шоу», он подчеркивал не только неверность, но и несамостоятельность идей Шоу.

Вряд ли подобное отношение к Батлеру было достаточно справедливым. Батлер не просто сыграл роль в становлении новой фантастики. Он сыграл ее в значительной мере благодаря Уэллсу, через Уэллса, и если он в этом смысле должен был бы быть обязан Уэллсу, то и Уэллс мог бы принести дань благодарности Батлеру — без него он меньше бы был Уэллсом — тем фантастом, которого мы знаем.

«Книга машин», если говорить об основном направлении мысли Батлера, о машинах, которые могут обрести интеллект и возобладать над людьми, не оказала прямого воздействия на Уэллса. На фантастику она потом повлияла самостоятельно, помимо Уэллса. Говоря об антигуманной и в этом смысле «машинной» цивилизации, Уэллс всегда возвращал ее к биологическим формам. И марсиане,

и селениты обладают сознанием потому, что принадлежат живой природе, хотя и в крайне непривычных ее формах. Это не удивительно. В парадоксальном положении об интеллекте, которым может обладать неживая природа, Уэллс не мог не увидеть скрытую основу к его времени уже шумно проявившегося антидарвинизма Батлера. Именно это и отталкивало больше всего Уэллса от Батлера. Однако в других отношениях Батлер — против воли — многому научил Уэллса.

Это влияние сказывается в кардинальных пунктах идейно-художественной проблематики Уэллса, и если критика до сих пор его не отметила, то объясняется это прежде всего тем, что все батлеровские темы появляются у Уэллса в решительно преобразованном виде.

Влияние Батлера, впрочем, отнюдь не исчерпывается теми или иными воспринятыми Уэллсом поворотами мысли. По сути дела, именно Батлер невольно подсказал новой фантастике одну из основных ее установок. В так называемых «школах неразумия», принадлежащих к числу главных объектов сатиры Батлера, считают, что «учить ребенка исключительно реальным свойствам вещей, окружающих его в нашем мире, вещей, с которыми он и так познакомятся на протяжении жизни, значит давать ему узкое и поверхностное представление о вселенной, ибо она, следует подчеркнуть, может содержать в себе предметы любого рода, доселе нам не известные. Открыть глаза ребенку на эти возможности и тем самым приготовить его к любым неожиданным ситуациям и составляет задачу предмета гипотетики». Как известно, осмеленное Батлером и стало одной из основных общественных функций фантастики, а Уэллс — одним из первых фантастов, поставивших себе целью писать о возможностях и опасностях, незаметных в нашем мире, но вполне реальных в мире, которого вокруг нас еще нет — в мире будущего, и тем самым приготовить его (на этот раз — человечество) к любым неожиданным ситуациям».

Тот колоссальный умственный сдвиг, который произвела теория Дарвина, не мог не вызвать появления новой фантастики. Энергия умственных революций огромна, и движение, порожденное ими, обладает такой колоссальной инерцией, что мысль далеко выплескивается за рамки науки. Так случилось и в шестидесятые — девяностые годы прошлого века. Любое прикосновение к дарвинизму порождало умственные построения, несшие в себе семена фантастики. Но, с другой стороны, дарвинизм был наукой. Он возобладавал над другими теориями именно потому, что сумел вобрать в себя и объяснить колоссальное количество фактов. Научная добросовестность Дарвина стала признаком всей его школы,

и никто не проявлял такой осторожности по отношению к любым, пусть самым заманчивым, но недоказанным предположениям. Дарвин был великим реалистом в науке, и это заставляло учеников его и последователей с опаской и недоброжелательством относиться к тем элементам фантастики, которые не могли не проникать в их построения. Фантастика все время подступала к порогу большого мира, но ей не позволяли переступить этот порог. Первым помог ей это сделать Герберт Уэллс.

СБОРНИК НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Выпуск 15

Составитель **В. Владимиров**

Редактор **С. П. Стояпник**

Художник **Д. М. Утенков**

Художеств. редактор **В. Н. Конюхов**

Технические редакторы **М. Т. Столярова**

и **Т. В. Самсонова**

Корректор **В. В. Каночкина**

А 06810. Индекс заказа 47705. Сдано в набор 2/III 1974 г. Подписано в печать 11/VI 1974 г. Формат бумаги 84×108¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Бум. л. 3,5. Печ. л. 7,0. Усл.-печ. л. 11,76. Уч.-изд. л. 14,25. Тираж 100 000 экз. Издательство «Знание», 101835, Москва, Центр, проезд Серова, д. 3/4. Цена 47 коп.

Ордена Ленина комбинат печати изд-ва «Радянська Україна», Киев-47, Брест-Литовский проспект, 94. Зак. 069.

47 коп.